

A decorative frame with floral motifs, featuring stylized leaves and flowers, surrounding the central text.

Б. В. ЛУНИН

СРЕДНЯЯ АЗИЯ

В НАУЧНОМ
НАСЛЕДИИ
ОТЕЧЕСТВЕННОГО
ВОСТОКО-
ВЕДЕНИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

Б. В. ЛУНИН

СРЕДНЯЯ АЗИЯ
В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ
ОТЕЧЕСТВЕННОГО
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ
ОЧЕРК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФАН» УЗБЕКСКОЙ ССР
ТАШКЕНТ — 1979

В книге на широком историографическом фоне и в тесной связи с историей отечественного востоковедения в целом аналитически рассматривается научное наследие видных востоковедов конца XIX — начала XX в. Н. И. Веселовского, В. В. Бартольда, В. Р. Розена и др. по изучению историко-культурного прошлого Средней Азии (археологические раскопки, исторические и историографические исследования, публикации по эпиграфике, нумизматике, этнографии, архитектурным памятникам и пр.).

В работе использованы малоизвестные или впервые вводимые в научный оборот материалы из архивных, музейных, библиотечных и других собраний. Дается критическая оценка с марксистско-ленинских позиций научно-общественного мировоззрения Н. И. Веселовского, а также других русских востоковедов, освещается их роль и место в истории изучения Средней Азии.

Книга предназначена для научных работников, преподавателей и студентов вузов, сотрудников музеев и библиотек, краеведов и всех, кто интересуется историей изучения культурного прошлого Средней Азии.

Ответственный редактор —
доктор исторических наук *Х. З. Зияев*

Л $\frac{10601-1043}{М\ 355(06)-79}$ 132—79

© Издательство «Фан» Узбекской ССР, Ташкент, 1979 г.

Предлагаемая вниманию читателей книга — часть большого и широко задуманного труда по истории дореволюционного и советского востоковедения в Средней Азии, выполняемого сектором историографии Института истории Академии наук Узбекской ССР, что отвечает общему росту интереса, проявляемого в последнее время к истории отечественного востоковедения в целом.

О существенном оживлении в этой области историографических исследований свидетельствует выход в свет собраний сочинений таких выдающихся востоковедов, как В. В. Бартольд, Е. Э. Бертельс, В. А. Гордлевский, Н. Ю. Крачковский и др., научных биографий М. С. Андреева, В. В. Бартольда, Н. Ф. Катанова, И. П. Минаева, А. А. Семенова, А. Е. Снесарева, Н. В. Ханыкова и др., многих статей и работ по отдельным вопросам истории востоковедения, в том числе фундаментальных трудов историографического характера¹.

Стали достоянием ученых и широкого круга читателей капитальные издания: «Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период» (1974) и «Биобиблиографический словарь советских востоковедов» (1975). Оживляется и востоко-

¹ Например, шесть выпусков «Очерков по истории русского востоковедения» (1953—1963), «Очерки истории изучения ислама в СССР» (1954), «Исламизм в СССР» (1959), «Изучение древней истории Ближнего и Среднего Востока в Советском Союзе» (1961), «Изучение мертвых иранских языков в России и СССР» (1962), «Востоковедение в Советском Азербайджане» (1964), «Изучение Ближнего Востока в России. XIX—начало XX в.» (1968), «Тюркская филология в СССР. 1917—1967» (1968), «Арабистика в СССР» (1969), «Востоковедение в Ленинградском университете» (1970), «Из истории советского востоковедения. 1917—1967» (1970), «Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР» (1972), «История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период» (1972), «Изучение Ближнего и Среднего Востока в Казанском университете» (1972), «Ближний Восток в русской науке и литературе. Дооктябрьский период» (1973), «Исламизм в истории отечественного востоковедения» (1973), «Очерк истории изучения турецкого языка» (1976), «Очерки истории русского китаеведения» (1977), «Ленинградский восточный институт» (1977) и др.

Переизданы работы по истории востоковедения В. В. Бартольда, Н. Ю. Крачковского, издаются воспоминания ученых-востоковедов.

ведная библиография. Опубликовано такие труды, как «Востоковедение в изданиях Академии наук. 1726—1917. Библиография» (1966), «Аннотированная библиография трудов В. В. Бартольда» (1976), «Библиография Индии» (а также Афганистана и Ирана) и др.

И в республиках Средней Азии, в том числе в Узбекистане, появились работы по истории дореволюционного и послеоктябрьского востоковедения применительно к данному региону: «Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане» (1958), «Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность» (1962), «Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении» (1965), «Очерки истории этнографического изучения казахского народа» (1966). Очерки о многих востоковедах, чья научная деятельность тесно связана с Средней Азией, содержатся в «Историографии общественных наук в Узбекистане (Биобиблиографические очерки)» (1974), «Биобиблиографических очерках о деятелях общественных наук Узбекистана» (I книга — 1976, II — 1977) и др.

Все это — явление отнюдь не случайное, но глубоко закономерное, predetermined классическим ленинским указанием на то, что «пролетарская культура должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновничьего общества»² и на то, что «марксизм завоевал себе свое всемирно-историческое значение как идеологии революционного пролетариата тем, что марксизм отнюдь не отбросил ценнейших завоеваний буржуазной эпохи, а, напротив, усвоил и переработал все, что было ценного в более чем двухтысячелетнем развитии человеческой мысли и культуры»³.

И советское востоковедение, прошедшее шестидесятилетний путь своего развития, путь большой, сложный и плодотворный, конечно же, также имеет право на осмысление своей истории и предыстории, на историографический их анализ.

Возрастание историографических (а также биобиблиографических) публикаций нельзя не поставить еще и в связь с необходимостью всемерного развития в наше время, время быстрого наращивания знаний, улучшения научной информации, что было отнесено на XXIV съезде КПСС к числу актуальных проблем ускорения научно-технического прогресса⁴.

Учитывая сказанное, нельзя не признать крайне желательным создание очерков о крупных востоковедах до- и пореволюционного времени, жизнь и деятельность которых еще ждет подробного и всестороннего освещения.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 304—305.

³ Там же, с. 337.

⁴ Брежнев Л. И. Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза. — В кн.: Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971, с. 57.

**В. В. ГРИГОРЬЕВ, Н. И. ВЕСЕЛОВСКИЙ, В. В. БАРТОЛЬД
КАК ИССЛЕДОВАТЕЛИ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО ПРОШЛОГО.
НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ВОСТОКОВЕДНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

Общепризнано, что из числа отечественных востоковедов дореволюционного времени никто не сделал так много для изучения историко-культурного прошлого Средней Азии, как В. В. Григорьев, его ученик Н. И. Веселовский и ученик последнего В. В. Бартольд, с учетом, конечно, разномасштабности их заслуг перед наукой.

В списках трудов и Григорьева, и Веселовского, и Бартольда мы найдем немалое количество ценных работ, посвященных отнюдь не только Средней Азии. Но при всем том определяющей и главенствующей в их научном наследии являлась среднеазиатская тематика.

При этом если жизнь и деятельность В. В. Григорьева нашли отражение в дореволюционной литературе¹ и продолжают освещаться в советской литературе (работы А. Ю. Якубовского и др.), а литература о В. В. Бартольде уже составила содержание специального указателя (14 названий публикаций дореволюционного времени и 127 — советского)², то иное положение дел мы наблюдаем в отношении Н. И. Веселовского.

¹ Прежде всего в капитальной биографии В. В. Григорьева, принадлежащей перу Н. И. Веселовского («Василий Васильевич Григорьев по его письмам и трудам», 1887). Своей книгой о Григорьеве Веселовский, по словам В. В. Бартольда, «поставил своему учителю памятник, какого не имеет до сих пор ни один из других русских ориенталистов» (Бартольд В. В. Н. И. Веселовский как исследователь Востока и историк русской науки.—ЗВРАО, т. XXV, 1921, с. 337; Бартольд В. В. Сочинения, т. IX, М., 1977, с. 648). «Эти слова [Бартольд], — замечает И. И. Умняков. — остаются в силе до настоящего времени» (см.: Умняков И. И. Аннотированная библиография трудов В. В. Бартольда. М., 1976, с. 11).

² Литература о В. В. Бартольде. — В кн.: Умняков И. И. Аннотированная библиография трудов В. В. Бартольда, М., 1976, с. 218—229. Сейчас этот список уже может быть дополнен. См., например: Туманович Н. Н. Архивные материалы к общественной и педагогической деятельности В. В. Бартольда. — В кн.: Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Тезисы докладов II научной сессии Ленинградского отделения Института народов Азии. Л., 1966, с. 12—14; Lunin B. V. The Life and Works of Academician Vasilii Vladimirovich Bartold. — «Soviet Anthropology and Archeology». Vol. IX. N 2. New York, 1970, p. 91—126; Байнаков К. М. и Кумек-ов Б. Е., В. В. Бартольд как историк и археолог средневекового Казахстана. —

И поныне, спустя более шести десятилетий после его кончины, некрологические очерки о нем В. В. Бартольда, Н. Печенкина и Б. В. Фармаковского, написанные в 1918 г. и опубликованные в 1921 г., остаются единственными, в которых ставилось целью охарактеризовать наиболее существенные черты облика Веселовского — ученого и человека³.

В дальнейшем, кроме кратких биографических сведений в энциклопедических и других справочных изданиях и отрывочных данных в публикациях разных авторов, мы не найдем ни одной специальной сколько-нибудь обширной публикации, посвященной жизни и деятельности Веселовского, помимо более или менее пространств сведений о нем как археологе, в связи с критикой его раскопной деятельности (А. Ю. Якубовский, В. А. Шишкин и др.)⁴.

Так или иначе остается непреложным фактом: жизнь и деятельность видного востоковеда и крупного специалиста по истории культуры Средней Азии Николая Ивановича Веселовского по сути почти выпали из поля зрения советской востоковедческой историографии, хотя в литературе самого последнего времени нет недостатка в признании его заслуг как видного исследователя истории Востока, в том числе Средней Азии.

Одним из ярких представителей отечественной школы истории восточных стран (основание которой связано с учреждением в 1863 г. кафедры истории Востока на факультете восточных языков Петербургского университета) и выдающимся ученым назвал Н. И. Веселовского академик А. Н. Кононов⁵, относя его еще и к такому направлению отечественного востоковедения, как изучение восточных источников для освещения истории народов России (Френ, Казембек, Григорьев, Розен, Бартольд, Тизенгаузен)⁶. Другой современный автор относит Н. И. Веселовского к числу

Известия АН Казахской ССР, Сер. общественных наук, 1974, № 6, с. 83—88; Рамазанов Т. М. Проблемы причинности и закономерности исторических явлений в трудах В. В. Бартольда. — Материалы по истории и археологии Средней Азии, Научные труды ТашГУ им. В. И. Ленина, вып. 423, Ташкент, 1976, с. 92—101; статьи, освещающие жизнь и деятельность В. В. Бартольда в «Бартольдовских чтениях» (Тезисы докладов и сообщений, Годы I—IV, М., 1974—1978).

³ Бартольд В. В. Н. И. Веселовский как исследователь Востока и историк русской науки. — ЗВОРАО, т. XXV, 1921, с. 337—355; Печенкин Н. Памяти Н. И. Веселовского. — Там же, с. 356—358; Фармаковский Б. В. Н. И. Веселовский — археолог. — Там же, с. 359—386 (см. также: Бартольд В. В. Николай Иванович Веселовский. Некролог (1848—1918). — Известия Российской Академии наук, сер. VI, т. XIII, № 9, 1918, с. 809—816).

⁴ См. приложение 5 к данной книге. Также: Литература о Н. И. Веселовском. — В кн.: Историография общественных наук в Узбекистане. Библиографические очерки. Составитель Б. В. Лунин. Ташкент, 1974, с. 136—137.

⁵ Кононов А. Н. «Некоторые вопросы изучения истории отечественного востоковедения. М., 1960, с. 3 (XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР); Он же. История изучения тюркских языков в России. Дюктябрьский период. Л., 1972, с. 4.

⁶ Кононов Н. А. История изучения тюркских языков..., с. 39.

ученых, «положивших начало изучению прошлого и настоящего тюркских народов»⁷. Известным «историком Средней Азии, крупным археологом, исследователем русских архивов — статейных списков московских послов» именует Веселовского Б. М. Данциг⁸.

В печати поднимается вопрос о необходимости подготовки и издания специального очерка о жизни и деятельности Н. И. Веселовского: «Хорошо, если у нас будут популярные книги... о Н. И. Веселовском, но еще нужнее его научная биография»⁹.

Автор данной книги и ставил целью в меру своих сил и возможностей восполнить этот пробел хотя бы в плане освещения деятельности Н. И. Веселовского применительно к изучению Средней Азии.

С удовлетворением и признательностью отмечаем, что замысел написать книгу о Н. И. Веселовском как исследователе Средней Азии встретил сочувственное и одобрительное отношение А. Н. Кононова, В. А. Крачковской, И. П. Петрушевского, И. И. Умнякова¹⁰, В. А. Шишкина и других ученых¹¹.

Убежденность автора в полезности и необходимости такой работы обусловлена и тем соображением, что, когда речь идет о крупных и типичных для своего времени ученых, их биографии выступают не в роли частных фактов их жизни и деятельности (небезынтересных и примечательных самих по себе), а в качестве существенных материалов к характеристике того или иного этапа развития истории отечественной науки.

Говоря авторитетными словами академиков Н. М. Дружинина и И. Ю. Крачковского, «нельзя устранить из исторического процесса живые индивидуальности. История совершается живыми людьми, мыслящими и чувствующими в соответствии с задачами своего времени»¹² и под этим углом зрения «не траурным звоном отдаются у нас слова некрологов. Мы оглядываемся назад, чтобы определить расстояние, которое прошли, а впереди предстает дальний бесконечный путь»¹³.

⁷ Желтяков А. Д. Изучение истории Турции.— В кн.: Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР, М., 1972, с. 428.

⁸ Данциг Б. М. Ближний Восток в русской науке и литературе (Дооктябрьский период). М., 1973, с. 251.

⁹ Формозов А. А. Некоторые итоги и задачи исследований в области истории археологии.— «Советская археология», 1973, № 4, с. 10.

¹⁰ Ныне покойному проф. И. И. Умнякову, знакомившемуся с одним из первых вариантов нашей работы о Н. И. Веселовском, мы обязаны некоторыми полезными рекомендациями.

¹¹ Автор сердечно благодарит академика А. Н. Кононова, докторов исторических наук Б. А. Алмедова, Х. Э. Зияева, Р. Г. Мукминову и других ученых, знакомившихся с рукописью работы, за их ценные советы и замечания по ее содержанию.

¹² Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева, т. I, М.—Л., 1946, с. 6.

¹³ Крачковский И. Ю. Цит. по статье: Гордлевский В. А. Игнатий Юлианович Крачковский.—«Советское востоковедение», IV, М., 1947, с. 17—18.

Справедливо также указание акад. А. Н. Кононова на то, что «изучение и популяризация истории отечественного востоковедения имеет не только важное научное значение, но и большое воспитательное значение. Избирая новый путь, нельзя забывать путь пройденный, дабы не оставить без должного внимания то хорошее и полезное, что было в прошлом, и не повторить того, что было в прошлом плохого и ненужного»¹⁴.

Добавим, наконец, что в условиях быстрого и всестороннего развития советского востоковедения в науку приходят одно за другим поколения молодых ученых, призванных владеть всеми знаниями, накопленными как советским, так и дореволюционным востоковедением, что является неизменным условием успешности подлинно исследовательских работ. Задача не из легких, принимающая во внимание обширность существующей литературы, нередкое ее распыленность по ставшим библиографически редкими изданиям, слабую изученность архивных материалов по истории науки, крайнюю недостаточность библиографических, биобиблиографических и других справочных пособий, историографических исследований, облегчающих критическую оценку научного наследия прошлого.

И в этом плане нельзя не признать желательным появление историографических очерков о жизни и деятельности Н. И. Веселовского, тем более, что публикации, характеризующие Веселовского как востоковеда и его заслуги перед отечественным туркостановедением, давно перешли в разряд библиографических редкостей. Многим исследователям известны лишь отдельные публикации Н. И. Веселовского по тому или иному вопросу. Смутны и неполны представления о его общем вкладе в науку, о его облике ученого, о его большом, в своей совокупности, вкладе в изучение Средней Азии, где он был одним из немногих первых специалистов-востоковедов, закладывавших фундамент наших знаний об этом обширном, исторически богатым крае. Между тем научное наследие Веселовского в той или иной степени не потеряло своего значения и сейчас. Процесс сложения и развития историко-востоковедческих изысканий по Средней Азии, историография вопроса не могут быть освещены в полной мере без того, чтобы не воздать должного пусть не всегда и не во всем «удачливой», но в целом несомненно плодотворной его деятельности.

И дело при этом отнюдь не в том, чтобы воздать должное памяти Веселовского в советской историографии.

¹⁴ Кононов А. Н. Некоторые вопросы изучения истории отечественного востоковедения. М., 1960, с. 24 (XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР). Эта мысль перекликается со словами В. В. Бартольда, который, имея в виду Н. И. Веселовского, писал, что «будущие историки и археологи, конечно, не забудут, чем они обязаны трудам своих предшественников, в том числе и их ошибкам» (Бартольд В. В. Николай Иванович Веселовский..., Сочинения, т. IX, М., 1977, с. 647).

Критический очерк его жизни и деятельности призван иметь не только познавательное, но и практическое значение.

Нельзя не согласиться с мыслью одного из современных историографов о том, что «в нашей литературе мы нередко встречаемся с недостаточным знакомством с работами предшественников. Бывает, что какая-нибудь плодотворная идея, высказанная достаточно давно, приписывается авторам последних сводок на данную тему...». Конечно, «труды наших предшественников уже не удовлетворяют нас с методической стороны»¹⁵ и, добавим от себя, за большой устарелостью содержащихся в них данных и выводов. Но есть и другая сторона дела: в наше время, время быстрого движения вперед, накопления научных знаний и совершенствования приемов и методов изысканий исследователей, ученые, «работающие не один десяток лет, замечают, как быстро устаревают их собственные книги и статьи. Отсюда возникает представление о ценности исследований только нынешнего поколения ученых, о том, что все, сделанное в начале XX, а тем более в XIX веке, сейчас уже не имеет никакого значения. Так ли это?»¹⁶.

Конечно, нет.

* * *

Мы уже говорили о том, что судьба и время были неоправданно суровы к памяти о Н. И. Веселовском, и следует объяснить читателю причины этого, тем более, что данное обстоятельство вполне заслуживает именно историографического анализа.

Начать с того, что, востоковед по образованию, историк Востока (преимущественно Средней Азии), Н. И. Веселовский длительное время, вплоть до кончины, сочетал научно-востоковедческую деятельность с археологической. Раскопанные им в южных областях России курганные погребения и могильники содержали немало уникальных предметов древности первостепенного научного и первоклассного художественно-эстетического значения. По свидетельству акад. С. А. Жебелева, «здесь главным и на редкость счастливым деятелем оказался старший член [Археологической] комиссии покойный Н. И. Веселовский, открывший много исключительных по своему значению памятников греческой, римской и «скифской» старины»¹⁷. Говоря словами самого Н. И. Веселовского, «всего более дал нам... юг, почва которого изобилует богатейшими произведениями классического мира», почему многие ученые «не могли не увлечься археологией и немало потрудились на этом поприще»¹⁸.

¹⁵ Формозов А. А. Некоторые итоги и задачи исследований в области истории археологии. — «Советская археология», 1975, № 4, с. 6.

¹⁶ Там же, с. 6—7.

¹⁷ Жебелев С. А. Введение в археологию. Ч. I. История археологического знания. Пг., 1923, с. 110.

¹⁸ История Императорского Русского Археологического Общества за первое пятидесятилетие его существования, 1846—1896. Составил действит. член Общества Н. И. Веселовский. СПб., 1900, с. 3.

Чтобы представить себе, о каких выдающихся находках Веселовского шла речь, достаточно вспомнить раскопанный им знаменитый Майкопский курган. «Вся территория Западной Европы бронзовой эпохи (кроме Греции) не дала такого богатого погребения, как Майкопский курган, раскопанный Н. И. Веселовским в 1897 году»¹⁹. Всемирную известность получили также находки в некоторых вскрытых им крупных («царских») скифских курганах, породившие и поныне продолжающие вызывать к жизни обширную научную литературу. В известной степени внешне менее эффектными, но в научном отношении тоже весьма ценными являлись раскопанные Н. И. Веселовским курганы сарматского круга («периода римского владычества») на Кубани, некрополь древнего Танаиса близ Недвиговки в низовьях Дона, белореченские и иные погребения эпохи средних веков и др.²⁰

Среди находок из раскопок Н. И. Веселовского встречалось немало золотых и серебряных изделий, пленявших воображение людей, не искушенных в науке, не только художественными достоинствами, но и материальной ценностью этих изделий. Наиболее выдающиеся из обнаруженных им предметов древности поступали на хранение и включались в экспозицию Эрмитажа и других крупных музеев.

Благодаря раскопкам, сведения о которых, помимо воли на то самого Н. И. Веселовского, приобретали в газетных сообщениях подчас весьма громкий характер, его имя много лет подряд не сходило со страниц периодической печати и было одним из наиболее известных широкой публике имен ученых дореволюционной России. В таких условиях существовало, образно говоря, как бы два Веселовских: популярнейший русский археолог и энергичный, но гораздо менее известный историк-востоковед. Первый оттеснял второго на задний план, держал его в тени²¹.

«Многие представляют себе [Веселовского] по преимуществу археологом доклассового или раннеклассового общества, — пишет А. Ю. Якубовский. — Это глубокое заблуждение. Н. И. Веселовский по основной своей специальности — востоковед, к тому же историк»²².

Но не только в этом заключалось отмеченное нами своеобразие жизни и деятельности Н. И. Веселовского и особенно своеобразие его посмертной судьбы.

¹⁹ Крупнов Е. И. Древняя история и культура Кабарды. М., 1957. с. 49.

²⁰ География раскопочных работ Веселовского хорошо охарактеризована Б. В. Фармаковским в его статье «Н. И. Веселовский — археолог», — ЗВРАО, т. XXV, 1921, с. 362—373.

²¹ Прав А. Л. Монгайт, сообщая данные о Веселовском в следующем порядке: «Веселовский Николай Иванович. История Востока, в частности Средней Азии. Историография востоковедения. Археология». (Монгайт А. Л. Археология в СССР. М., 1955, с. 396).

²² Якубовский А. Ю. Из истории археологического изучения Самарканда. — Труды отдела Востока Государственного Эрмитажа, т. II. Л., 1940, с. 290.

Сколь бы ни была в общем полезна и важна для науки деятельность Веселовского-археолога, именно она (точнее сказать, раскопочная практика) стала подвергаться суровой критике, во многом справедливой. Еще при жизни Н. И. Веселовского в его адрес начинали исходить из ученой среды упреки в поверхностном характере некоторых раскопок. Действительно. При всем несовершенстве в ту пору методики археологических работ, все же и тогда в России уже были известны исследователи, чьи работы по тщательности, всесторонней наблюдательности, вниманию к «мелочам» разительно отличались от раскопок Н. И. Веселовского, — например, ольвийские изыскания Б. В. Фармаковского.

После Великой Октябрьской социалистической революции, когда неизбежно началась переоценка научного наследия дореволюционной археологии, сопровождавшаяся быстрым качественным совершенствованием методики полевых исследований, раскопочная практика Н. И. Веселовского стала объектом наиболее взвешательной критики, ибо она, пожалуй, в наибольшей степени отразила слабые стороны полевых работ б. Императорской археологической комиссии, старшим членом и деятельным сотрудником которой был Веселовский. С особой силой стал бросаться в глаза в известном смысле вещеведческий характер раскопок Н. И. Веселовского в конце XIX — начале XX в., допускавшие в ходе их совершенно очевидные небрежности, отсутствие должной фиксации (подробных дневниковых записей и описей) найденного, подчас пренебрежительное отношение к «второстепенным» находкам в погребальных комплексах. В ряде случаев оставляло желать лучшего научное осмысление и обобщение вещественных материалов и т. п. Некоторые стороны раскопочной деятельности Н. И. Веселовского являли собой иллюстрацию к метким словам В. В. Бартольда о том, что «самый вредный для науки тип раскопок — раскопки с музейными целями»²³.

Но была и другая сторона дела. Как это нередко бывает, в пылу полемического задора критические замечания в адрес Н. И. Веселовского-археолога приобретали иной раз уничижительный, односторонний характер. По старой поговорке — вместе с водой выплескивался и младенец. Забывалось имеющее непосредственное отношение и к историографическим изысканиям мудрое указание В. И. Ленина о том, что подлинно научный подход к любому вопросу требует «не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»²⁴.

²³ Бартольд В. В. Отчет о командировке в Туркестан. Август — декабрь 1920 г. — Известия Российской Академии наук, сер. VI, т. XV, 1921, с. 211 (Сочинения, т. VIII М., 1973, с. 388).

²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 67.

Иными словами, археологическая деятельность Н. И. Веселовского рассматривалась порой без должного учета условий и обстановки того времени, сложившегося уровня научных знаний, социальной среды, в которой Веселовский формировался как археолог²⁵. Забывалось или во всяком случае недооценивалось также то обстоятельство, что, при всех своих недостатках в качестве раскопщика, Веселовский тесно и неразрывно связал свое имя с успехами современной ему отечественной археологии, что он увлекался ею бескорыстно, а его раскопки, при всех их недочетах, обогатили анналы отечественной археологии во многом неповторимым вещественным материалом, навсегда вошедшим в сокровищницу мировой культуры. Кстати сказать (не в оправдание Веселовского, но в поисках объективного критерия к оценке его работ), нам трудно теперь судить, сделались ли бы многие из этих материалов достоянием науки. Если бы не раскопки Н. И. Веселовского, некоторые из курганов и могильников вполне могли оказаться бесследно утраченными для науки по ряду причин (распашка земель, хищнические поиски кладов и пр.)²⁶.

Эту сторону дела отметил Б. В. Фармаковский: «Недоброжелательные люди называли иногда Н. И. Веселовского «кладоискателем». Во имя истины надо протестовать против такого рода опорочивания деятельности Н. И. Если Н. И. «гонялся за золотом», то он должен был это делать, блюдя интересы науки... Насущнейшей задачей... исследователя [того] времени... было, конечно, спасение источников — гибнущих от стихий и от руки человека древних памятников..., часто единственных источников знания о далеком прошлом нашей страны..., которые немилосердно и стихийно разрушались руками [людей] невежественных и алчных до материальных ценностей».

По научным соображениям Веселовский избирал для раскопок «те курганы, которым грозило уничтожение... Какая потеря была бы для науки, если бы драгоценности из Майкопского

²⁵ Здесь было бы уместно напомнить также призыв И. А. Гончарова «не сходить с почвы исторической перспективы. ...А у нас,— писал Гончаров,— уйдут из прошлого какую-нибудь личность, отдаляют ее от времени, точно оттирают старый портрет от холста, от освещения, колорита, аксессуаров обстановки и неумолимо судят ее современным судом и казнят, забывая, что она носит девизы и цвета своего века, его духа, воспитания, нравов и прочих условий. Ведь потомок далеко уходит от предка вперед... благодаря придатку знания, опытов, открытий, нажитых временем» (Гончаров И. А. На родине.— Собрание сочинений, т. 7. М., 1952, с. 292). Вспомним также слова В. Г. Белинского: «Чем одностороннее мнение, тем доступнее оно для большинства, которое любит, чтоб хорошее неизменно было хорошим, а дурное дурным, и которое и слышать не хочет, чтоб один и тот же предмет вмещал в себе и хорошее и дурное» (Белинский В. Г. Сочинения, т. VII. М., 1948, с. 65).

²⁶ Точку зрения самого Н. И. Веселовского на методику археологических раскопок см.: Веселовский Н. И. Записка по вопросу о приемах при производстве раскопок.— Труды XIV археологического съезда, т. III, 1911, с. 99—104.

кургана 1897 г. или из Солохи не были раскопаны Н. И., а попали в руки кладонскателей («счастливец», по керченскому выражению). А это очень легко могло случиться и даже, по всей вероятности, случилось бы, если бы Н. И. вовремя не предупредил хищения, предприняв раскопки угрожаемых курганов». Фармаковский же отметил, что «для своего времени раскопки Н. И. Веселовского дали все же очень много... Благодаря им открываются целые новые главы в истории культуры на почве России»²⁷.

Нельзя было также игнорировать цикл научных публикаций Н. И. Веселовского, посвященный ряду памятников древности из раскопок, веденных им лично или другими лицами. Среди этих публикаций немало вдумчивых исследований, содержащих ценные и во многом верные наблюдения и выводы, не утратившие своего научного значения и в наши дни. Что же касается «вещеведческого» уклона некоторых публикаций Н. И. Веселовского, то уместно заметить, что современный исследователь А. Л. Монгайт, характеризуя достоинства и недостатки дореволюционной русской археологии, констатирует, что в ней «было и вещеведческое направление, отнюдь не «барское вещелюбование», а научное направление исследования археологических данных, которое важное значение придает вещи как историческому источнику»²⁸.

Характерно, что наиболее резкие упреки в адрес Н. И. Веселовского — «типичного представителя дворянской археологии», «откровенного кладокопателя» и т. п. — звучали в 20—30-е годы, когда шел процесс становления советской археологии, ломки старого, напряженных поисков нового, закономерного осуждения всего, что было непримлемым в наследии буржуазно-дворянской археологии, сужало роль археологии в широком познании истории человечества. Понятие «вещь — исторический источник» обрело новое значение, сам подход к изучению «вещей» обретал новую методику и методологию, а «вещеведение» как таковое, в его первоначальном и узком смысле, решительно отвергалось как вредное и пережиточное явление «старой археологии».

Все это было делом естественным. Без критического подхода к наследию прошлого нельзя было вывести археологию на новый, широкий путь развития как область знаний, призванную служить делу исторической науки, делу освещения с позиций диалектического и исторического материализма многовековой истории человечества периода докапиталистических формаций.

Но, как порою бывает, становление нового не обходилось без некоторых временных издержек, без отдельных перегибов и край-

²⁷ ЗВОРАО, т. XXV, 1921, с. 383—384. Тот же Фармаковский отметил, что, говоря об упущениях в раскопках Веселовского, надо «принять во внимание то, что той точности наблюдения, которую показали критские раскопки Эванса и которая теперь является обязательной для каждого исследователя, до 1900 г. не было ни у кого» (курсив наш.—Б. Л.).— Там же, с. 383.

²⁸ Монгайт А. Л. Возникновение и первые шаги советской археологии.— «История СССР», 1963, № 4, с. 75.

ностей. Это как раз и не замедлило сказаться на отношении к Веселовскому-археологу, тем паче, что поводов к критике в его адрес было, вообще говоря, достаточно.

Добавим, что положение дел с критикой деятельности Веселовского-археолога осложнилось еще и тем, что в 30-х годах и несколько позже, под влиянием последствий культа личности, в литературе вопроса серьезный историографический анализ деятельности ряда дореволюционных археологов стал подменяться упрощенными и огульно отрицательными суждениями о них, попытками рисовать деятельность таких, скажем, археологов, как А. С. Уваров и другие, «нередко только черными красками», забывая, что «мы не вправе требовать от ученых XIX в. того, что стало достоянием современной научной тематики»²⁹.

Все это не могло не усугубить односторонности критических экскурсов в адрес Н. И. Веселовского как археолога, не могло не вести к определенному умалению его несомненных и, для своего времени, существенных заслуг перед отечественной археологией. Так и после смерти Н. И. Веселовского, но уже в другой плоскости и в другом аспекте, его деятельность в качестве археолога отодвинула (в сфере историографических изысканий) на второй план его большую и плодотворную деятельность как востоковеда, а также как историка русской науки и видного организатора научной работы. В этом отношении имя Н. И. Веселовского оказалось в какой-то степени забытым.

Больше того. Постепенно суровые обвинения в адрес Веселовского приобрели, так сказать, инерционный характер, стали переходить из одних публикаций в другие, становиться неким эталоном и стандартом оценки Веселовского-ученого. Теневое в его раскопчной деятельности выступило в литературе на первый план, положительное отошло на последний. Стало в известной мере «традицией» осуждать Веселовского-археолога и иногда, как будет видно это из текста нашей книги, ему стали приписывать и грехи, в которых он не был повинен и которые усматривались без учета фактора времени. Так или иначе, но за всем этим стал забываться еще и Веселовский-востоковед, к чему были, однако, и другие, в том числе весьма серьезные, причины.

В беседе с автором этой книги один из востоковедов высказал мнение, что «забвение» Веселовского как востоковеда может быть объяснено еще и тем, что уже до революции его имя и труды все больше и больше бледнели и отходили на второй план в сравнении с именем и трудами выдающегося востоковеда нашего времени Василия Владимировича Бартольда — одного из учеников Веселовского. Могучая фигура ученика затмила фигуру учителя, ученика, которого в наши дни И. П. Петрушевский с полным основанием назвал «великим русским и советским историком-медиевистом».

²⁹ Формозов А. А. Очерки по истории русской археологии. М., 1961, с. 7, 86.

том»³⁰. В этом есть доля истины, но именно только доля, ибо было бы неправильным и явно субъективистски ограниченным сводить дело лишь к вопросу «ученик и учитель». Это было бы несправедливо по отношению и к учителю, и к ученику.

Ученик действительно превзошел учителя (и в данном конкретном случае, и в деле познания исторического прошлого Средней Азии). Явление, отнюдь не единичное в истории науки, свидетельствующее, что семена, бросаемые талантливыми и авторитетными учителями на благодатную почву, дают нередко всходы, превосходящие ожидания, что в науке делается новый, более крупный, чем ранее, шаг вперед.

Но умаляет ли это заслуги учителя? Разумеется, нет. Поучительно, что среди отзвучков в печати на смерть Н. И. Веселовского наиболее обстоятельный, взыскательно-объективный принадлежал В. В. Бартольду. Ученик чтит память одного из своих учителей, воздавал должное его крупным заслугам перед наукой. Таким образом, очевидно, что объяснение причин забвения заслуг Веселовского-востоковеда надо искать в другом. Это объяснение действительно будет связано с именем В. В. Бартольда, но уже в другом, отнюдь не субъективном плане.

Веселовский олицетворял одно направление в науке, Бартольд, во многом, уже другое, новое и более прогрессивное. Шел закономерный процесс смены одной научной школы, одного научного направления другим. В этом суть и в этом основной ответ на поставленный выше вопрос.

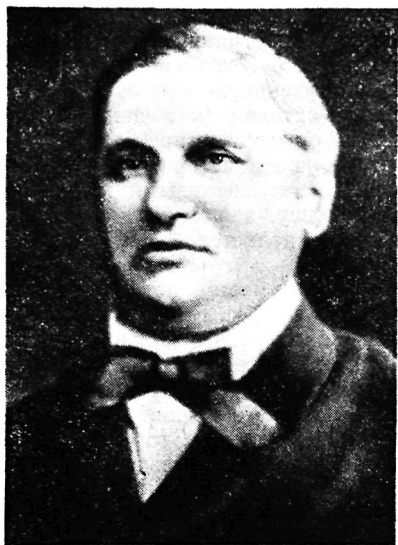
Справедливо подчеркивается наличие в востоковедении в конце XIX в. «линии научной преемственности в тематике и отчасти в постановке научных задач, которая ведет от Григорьева через Веселовского к Бартольду»³¹.

Столь же справедливо и другое. Время Бартольда было еще и временем, говоря его же словами, перехода «от экстенсивной работы к интенсивной».

В востоковедении шел процесс специализации знаний и постепенно если и не исчезал, то сокращался универсализм в интересах и направленности работ, бывший столь характерным для востоковедов времени Григорьева и Веселовского и уже в значительно меньшей степени для времени Бартольда. На новую, более высокую ступень поднималось источниковедение, все шире вступала в свои права восточная филология как отрасль, требовавшая высокого совершенства в знании языков и наречий в динамике их развития.

³⁰ Петрушевский И. П. Предисловие [к работе В. В. Бартольда «Туркестан в эпоху монгольского нашествия»]. — Бартольд В. В. Сочинения, т. I. М., 1963, с. 23.

³¹ Ромодан В. А. Изучение истории Ближнего и Среднего Востока. — В кн.: Азиатский музей. — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. М., 1972, с. 445

Василий Васильевич Григорьев
(1816 — 1881 гг.)

Одним из ярчайших представителей этого, в значительной мере нового (и во всяком случае существенно отличавшегося от прежнего) направления и суждено было явиться В. В. Бартольд.

Да. В числе учителей Бартольда был и Веселовский. В. В. Бартольд и сам не раз называл себя «учеником Н. И. Веселовского»³². Оба они — и учитель, и ученик — хранили добрые отношения друг к другу, а Веселовский с рвением, достойным настоящего ученого и настоящего учителя, считал долгом поддерживать своего ученика, помогать его росту и моральной поддержкой, и справедливой оценкой его научных трудов, оценкой, в которой хвала не устранила и критических замечаний.

В этой связи не случайно, конечно, и то, что именно Н. И. Веселовский был одним из официальных оппонентов³³ докторской диссертации В. В. Бартольда («Туркестан в эпоху монгольского нашествия»)³⁴.

Пройдут годы, и Веселовский же напишет отзыв на работу В. В. Бартольда «История изучения Востока в Европе и в Рос-

³² См., к примеру: Бартольд В. В. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира (Сочинения, т. II, ч. I, М., 1963, с. 772); и др. В связи с защитой диссертации Бартольд выражал «свою сердечную признательность как барону Розену, которому я более всего обязан направлением моих работ, так и прочим моим наставникам..., в особенности представителю кафедры истории Востока [Н. И. Веселовскому], который с первых лет моей подготовки к научной деятельности предоставил полный простор моим занятиям и относился к ним с неизменным доброжелательством» (Бартольд В. В. Речь перед защитой диссертации. — Сочинения, т. I, М., 1963, с. 609).

³³ Другим оппонентом был В. А. Жуковский.

³⁴ См.: Протоколы магистерских экзаменов и журналы факультета восточных языков о публичных защитах диссертаций (ГИАЛО, ф. 14, оп. 3, д. 15678, 15679, 15721). В деле 15720 — отзыв Веселовского. Также: Журналы заседаний совета Императорского Санкт-Петербургского университета за 1900 год. № 56, 1901, с. 90—92 (ср.: Материалы по истории Ленинградского университета. 1819—1917. Обзор архивных документов. Составили А. Х. Горфункель, Л. А. Никулина, С. Н. Семанов. Под ред. С. Н. Валка. Л., 1961, с. 72; Умняков И. И. Аннотированная библиография трудов В. В. Бартольда..., с. 46).

сни», согласно которому Бартольд был присужден в 1913 г. большая золотая медаль Русского археологического общества³⁵.

И тем не менее ближайшим учителем Бартольда суждено было быть не Веселовскому, а В. Р. Розену — «основателю новой школы русского дореволюционного востоковедения, любимого учителя Марра, Бартольда, Ольденбурга, Коковцова»³⁶.

Вспомним здесь слова Бартольда: «Мне заветы бар[она] Розена вошли в плоть и кровь так же, как будто бы я их высосал с молоком матери... Таким, каким я вышел из школы бар[она] Розена, я лягу в могилу»³⁷.

Разделяя взгляды В. Р. Розена на необходимость перехода в востоковедении от универсализма к специализации, в частности к более глубокому историко-филологическому изучению письменных источников, Бартольд и пошел по стезе исторической филологии; «продолжая дело своих предшественников — Веселовского и Григорьева, но на иной, новой основе, овладев всеми достижениями в востоковедении, достигнутыми в результате развития иранистики, арабистики и тюркологии»³⁸.

Успехи новой востоковедческой школы дореволюционного времени действительно не могли не сказаться на «старении» материалов, методики, выводов школы, связанной с именами Григорьева, Веселовского и других.

Естественно и то, что молодому советскому востоковедению, критически осваивавшему и воспринимавшему наследие прошлого, школа Розена, Бартольда и других была гораздо ближе, нежели

³⁵ Отзыв действительного члена [ВОРАО] Н. И. Веселовского о сочинении В. В. Бартольда «История изучения Востока в Европе и в России». — ЗВОРАО, т. XXII, вып. I—II, 1914, с. XXII—XXIV. По словам Веселовского, то было «сочинение, которое по приемам работы, по обширности темы и по периоду времени можно приравнять к энциклопедиям; но только эта энциклопедия исполнена одним лицом. Чтобы взяться за подобный труд, для обнародования его в печати (имелось в виду первое издание книги Бартольда в 1911 г. — Б. Л.) нужны, помимо выдающейся эрудиции, смелая решительность и большое самопожертвование» (там же, с. XXII). Как писал В. В. Бартольд, он «с благодарностью использовал... поправки, сделанные в печати моим учителем, ныне покойным Н. И. Веселовским в отзыве о моем труде» (Сочинения, т. IX, М., 1977, с. 206).

³⁶ Крачковский И. Ю. Очерки по истории русской арабистики. М. — Л., 1950, с. 3.

³⁷ Из письма Н. П. Остроумову от 2 июня 1920 г.: ЦГА УзССР, ф. 1009, оп. I, д. 27, переписка Бартольда с Остроумовым, личный фонд Остроумова, пакет 12, письмо 28, л. 339. Ср.: «Как в свое время подчеркнул покойный акад. Н. Я. Марр, В. Р. [Розен] был ярким представителем того научного течения, которое стремилось освободить востоковедение от служебной роли и создать из него новую, восточную философию со своими самостоятельными задачами» (Шмидт А. Э. Памяти незабвенного учителя. — В кн.: Памяти академика В. Р. Розена. М. — Л., 1947, с. 11).

³⁸ Ромодин В. А. Указ. соч., с. 446. Едва ли, вместе с тем, можно сомневаться, что особым пристрастием к делу изучения историко-культурного прошлого именно Средней Азии, проявившимся уже в студенческие годы и сохранившимся на всю жизнь, Бартольд был обязан в первую очередь именно Веселовскому и наследию учителя Веселовского — В. В. Григорьева.

Николай Иванович Веселовский

школа Григорьева и Веселовского, во многом уже отошедшая в прошлое.

В этом широком плане только и можно говорить о том, что восходящая звезда Бартольда затмила свет имени Веселовского.

Добавим к сказанному, что начальные этапы формирования и развития советского востоковедения, естественно, не были отмечены появлением крупных, специально историографических работ с критической оценкой достоинств и недостатков дореволюцион-

ного востоковедения, а тем более отдельных его представителей³⁹. Для этого требовалось время, накопление и изучение соответствующих материалов, зрелость историографической мысли, наличие соответствующих исследовательских кадров. Нельзя не учесть, в этом плане, еще и крайне неблагоприятных для историографии востоковедения и других общественных наук последствий культа личности.

Историографические исследования не получали должного развития и в Средней Азии, с изучением историко-культурного прошлого которой прежде всего связано имя Н. И. Веселовского.

Особенно досадным было отсутствие научной характеристики Н. И. Веселовского как историка Средней Азии, ибо в основе его востоковедческой работы лежала прежде всего не история Востока вообще, а именно среднеазиатская тематика, к которой он тяготел и приобщился еще на студенческой скамье и интерес к которой сохранял всю свою долгую кипучую жизнь. Поучительно, что первая и последняя по времени прижизненные научные публикации Н. И. Веселовского посвящены Средней Азии.

Как мы показали это в начале книги, положение дел в историографии стало ощутительно изменяться к лучшему с начала 50-х годов.

Отвечая запросам истории отечественного востоковедения, мы предприняли работу по освещению жизни и деятельности Веселовского как «знатока Средней Азии»⁴⁰ и ученого, который «неразрывно связал свое имя с изучением памятников древности в Средней Азии, в особенности в Самарканде и его окрестностях»⁴¹.

Василий Владимирович Бартольд
(1869—1930 гг.)

³⁹ Широко известная работа И. Ю. Крачковского «Очерки по истории русской арабистики» появилась в свет в 1950 г. Опубликованная в 1945 г. его книга «Над арабскими рукописями» носила не столько историографический, сколько мемуарный характер.

⁴⁰ Бартольд В. В. Будущее Туркестана и следы его прошлого.— Известия Среднеазиатского музея, вып. I. Ташкент, 1926, с. 66 (Сочинения, т. III, М., 1965, с. 307).

⁴¹ Бартольд В. В. Иран. Исторический обзор. Ташкент, 1922 (Сочинения, т. VII, М., 1971, с. 331).

Стремясь восполнить один из пробелов в историографической литературе, автор не претендует, вместе с тем, на исчерпывающую полноту критического очерка жизни и деятельности Николая Ивановича Веселовского как историка Средней Азии.

* * *

Остается добавить, что прежде чем перейти к подробному рассказу о среднеазиатских интересах и занятиях Н. И. Веселовского и для того, чтобы найти правильные критерии к суждению и выводам касательно оценки научной деятельности Н. И. Веселовского, совершенно необходимо хотя бы кратко напомнить читателю, каким запасом знаний располагало отечественное востоковедение по Средней Азии к тому времени, когда Веселовский начал уделять внимание этому, как принято теперь говорить, научному региону.

Не следует преуменьшать значение того, что уже было сделано. К последней четверти XIX в. русское востоковедение прошло большой и значительный путь развития, выделило ряд имен крупных ученых, которыми по праву могло гордиться. Редко кто из них обходил вниманием Среднюю Азию, посвящая ей отдельные труды и работы, многие из которых вошли в анналы туркестановедения и оставили по себе долгий и прочный след.

Достаточно вспомнить здесь имена И. И. Березина, В. В. Вельяминова-Зернова, В. В. Григорьева, В. В. Радлова, П. И. Лерха, П. С. Савельева, О. И. Сенковского, Х. Д. Френа, Н. В. Ханыкова и других.

Шел (а вернее начинался) более или менее ощутительный (а в общем недостаточно организованный и довольно медленно развивающийся) процесс собирания, каталогизации и изучения восточных рукописей, в том числе среднеазиатского происхождения, содержащих сведения о ней и ее истории⁴².

Но тут же надо констатировать, что таких рукописей, изученных и переведенных, введенных в научный обиход, было немного. Здесь вырисовывались лишь контуры того богатства, которое еще предстояло сделать достоянием науки и общественности.

Совокупность различного рода сведений и материалов и уже появившиеся в свет труды ученых и краеведов-любителей давали общее, но далеко не полное и во многом неточное представление о богатейшем историческом прошлом Средней Азии, особенно когда речь шла об отдаленном прошлом, о ранних этапах истории этого обширного края. Оно скорее угадывалось, инстинктивно нащупывалось, нежели освещалось научно в соответствии с данными источников.

⁴² Подробнее см.: Лукин Б. В. Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении. Ташкент, 1965, 408 с.

- Такой важнейший источник к познанию древней истории Средней Азии, как археология, находился буквально в зачаточном состоянии.

Даже в опубликованном в 1896 г. очерке археологических изысканий в Туркестане⁴³ его автор мог указать для времени до начала 80-х годов XIX в. лишь археологические наблюдения художника В. В. Верещагина, на известную, собственно говоря, *первую научную* археологическую поездку 1867 г. П. И. Лерха, данные А. Кушакевича о памятниках древности Ходжентского уезда, описание М. Н. Ростиславовым любительских раскопок Борзенкова на городище Афрасиаб (1874), открытие в 1875 г. трех могил в Самарканде и «развалин городов Местериан (Мисрийан. — Б. Л.) и Мешед» в Туркменской степи (1876), на археологические находки в окрестностях Ташкента и любительские раскопки В. В. Крестовского на том же Афрасиабе.

Вот, по сути дела, все или почти все, что имела в своем распоряжении отечественная археология того времени по Средней Азии⁴⁴.

Историко-архитектурные памятники Средней Азии, в первую очередь величественные сооружения Бухары, Самарканда и некоторых других городов пользовались заслуженной и широкой известностью. Их изображения вместе с отдельными сведениями о них путешественников и других лиц имели широкое распространение не только в России, но и в других странах.

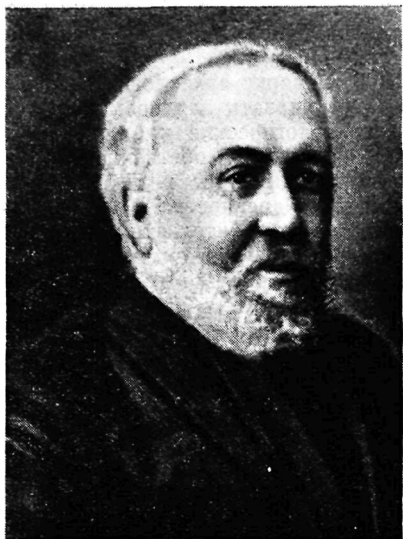
Однако научное описание этих драгоценных памятников, их точная датировка, выяснение строительных и стилевых особенностей, по сути дела, отсутствовали, а многие архитектурные сооружения, особенно вне крупных городов, вообще продолжали находиться в неизвестности. Отсутствовала их элементарная регистрация и фиксация.

Редко кто из посещавших Среднюю Азию правительственных чиновников, участников посольских миссий, военных деятелей, русских и иностранных путешественников, ученых (иногда купцов, а также вырывавшихся из бухарского и хивинского пленения русских людей) не сообщал этнографических сведений, характеризовавших отдельные черты жизни и быта народов этого обширного края. Появлялись и первые специально-этнографические публикации, вроде очерков А. Д. Гребенкина и других.

Но и тут весь этот ценный в своей совокупности материал не столько удовлетворял запросы научной этнографии, сколько вызвал к продолжению и расширению этнографических наблюдений и исследований (особенно историко-этнографического характера), которые велись бы в соответствии с требованиями науки и создавали базу для выводов и обобщений.

⁴³ Лыкошин Н. С. Очерк археологических изысканий в Туркестанском крае до учреждения Туркестанского кружка любителей археологии. — ПТК.ЛА, I. Ташкент, 1896, 58 с.

⁴⁴ В лучшем положении находилась среднеазиатская нумизматика.

Виктор Романович Розен (1849—1908 гг.)

Все сказанное убедительно показывает, какое обширнейшее поле деятельности представляла Средняя Азия для востоковедов и в сфере археологии и истории, и в сфере истории архитектуры, филологии и других областей знания. Строго говоря, речь шла о начале *научного* обследования территории Средней Азии и изучения ее богатейшего, многовекового и многогранного исторического прошлого. Не то, чтобы Средняя Азия представляла собою terra incognita, но все же усилиями отечественных и иностранных востоковедов закладывался пока лишь фундамент знаний об этой огромной и своеобразной стране, вписавшей немало значительных и ярких страниц в историю Востока и более того — в определенной мере и в определенные периоды — мировую историю.

Не случайно, конечно, в условиях крайней ограниченности числа востоковедов со специальной подготовкой деятельность многих из них (это было как бы велением времени) характеризовалась многогранностью и энциклопедичностью научных интересов.

Для историографа здесь любопытное поле наблюдения. «Почти все востоковеды в прошлом, в силу сложности и слабой изученности исходного исследовательского материала, — были... учеными-универсалами, сочетающими в себе языковеда, литературоведа, этнографа, историка.

Более того, в течение всего дооктябрьского периода развития научного востоковедения, как правило, в одном лице соединялся арабист, иранист, тюрколог, — так были построены программы университетского преподавания, — что определялось историей формирования культуры и религии арабских, иранских, тюркских народов»⁴⁵.

Возьмем, к примеру, представителей историко-филологической школы востоковедения. Кто из них, в той или иной мере, не был

⁴⁵ Кононов А. Н. История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период. Л., 1972, с. 3.

захвачен в своих штудиях по Средней Азии обширностью проблем и вопросов, возникавших в сферах истории, исторической географии, археологии, нумизматики, этнографии, фольклора и т. п.

Слишком многое, разнообразное, неизведанное, малонизученное манило к себе на каждом шагу исследователей Средней Азии.

Естественно, что и Н. И. Веселовский не составил здесь исключения. В сфере его научных интересов преобладали археология, история и историография, но в сочетании с нумизматическими, эпиграфическими, этнографическими, лингвистическими и другими интересами.

Перейдем теперь к рассказу о Веселовском и его деятельности по изучению историко-культурного прошлого Средней Азии.

ЖИЗНЬ И НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Н. И. ВЕСЕЛОВСКОГО

Биографическая канва

Жизнь Н. И. Веселовского небогата внешними событиями, разнообразием ее проявлений. В этом смысле к нему применимо высказывание П. С. Савельева о Френе: «Вся жизнь его — в ученых трудах его. Внешняя жизнь его представляет мало движения»¹.

Родился Веселовский в Вологде 12 ноября 1848 г.² В 1867 г. окончил местную гимназию, в 1869 г. был зачислен слушателем факультета восточных языков Петербургского университета по арабско-персидско-турецко-татарскому разряду³. Выходец из малосостоятельной мещанской семьи, Веселовский в годы университетской учебы остро нуждался материально, и осенью 1870 г. факультет просил о назначении ему стипендии министерства как студенту, «по своим занятиям и за недостаточностью средств вполне заслуживающему такого ходатайства»⁴.

Данные о ранней (доуниверситетской) поре жизни Н. И. Веселовского скудны. Попытки автора настоящей книги пополнить их с помощью архивных материалов (Вологда, Ленинград, Москва) пока дали мало существенного. Из материалов Ленинградско-

¹ Савельев П. О жизни и ученых трудах Френа. СПб., 1855, с. 12.

² А не в Москве, как указывают некоторые авторы. Вологда как место рождения фигурирует у самого Веселовского (См.: Список личного состава Императорской Академии наук и подведомственных ей учреждений на 1916 год. Пг., 1916, с. 4).

³ Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Санкт-Петербургского университета за истекшую третью четверть века его существования. 1869—1894. т. I, А—Л., СПб., 1896 (Н. И. Веселовский, с. 151—152). Ср.: Веселовский Николай Иванович.—Энциклопедический словарь «Брокгауз—Ефрон», т. VI, СПб., 1892, с. 100—101. Личные дела Н. И. Веселовского по Петербургскому университету хранятся в ГИАЛО (ф. 14, оп. 1, д. 7327, 7586) и ЛГИА (ф. 733, оп. 150, д. 628).

⁴ Протоколы заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского университета. СПб., 1870. № 3, с. 16. И позднее (16 августа 1874 г.), в связи с оставлением Веселовского кандидатом при университете, ему была определена стипендия в сумме 600 руб. (ЛГИА, Фонд Петербургского университета, д. 7327, л. 16).

го государственного исторического архива⁵ заслуживает внимания «пояснительная записка» Веселовского «для разъяснения некоторых противоречий в документах доцента Императорского С.-Петербургского университета»: «Вследствие недоразумения в документах отца моего, Ивана Степановича Веселовского, вместо настоящей фамилии появилось отчество дедушки моего — Кондратьевич (дедушка мой был Степан Кондратьевич Веселовский). Таким образом, у отца моего в одних документах прописывалась настоящая фамилия, Веселовский, в других — случайная, Кондратьев. Для устранения могущих произойти от этого недоумений отец мой стал писать в некоторых случаях двойную фамилию: Кондратьев-Веселовский. В моих же документах стоит или просто Веселовский... или... Кондратьев-Веселовский, как это видно из метрического свидетельства... В учебных же заведениях я постоянно числился под фамилией Веселовский... и удвоить свою фамилию я не считаю себя вправе»⁶.

Что же касается более позднего времени, то из метрической книги о бракосочетании⁷ мы узнаем, что в бытность свою «кандидатом Петербургского университета» он сочетался «первым браком» с В. В. Петровцевой («Вологодской губернии, Грязовецкого уезда, Новоникольской области, Косовского общества, деревни Маслово, собственница крестьянка Варвара Васильевна Петровцева») при «поручительстве по женихе» (примечательная деталь) ближайшего наставника Веселовского проф. В. В. Григорьева и будущих востоковедов — С. И. Черняева⁸ и питомца восточного факультета университета А. Л. Куна⁹. Варвара Васильевна была спутницей всей жизни Николая Ивановича и ей было суждено пережить его кончину¹⁰.

В годы пребывания в университете Н. И. Веселовский с полным основанием считался (как и Н. Н. Пантусов) прямым и бли-

⁵ ЛГИА, Фонд Петербургского университета, в основном дело 7327 «Об избрании магистра Н. Веселовского в доценты 12 января 1888 г.», в которое вошла и последующая документация вплоть до смерти Веселовского.

⁶ ЛГИА, Фонд Петербургского университета, д. 7327, л. 96.

⁷ Там же, л. 166. В метрике, хранящейся в названном архиве, указана дата (6 октября), но ошибочно не вписан год (во всяком случае, до 1875 г.).

⁸ Воспитанник Восточного отделения Петербургского университета, ученик О. И. Сенковского, преподаватель персидского языка. О нем см.: Веселовский Н. И. Сведения об официальном преподавании восточных языков в России. — Труды III Международного съезда ориенталистов в Санкт-Петербурге, т. I, 1879—1880, с. 249; Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Санкт-Петербургского университета за истекшую третью четверть века его существования, т. II, СПб., 1898, с. 328; Бартольд В. В. Обзор деятельности факультета восточных языков. Сочинения, т. IX, М., 1977, с. 149—150.

⁹ О нем см.: Лукин Б. В. Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении. Ташкент, 1965, с. 114—123. Также: Библиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период. Под редакцией и введением А. Н. Кононова, М., 1974, с. 201—202.

¹⁰ См. переписку о назначении В. В. Веселовской пенсии по смерти мужа (ЛГИА, д. 7327, л. 165 и др.).

жайшим учеником виднейшего востоковеда Василия Васильевича Григорьева¹¹, «красы здешнего университета» (слова индолога П. Я. Петрова о Григорьеве).

Сам Веселовский подчеркивал, что его студенческие годы были временем «апогея учено-литературной деятельности и расцвета умственных сил В. В. Григорьева», который, поддерживая живое общение со студентами, все более распространял на них, в том числе на Веселовского, свое влияние¹².

Это важно отметить и подчеркнуть не только потому, что Веселовскому суждено было впоследствии явиться преемником Григорьева по университетской кафедре, но прежде всего потому, что научное мировоззрение, общественные взгляды Веселовского формировались под явным воздействием мировоззрения и взглядов его учителя. Это наложило ощутимый отпечаток на научную деятельность Веселовского, кстати сказать, всегда с большим пиететом относившегося к своему патрону и, как отмечалось выше, посвятившего его жизни и деятельности обширную монографию¹³. Несомненно также, что в первую очередь именно В. В. Григорьеву Веселовский был обязан своим интересом к изучению исторического прошлого Средней Азии.

Известно, что В. В. Григорьева особо привлекали в научном отношении местности Востока, которые «ближе всего касались в прошлом нашего отечества, а именно: Золотой Орды, Средней Азии и сопредельных с ней стран и областей»¹⁴.

Что касается Средней Азии, то В. В. Григорьев настойчиво подчеркивал необходимость изучения истории этого вошедшего в состав России края и сетовал на «отсутствие исторического элемента» в литературе вопроса, «точно будто бы он (Туркестан) существует со вчерашнего дня, точно будто бы в прошлых судьбах его нет никаких указаний относительно настоящего его положения»¹⁵. Нельзя не признать, что такого рода интерес был присущ и Н. И. Веселовскому-историку.

¹¹ Из новейшей литературы о В. В. Григорьеве см.: Лукин Б. В. Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении. Ташкент, 1965, с. 88—91 и др. Историография общественных наук в Узбекистане. Библиографические очерки. Составитель Б. В. Лукин. Ташкент, 1974, с. 149—155 (здесь же «Литература о В. В. Григорьеве», с. 154—155); Библиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период. Под редакцией и с введением А. Н. Кононова. М., 1974, с. 149—152 (с перечнем литературы о Григорьеве и посвященных ему некрологов; с. 151—152); Данциг Б. М. Ближний Восток в русской науке и литературе (Дооктябрьский период). М., 1973, с. 246—249.

¹² Веселовский Н. И. Барон В. Р. Розен. Некролог.— ЖМНП, новая серия, ч. XIV, 1908, март (Отд. V. Современная летопись), с. 169.

¹³ Веселовский Н. И. Василий Васильевич Григорьев по его письмам и трудам. 1816—1881. СПб., 1887, 288+105 с.

¹⁴ Якубовский А. Ю. Из истории изучения монголов периода XI—XIII вв.— Очерки по истории русского востоковедения, [1]. М., 1953, с. 43.

¹⁵ Цит. по кн.: Веселовский Н. И. Василий Васильевич Григорьев, с. 237.

По словам Веселовского, он и другие слушатели Григорьева по кафедре истории Востока Петербургского университета «высоко уважали его как профессора, увлекались ясностью его изложения и убедительностью доводов, были благодарны за разъяснение Азии и ее человека, так неправильно понимаемого в Европе. Мы испытали, как глубокое слово профессора, при глубоком знании им своего дела, может заинтересовать слушателей таким сухим предметом, каким является, по малой еще ее разработанности, история Средней Азии»¹⁶.

Вполне допустимо предположить, что Григорьеву же Веселовский был обязан и повышенным интересом к археологии, к памятникам материальной культуры минувших времен¹⁷. В. В. Бартольд¹⁸ верно подметил, что эта черта была характерна для Григорьева, который еще в 1860 г. указывал, что едва ли запас дальнейших научных знаний по истории Золотой Орды будет существенно пополнен вновь открытыми восточными рукописями, тогда как «каждый большой, становящийся известным клад из золотоордынских монет увеличивает этот запас новыми датами, именами новых ханов и городов и другими данными первостепенной важности»¹⁹. Время показало, что эти два вида источников несколько не исключают один другого. Можно понять, однако, и основу взглядов Григорьева в этом вопросе. Напомним, что накопление восточных рукописей и их критическое осмысление осуществлялось медленно, тогда как археологические и нумизматические находки множились весьма быстро и давали, казалось (а нередко и в действительности), обширный материал, дополняющий сведения рукописных источников и в ряде случаев надежно объясняющий неточности и разногласия последних.

Здесь не лишне отметить тот недавно установленный нами факт, что Н. И. Веселовский предполагал начать свою работу в Средней Азии еще будучи студентом факультета восточных языков Петербургского университета. Отвечая в октябре 1871 г. на обращение туркестанского генерал-губернатора К. П. Кауфмана,

¹⁶ Веселовский Н. И. Василий Васильевич Григорьев.— ЖМНП, ч. ССХХ, 1882, март, с. 79.

¹⁷ По поводу этого места нашей рукописи знакомившийся с нею проф. И. И. Умняков сделал пометку: «Нельзя сбрасывать со счетов П. И. Лерха. Ему Н. И. [Веселовский] во многом обязан интересом к археологии. Может быть, даже больше, чем В. В. Григорьеву». Это мнение согласуется и с предположением В. В. Бартольда, но с оговоркой, что Бартольд писал об этом так: «Не вполне ясны причины увлечения Николая Ивановича археологией; можно было бы предполагать (курсив наш.— Б. Л.)... влияние Лерха... Но Николай Иванович стал заниматься археологией только в 80-х годах, когда Лерха в России уже не было» (Бартольд В. В. Сочинения, т. IX. М., 1977, с. 658).

¹⁸ Бартольд В. В. Николай Иванович Веселовский. Некролог.— Известия Российской Академии наук, сер. VI, № 9, 1918, с. 810 (Сочинения, т. IX. М., 1977, с. 643—644).

¹⁹ Григорьев В. В. Жизнь и труды ориенталиста-нумизмата П. С. Савельева, преимущественно по воспоминаниям и переписке с ним. Спб., 1861, с. 240.

попечитель Петербургского учебного округа Ливен сообщал, что к числу воспитанников факультета ближайшего выпуска (С. М. Граменицкий, Н. Н. Пантусов, М. Н. Ростиславов и др.), изъявивших желание выехать на работу в Туркестанском крае и являющих собою «способных, трудолюбивых и могущих быть полезными для края деятелей», относится и студент третьего курса Николай Веселовский²⁰. Однако переезд Веселовского в Туркестан сразу же по окончании университета не состоялся потому, видимо, что согласие на такой переезд было дано и Н. Н. Пантусовым, который и был направлен в 1872 г. в Туркестан²¹.

В 1873 г. Веселовский был оставлен со степенью кандидата при университете для подготовки к работе на кафедре истории Востока после лестной оценки факультетом его сочинения на рекомендованную В. В. Григорьевым и одобренную факультетом тему о податях и повинностях, взымавшихся монгольскими завоевателями с покоренных народов.

Выполняя работу, Веселовский несколько вышел за рамки определенных факультетом условий. Помимо заданного ему филологического истолкования монгольских и турецких слов и терминов в сфере взимания податей и несения повинностей по текстам ханских грамот, он пытался воссоздать по доступным ему источникам самую систему этих податей и повинностей. Тем самым Веселовский-студент, с одной стороны, как бы расписывался в недостаточности своей чисто филологической эрудиции²², с другой же стороны, выводил тему исследования на широкую историческую почву и делал это со знанием материала.

В. В. Бартольд заметит: «По-видимому, приходится в этом случае признать взгляд ученика более правильным, чем взгляд учителя; выполнение филологической задачи едва ли было возможно без изучения реально-исторических условий, без выяснения той стороны государственной жизни, к которой относятся встречающиеся в грамотах термины»²³.

Названная работа Н. И. Веселовского в соответствии с отзывом В. В. Григорьева²⁴ была удостоена высшей факультетской

²⁰ ЦГА УзССР, ф. I, оп. 19, л. 10, л. 20—21.

²¹ О Н. Н. Пантусове см.: Лунин Б. В. Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении. Ташкент, 1965, с. 128—131.

²² Бартольд отметил впоследствии, что Веселовский пытался овладеть рядом восточных языков и «кроме языков арабско-персидско-турецко-татарского разряда», изучал еще и китайский язык. Все они, однако, не были усвоены им «в той степени, в какой это было необходимо для производства самостоятельных изысканий го первоисточникам», почему «для издания и перевода восточных текстов был вынужден обращаться к помощи представителей лингвистических специальностей» (ЗВОРАО, т. XXV, 1921, с. 344). «Капитальных исторических трудов, — добавляет В. В. Бартольд, — требовавших сложных изысканий по первоисточникам, он (Веселовский) не мог нам дать».

²³ Бартольд В. В. В. Н. И. Веселовский как исследователь Востока и историк русской науки. — ЗВОРАО, т. XXV, 1921, с. 343 (Сочинения, т. IX, М., 1977, с. 653).

²⁴ Отзыв В. В. Григорьева см.: Протоколы заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского университета, Спб., 1873, № 7, с. 121 сл.

награды — золотой медали, причем в факультетском отзыве указывалось, что в исследовании не было обнаружено ни одного исторического, географического или хронологического промаха — слова похвалы, «которые довольно редко приходится читать в отзывах о студенческих работах вообще и о работах студентов-ориенталистов в особенности»²⁵.

С 1 июля 1873 г. до 1 января 1876 г. Веселовский пользовался стипендией и потом еще полгода считался оставленным при университете без получения стипендии. Затем до осени 1877 г. связь Веселовского с университетом прервалась. Ей суждено было возобновиться после защиты Веселовским в 1877 г. магистерской диссертации: «Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего», характеристика которой дается нами ниже²⁶.

На заседании факультета восточных языков 21 декабря 1877 г. Н. И. Веселовский был избран штатным доцентом и «оставался с 1878 по 1896 г. единственным преподавателем по кафедре истории Востока»²⁷. В голосовании принимали участие В. Григорьев, К. Косович, К. Голенищев, В. Розен, А. Цагарели и др. Совет университета утвердил это избрание 6 февраля 1878 г. (число «избирательных голосов» — 32, «неизбирательных» — 8). В «Записке об успехах.... Веселовского» констатировалось, что он «по истечении университетского курса посвятил себя занятиям [по] истории Средней Азии и на 4-ом курсе, защитив диссертацию на тему: «Определить, какие подати и повинности требовали Монголы от подчиненных им народов», был удостоен награды золотой медалью»²⁸.

В том же 1878 г. Григорьев оставил работу в университете, и Веселовский стал заведующим кафедрой истории Востока.

Необходимо признать, что переход к Веселовскому кафедры истории Востока свидетельствовал о многом. Выбор был, конечно, не случаен, ибо речь шла о кафедре, которой трудами Григорьева суждено было завоевать широкую известность и признание. Четверть века добивался Григорьев ее организации и до него подобной кафедры не знал ни один из университетов мира («и устроилось в С.-Петербургском университете, — писал сам В. В. Григорьев, — чего нет еще ни в каком другом из универси-

²⁵ Бартольд В. В. Сочинения, т. IX, с. 653.

²⁶ Рукописный отзыв В. В. Григорьева о диссертации Н. И. Веселовского хранится в ГИА.Ю, ф. 14, оп. 3, д. 1357б; там же протоколы магистерских экзаменов и журнал факультета о публичной защите диссертации (д. 15622). См. Диплом № 1106 (октябрь 1877 г.) Петербургского университета о присвоении Веселовскому ученой степени магистра «как выдержавшему испытания и по публичной защите [им] рассуждения под заглавием: «Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего».

²⁷ Материалы для истории факультета восточных языков, т. IV. Обзор деятельности факультета, составленный В. В. Бартольдом, 1855—1905. Спб., 1909, с. 145—146.

²⁸ ЛГИА, Фонд Петербургского университета, д. 7327, л. 7.

тетов Европы и что в таком виде, по праву, только в России и должно возникнуть»). Едва ли Веселовский мог получить такую кафедру лишь по той причине, что являлся учеником Григорьева. В Веселовском видели молодого ученого и педагога, в наибольшей степени способного и достойного продолжить университетскую деятельность Григорьева.

Сам Григорьев в прощальном письме на имя ректора Петербургского университета по случаю оставления университета отмечал, что покидает кафедру «не прежде, чем приготовил себе преемника», — имея в виду Н. И. Веселовского²⁹.

Тут же надлежит констатировать, что своей многолетней работой на кафедре Н. И. Веселовский немало способствовал тому, что, говоря словами С. Ф. Ольденбурга, факультету восточных языков Петербургского университета «в истории русского востоковедения, наряду с Академией наук, принадлежит бесспорно первое место»³⁰, особенно если учесть, что «в девяностых годах востоковедная жизнь начиналась и сосредоточивалась в Петербурге на так называвшемся факультете восточных языков С.-Петербургского университета»³¹.

В 1884 г. Н. И. Веселовский был утвержден экстраординарным профессором, 30 ноября 1890 г. исправляющим должность ординарного профессора по кафедре истории Востока³², а в 1891 г. был приглашен читать лекции по первобытной археологии в Археологическом институте в Петербурге, начав здесь преподавательскую деятельность с 1892 г., а в последние годы своей жизни возглавив данный институт³³.

Следуя «григорьевским» традициям, Веселовский-педагог уделял в читавшихся им курсах большое внимание Средней Азии. В этой сфере Веселовского, говоря его же словами, интересовала «история той части Азии, на которой совершались более крупные события жизни Востока и которая известна у нас под терми-

²⁹ Цит. по В. В. Бартольд; ЗВОРАО, т. XXV, 1921, с. 353 (Сочинения, т. IX, М., 1977, с. 662.).

³⁰ Ольденбург С. Ф. Памяти В. П. Васильева и о его трудах по буддизму. — Известия Российской Академии наук. 1918, № 7, с. 535.

³¹ Алексеев В. М. Сергей Федорович Ольденбург как организатор и руководитель наших ориенталистов. — Записки Института востоковедения Академии наук СССР. IV. М.—Л., 1935, с. 32.

³² Веселовский Николай Иванович. — В кн.: Биографический словарь профессоров и преподавателей..., т. I, с. 152; ЛГИА, Фонд Петербургского университета, д. 7327, л. 71—72 (назначение Веселовского н. о. ординарного профессора «по высочайшему соизволению»). С 6 февраля 1903 г. он заслуженный ординарный профессор.

³³ 22 февраля 1892 г. департамент Министерства народного просвещения извещил попечителя Петербургского учебного округа о том, что приказом по Министерству императорского двора от 1 февраля 1892 г. Н. И. Веселовский назначен сверхштатным членом Императорской археологической комиссии с оставлением в занимаемой им должности в университете (ЛГИА, Фонд Петербургского университета, д. 7327, л. 78), а 1 февраля 1895 г. таким же «соизволением» Веселовский был назначен «старшим членом сей комиссии» с оставлением же при университете (л. 97).

ном «Средняя Азия». Отвергая попытки определить территорию Средней Азии по изменчивым во времени историческим и этнографическим признакам, Веселовский сводил размеры и место этой территории к географическому определению, данному Рихтгофеном: часть материка, ограниченная с севера Алтайским хребтом, с юга Гималайскими горами, с востока странами, сопредельными с Великим Океаном, а с запада Каспийским морем³⁴.

Как и его предшественник (В. В. Григорьев), Веселовский с 1878 г. «после общего введения» к лекциям по истории Востока читал «курсы истории среднеазиатских кочевых народов в истории государств, образованных ими в Западной и Восточной Азии», курс «Географического и этнографического обозрения Азии» (или «Обзор путешествий в Азию»)³⁵.

Лекции Веселовского по истории Востока вообще и Средней Азии в частности в записях слушателей этих лекций издавались в литографированном виде многократно (с 1886 по 1910 г., когда вышло издание лекций, просмотренное В. В. Бартольдом)³⁶ и пользовались широкой известностью. Имеется также типографское издание студенческих записей лекций Н. И. Веселовского по истории Востока, Средней Азии в частности³⁷.

Из отмеченного выше издания студенческих записей лекций мы узнаём, как строился Веселовским курс истории Средней Азии: I. Западная часть Средней Азии в древности. I. Оседлое население. II. Кочевые народы. III. Александр Великий и его походы. IV. Греко-Бактрийское царство. 2. Древнейшие исторические движения народов в Средней Азии. V. Движение народов. 3. Восточ-

³⁴ Пособие к лекциям по истории Востока, ч. II. Спб., 1901, с. 1—2 (об этом пособии см. ниже). В архиве В. В. Бартольда (Архив АН СССР, ф. 68, д. 279) хранится (автограф) ведшегося Бартольдом конспекта лекций Н. И. Веселовского по истории Востока (28 л.; 1888 г.), а также (д. 297) перечень «пособий для сочинения «О христианстве в Средней Азии», рекомендованных профессором Н. И. Веселовским» (л. 167). В кн.: Умняков И. И. Аннотированная библиография трудов академика В. В. Бартольда (Туманович Н. Н. Описание архива академика В. В. Бартольда. М., 1976, с. 320).

³⁵ Бартольд В. В. Сочинения, т. IX. М., 1977, с. 189—190, 201.

³⁶ Лекции по истории Востока, читанные профессором Санкт-Петербургского университета Н. И. Веселовским. Просмотрены В. В. Бартольдом. Спб., 1910, 118 с. (Кружок ориенталистов при восточном факультете Санкт-Петербургского университета). Литографированное издание.

³⁷ Пособие к лекциям по истории Востока, составленное студентами факультета восточных языков. Первая часть. Путешественники по Азии. Издание студента Э. И. Маурина. Спб., 1901, 126 с. (Приложения. I. Таблица путешественников по Азии. II. Алфавитный указатель имен путешественников и ориенталистов); Пособие к лекциям по истории Востока, составленное студентами факультета восточных языков. Вторая часть. История Средней Азии. Издание студента Э. И. Маурина. Спб., 1901, 109 с. По некоторым данным, рукописи этих пособий были правлены самим Веселовским и, видимо, могут считаться авторизованными изданиями. Как вспоминал об этом в письме к нам 28 июля 1964 г. И. И. Умняков, в 1909—1910 гг. он, студент I курса восточного факультета, сдавал у Веселовского экзамен по книге, изданной Маурином, а в 1914 г. — государственный экзамен по истории Средней Азии, также пользуясь, в частности, этой книгой.

ная часть Средней Азии в древние и средние века... VI. Население. VII. Империя хуннов. VIII. Сяньбийцы. IX. Жужане. X. Турки. XI. Орхонские надписи. XII. Уйгуры. XIII. Кидане. XIV. Чжурчжени. XV. Аланы. XVI. Хазары. XVII. Угры. XVIII. Волжские болгары. XIX. Движение турок. XX. Печенеги. XXI. Гузы. XXII. Половцы.

Курс лекций Веселовского, изданный в 1910 г. и просмотренный Бартольдом, включал следующие разделы по поздним средним векам и новому времени: 1) Преемники Чингисхана, 2) Тамерлан-Тимуриды, 3) Бабур-Бабуриды, 4) Образование Союзов — Узбекского и Казахского, 5) История Бухарского ханства, 6) Джучиды и Джаниды, 7) История Хивинского ханства, 8) Кунгратская династия, 9) История Коканского ханства, ныне Ферганской области (некоторые разделы снабжены краткими библиографическими данными).

Касаясь читавшегося Веселовским курса истории Востока, А. Ю. Якубовский заметил в наши дни, что «захваченный в нем круг вопросов, самые принципы построения, методы исторического мышления его автора — отстают от передовой историографии его времени»³⁸. Но было бы, думается, ошибкой ограничиться констатацией только этой стороны дела. Не забудем уже того одного, что в содержание курса входила история Средней Азии, что для своего времени являлось несомненно положительным. Преподносимая Веселовским преимущественно в аспекте политической истории, она все же обобщала большой фактический материал.

Вообще же педагогическая деятельность Веселовского в Петербургском университете и Археологическом институте ждала своего освещения³⁹. Краткие данные на сей счет в некрологах Веселовского и довольно суровая, при всей своей общей справедливости, оценка читавшихся Веселовским университетских курсов, данная А. Ю. Якубовским, не кажутся нам исчерпывающими.

Давно замечено, что Веселовский, вообще говоря, не оставил прямых учеников в среде русских ученых-востоковедов. Тем не менее благотворное влияние Веселовского на своих многочисленных слушателей стоит вне сомнения. Здесь нам особенно важно отметить, что в значительной степени под влиянием читавшихся Веселовским курсов истории Востока и Средней Азии многие питомцы факультета восточных языков Петербургского университета на всю свою жизнь сохраняли живейший интерес к изучению Средней Азии.

³⁸ Якубовский А. Ю. Из истории археологического изучения Самарканда..., с. 290.

³⁹ В архиве сохранились программы читавшихся Н. И. Веселовским курсов, предложения его и других профессоров об улучшении преподавания на факультете восточных языков и другие материалы (ср. раздел «Разряд восточной словесности историко-филологического факультета и факультет восточных языков». — В кн.: Материалы по истории Ленинградского университета. 1819—1917. Обзор архивных документов. Под ред. С. Н. Валка. Л., 1961, с. 66—75).

Среди этих слушателей находилось немало людей, которым впоследствии было суждено занять видное место в истории русского востоковедения. «История Востока, — свидетельствует один из слушателей в лице В. В. Бартольда, — была представлена только одним преподавателем, профессором Веселовским, читавшим в качестве общего курса историю европейских путешествий по Востоку и, кроме того, несколько курсов по истории Средней Азии. Специалистом по истории Средней Азии был также учитель и предшественник Веселовского — профессор Григорьев. *Традицию, установленную в этом отношении моими предшественниками* (курсив наш. — Б. Л.), продолжал и я»⁴⁰.

9 января 1881 г. Веселовский был утвержден членом-корреспондентом, а 23 февраля 1889 г. избран действительным членом Русского археологического общества.

Уже в 1882 г. Н. И. Веселовский составил проект программы для сбора сведений о древних городах Туркестана⁴¹.

Характерно, что практическая, или полевая, как принято ее называть, деятельность Веселовского в качестве археолога началась с поездки в Среднюю Азию в 1884—1885 гг., когда «в Туркестане появляется фигура квалифицированного ученого-востоковеда, историка и археолога — Н. И. Веселовского..., уже вполне сложившегося научного работника»⁴².

Направление Веселовского в Среднюю Азию было действительно не случайным. Ко времени начала 80-х годов его среднеазиатские интересы определились весьма прочно. Достаточно констатировать, что его перу уже принадлежали такие публикации, как «Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего» (1877), «Манкытская династия, ныне царствующая в Бухаре» (1878), «Русские невольники в среднеазиатских ханствах» (1879), «Посольство в Хиву Ивана Михайловича Федотова и его статейный список пребывания в Хиве. 1669—1670» (1882), «Первое подданство туркмен России» (1884), «Прием в России и отпуск среднеазиатских послов в XVII и XVIII столетиях» (1884) и др.

По справедливому указанию В. А. Крачковской, «всем ходом ранних занятий и темой магистерской диссертации мысли Н. И. Веселовского были направлены к Средней Азии», и его поездка в Среднюю Азию в 1884 г. «вытекала сама собой из этих предварительных занятий»⁴³.

⁴⁰ Автобиография проф. В. В. Бартольда. — «Огонек», 1927, № 40 (236), с. 14 (Сочинения, т. IX. М., 1977, с. 789—792).

⁴¹ Предложение (20 апреля 1882 г.) касательно собирания сведений о древних городах Туркестанского края путем привлечения к этому делу местных служащих и проект программы для руководства собирателями. — ИРГО, т. XVIII, отд. I, 1882, с. 72.

⁴² Якубовский А. Ю. Из истории археологического изучения Самарканда... с. 289—290.

⁴³ Крачковская В. А. Эпиграфика Средней Азии (Пионеры эпиграфики. Туркестанский кружок любителей археологии). — «Эпиграфика Востока», VII. М.—Л., 1953, с. 50.

Именно после этой поездки, в 1886 г. Веселовский был удостоен звания члена-корреспондента Археологической комиссии в Петербурге.

Археологические изыскания («как в смысле раскопок, так и в смысле изучения развалин построек»), проводившиеся в Самарканде и в других местах под руководством «несколько раз приезжавшего в Туркестан Н. И. Веселовского», отмечались В. В. Бартольдом в числе изысканий здесь дореволюционного времени⁴⁴.

С 1889 по 1917 г. археологические раскопки Веселовского в разных местностях России (главным образом на юге страны) производились ежегодно и приносили ему как археологу все большую известность.

Очень важно отметить, что интерес, проявленный Веселовским-ориенталистом к отечественной археологии, отнюдь не был случайным и вовсе не представлял исключения в истории русского востоковедения.

По справедливому указанию Б. В. Фармаковского, «в расслоениях русской почвы каждому исследователю приходится столкнуться с памятниками культуры восточной и культуры греко-римской. Каждый русский археолог вынужден бывает стать, впоследствии этого, хотя бы отчасти, и ориенталистом и классиком. Таким образом и Н. И. Веселовский, ориенталист по своей основной специальности, становится одновременно археологом-классиком»⁴⁵.

Это замечание Б. В. Фармаковского могло бы быть значительно расширено применительно не только к истории русского востоковедения как такового, но и к истории исторической науки вообще. И, кстати сказать, не одни археологи вынуждены были становиться отчасти «ориенталистами и классиками», но и последние вынуждены были становиться отчасти археологами. Вспомним занятия археологией В. В. Бартольда, глубокий интерес к археологическим открытиям В. В. Радлова, В. Р. Розена, а также М. И. Ростовцева, С. А. Жебелева и других.

Таким образом, занятия в области археологии отнюдь не противоречили основной специальности Веселовского в качестве историка-востоковеда, тем более, что в конце XIX в. в среде русских востоковедов все более проникало убеждение, что археологические изыскания должны дополнять известия письменных источников, что без данных археологии история древнего и средневекового Востока, в частности история Средней Азии, Кавказа и Закавказья, не будет полной. Вслед за П. И. Лерхом Веселовский был одним из первых специалистов-востоковедов, приобщившихся к полевым археологическим исследованиям в Средней Азии. В конце XIX — начале XX в. эти исследования будут вести в Средней Азии также В. А. Жуковский (Мерв) и В. В. Бартольд (Самар-

⁴⁴ Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России. Издание второе. Л., 1925, с. 263 (Сочинения, т. IX. М., 1977, с. 449).

⁴⁵ ЗВОРАО, т. XXV, 1921, с. 361.

канд), в Восточном Туркестане — С. Ф. Ольденбург, а в Закавказье Н. Я. Марр и И. А. Орбели (Ани). А. Н. Кононов справедливо усматривает в этом то обстоятельство, что если ранее русские востоковеды вели исследования по трем главным линиям (гражданская история, история культуры, история религий народов Востока, особенно ислама и буддизма), то впоследствии «идея дальнейшая дифференциация этих основных направлений, сравнительно большее место в исследованиях востоковедов-историков начинает занимать археология»⁴⁶.

В общем, по компетентному свидетельству Б. В. Фармаковского, к началу столетия Веселовский «представлял уже чрезвычайно видного деятеля русской науки, пользовавшегося авторитетом и в области востоковедения, и в области археологии России»⁴⁷.

В Русском археологическом обществе наиболее активное участие Веселовский принимал, естественно, в деятельности его Восточного отделения и отчасти в деятельности Отделения русской и славянской археологии. Известно, что управляющим ВО с 1867 по 1881 г. являлся В. В. Григорьев, смененный на этом посту после его кончины К. П. Паткановым и вскоре (27 февраля 1885 г.) В. Р. Розеном. По смерти же последнего управляющим отделением на заседании 20 марта 1908 г. был избран Н. И. Веселовский, что убедительно свидетельствует, в частности, о высоком авторитете Веселовского и признании его заслуг как ученого и организатора научной работы.

Здесь особенно уместно подчеркнуть, что собственно научная, исследовательская работа Н. И. Веселовского неотделима от его научно-организаторской деятельности. Человек исключительной работоспособности и энергии, умелый и тактичный руководитель, он и этими своими качествами стяжал себе авторитет и признание. И если по глубине и широте эрудиции в области специальных знаний (филология) Н. И. Веселовский уступал некоторым из своих ближайших коллег по тому же Восточному отделению Русского археологического общества, то своими научно-организаторскими способностями во многом превосходил их. Не случайно поэтому, что при наличии в составе активных сотрудников Восточного отделения многих столпов науки он, как мы видели, оказался избранным (с учетом, конечно, и соблюдавшегося старшинства) председателем отделения, которым и являлся до самой своей смерти.

В декабре 1908 г. Н. И. Веселовский был избран членом Совета и председателем разряда археологии и этнографии Русского военно-исторического общества⁴⁸, причем персонально ему Об-

⁴⁶ Кононов А. Н. Восточный факультет Ленинградского университета (1855—1955). — Вестник Ленинградского университета, № 8. Серия истории, языка и литературы, вып. 2, 1957, с. 14.

⁴⁷ ЗВОРАО, т. XXV, 1921, с. 369.

⁴⁸ Подробнее об этом см.: Печенки И. Памяти Н. И. Веселовского. — ЗВОРАО, т. XXV, 1921, с. 356—358.

щество было обязано подготовкой к изданию «Записок разряда военной археологии и этнографии» (вышло в свет три выпуска)⁴⁹.

Н. И. Веселовский известен также как многолетний и видный деятель Русского географического общества, где он наиболее активно работал по Отделению этнографии, исполняя с 1887 по 1910 г. обязанности председателя этого отделения.

Говоря словами Б. В. Фармаковского, «неутомимая энергия исследователя и важные результаты, которые все время давали работы Н. И. Веселовского, естественно, создали для него видное положение в русском ученом мире»⁵⁰.

Авторитет, которым пользовался Н. И. Веселовский в ученых кругах, подтверждается и той характерной деталью, что именно по его отзывам удостоивались почетных научных наград А. В. Андрианов, В. В. Бартольд, П. С. Уваров, В. Г. Тизенгаузен и другие.

В 1914 г. Н. И. Веселовский был избран членом-корреспондентом Академии наук по историко-филологическому отделению.

Перу Веселовского принадлежит свыше 170 научных публикаций. Наиболее полон «Список трудов Н. И. Веселовского», составленный заботливой и компетентной рукой акад. В. В. Латышева⁵¹ во внимание к памяти Веселовского. В. В. Латышевым было учтено 169 публикаций Веселовского, но надо иметь в виду еще и посмертно опубликованную статью Н. И. Веселовского⁵². Кроме того, имеются некоторые пропуски в указателе, составленном В. В. Латышевым, часть которых выявлена и восполнена нами.

Кстати заметить, Латышевым был составлен также перечень докладов и сообщений, с которыми Н. И. Веселовский выступал начиная с 1884 г. в различных научных обществах и на археологических съездах. Из перечня видно, что и среди этих выступлений Веселовского множество посвящено историко-культурному

⁴⁹ Там же, с. 356—357.

⁵⁰ ЗВОРАО, т. XXV, 1921, с. 368.

⁵¹ Напечатан в ЗВОРАО (т. XXV, 1921, с. 387—398). В настоящее время этот перечень становится библиографической редкостью. Равноценного ему не существует. Исходя из этого и дабы облегчить обращение современных исследователей к указателю В. В. Латышева, а тем самым привлечь их внимание к трудам Н. И. Веселовского, мы публикуем этот указатель в Приложении 2 к данной книге (некоторые, незначительные пропуски, имеющие место в указателе В. В. Латышева, фигурируют в подстрочных примечаниях и в приложении к нашей работе). Указатель перепечатывается строго по тексту В. В. Латышева без каких-либо изменений и с сохранением принятой им системы сокращений и библиографических обозначений. Единственно, что исходит от автора данной книги — это устранение нескольких заведомых опечаток и воспроизведение полностью слов, какие давались в сокращениях (например, «нумизм.», «археол.» и т. д.). Позднее напечатана также статья: Латышев В. В. Раскопки Н. И. Веселовского в 1916 и 1917 гг. [близ г. Жданова; Северное Причерноморье]. — Сообщения ГАИМК, Л., 1926, I, с. 201—206.

⁵² Веселовский Н. И. Хан из темников Золотой Орды. Ногай и его время. — Записки Российской Академии наук сер. VIII, т. XIII, 1922, № 6, 58 с. Дополнения к примечаниям Веселовского были сделаны в память об учителе В. В. Бартольдом. Он же читал корректуру статьи.

прошлому Средней Азии. Всего Латышевым учтено (едва ли с исчерпывающей полнотой) 125 докладов и сообщений Веселовского. Из них прямое отношение к Средней Азии имеют около пятидесяти⁵³.

Н. И. Веселовский умер 30 марта (12 апреля) 1918 г. в Петрограде на семидесятом году жизни. «Сегодня утром, — читаем в письме В. В. Бартольда Н. П. Остроумову, — от осложнившейся болезни сердца скончался Н. И. Веселовский; в последнее время он жил один... когда Николай Яковлевич (Марр. — Б. Л.) зашел к нему его проводить, он сам должен был встать с постели, чтобы открыть ему дверь»⁵⁴.

Жизни и деятельности Н. И. Веселовского было посвящено заседание Восточного отделения РАО 23 мая 1918 г.

Из отчета В. В. Бартольда о работе в 1919—1922 гг. возглавлявшихся им Разрядов археологии Средней Азии и археологии мусульманской Государственной Академии истории материальной культуры мы узнаём, что после реорганизации в 1918 г. б. Императорской археологической комиссии и назначения ее руководителем Н. Я. Марра, И. П. Кузьмин составил опись бумаг и рукописей, оставшихся по кончине старшего члена комиссии Н. И. Веселовского. Знатоки истории архитектуры П. П. Покрышкин и К. К. Романов пытались «привести в известность имеющиеся материалы для предполагавшихся дальнейших выпусков издания Археологической комиссии «Мечети Самарканда», первый и единственный выпуск которого вышел в 1905 г.»⁵⁵.

Память о Веселовском была почтена печатными выступлениями таких выдающихся ученых, как В. В. Бартольд⁵⁶, В. В. Латышев⁵⁷, Б. В. Фармаковский⁵⁸.

При всем том, мы до сих пор не имеем общего очерка жизни и научной деятельности Веселовского, право на который он давно заслужил в качестве видного русского востоковеда⁵⁹.

⁵³ См. Приложение 4.

⁵⁴ ЦГА УзССР, ф. 1009, оп. I, л. 27, л. 273—274. См. также: Выпись из метрической книги... о умерших за 1918 год, выданная причтом Петроградской Петропавловской Университетской Церкви («Скончался апреля 12 нов. ст., погребен 15-го»; ЛГИА, Фонд Петербургского университета, д. 7327, л. 183).

⁵⁵ Архив АН СССР, ф. 68 Ср.: Туманович Н. Н. Описание архива академика В. В. Бартольда.— В кн.: Умняков И. И. Аннотированная библиография трудов В. В. Бартольда, М., 1976, с. 256.

⁵⁶ Бартольд В. В. Николай Иванович Веселовский. Некролог (Читан на заседании Отделения исторических наук и филологии 24 апреля 1918 г.).— Известия Российской Академии наук, сер. 6, № 9, 1918, с. 809—816; Он же. Н. И. Веселовский как исследователь Востока и историк русской науки.— ЗВРАО, т. XXV, 1921, с. 337—355.

⁵⁷ Латышев В. В. Список трудов Н. И. Веселовского (1848—1918).— ЗВРАО, т. XXV, с. 387—398.

⁵⁸ Фармаковский Б. В. Н. И. Веселовский — археолог.— ЗВРАО, т. XXV, с. 359—386 (также: Печенкин Н. Памяти Н. И. Веселовского.— Там же, с. 356—358).

⁵⁹ Только слабым знанием фактов забытой биографии Веселовского можно объяснить, например, то обстоятельство, что Х. Айдарова в своей книге «Чокан

Заметим также, что до самых последних дней в научных кругах держалось убеждение, что рукописное наследие Веселовского, так называемый личный архивный фонд безвозвратно утрачен, а архивные материалы, сохранившиеся в архивах б. Императорской археологической комиссии, Восточного отделения Русского археологического общества и в других местах, весьма неполны.

Суждения эти подлежат сейчас значительному уточнению. Начать с того, что деятельность Веселовского в стенах Петербургского университета весьма полно характеризуется соответствующими архивными фондами, в частности фондами факультета восточных языков, хотя данные действительно распылены по многочисленным делам («единицам хранения») и ждут своего собирателя.

Известен, но в плане общей характеристики жизни и деятельности Веселовского (да и в плане истории и историко-археологических исследований в России) далеко не полностью изучен и использован обширный фонд материалов Н. И. Веселовского в архиве Ленинградского отделения Института археологии АН СССР (ф. 18, 1865—1918). Здесь же хранятся материалы Русского археологического общества в Петербурге (ф. 3), в которых также содержатся данные о деятельности Веселовского (д. 154, 425—440, 469 и др.).

Значительное количество материалов, связанных с работами Н. И. Веселовского в Средней Азии, обнаружено нами в Центральном государственном архиве Узбекской ССР. Можно полагать, что подобного рода материалы должны содержаться в бывших губернских и областных архивах, которые относятся к местностям, где Веселовский вел археологические изыскания.

Сейчас установлено также, что определенная часть личного архива Н. И. Веселовского сосредоточена не в Ленинграде, а в Москве и по не совсем пока понятным причинам оказалась ушедшей (не по созвучию ли с именами крупных русских историков литературы Александра Николаевича и Алексея Николаевича Веселовских?) в составе Центрального государственного архива литературы и искусства СССР (ф. 118), куда поступила из Государственного литературного музея в Москве. Здесь же хранится и часть эпистолярного наследия Веселовского, материалы, относящиеся к его биографии, различные фотографии и пр.⁶⁰

Валиханов» (Алма-Ата, 1945), а за ней и некоторые другие авторы именуют Веселовского академиком (каковым он, как известно, не являлся), а К. Ф. Касымбеков («К вопросу присоединения Средней Азии к России и о его прогрессивном значении», Андижан, 1961) ничтоже сумняшеся относит Веселовского к числу... «царских военных историков» (!), возможно, исходя лишь из того, что с 1908 г. Веселовский был председателем Разряда военной археологии и археографии Русского военно-исторического общества.

⁶⁰ Краткие данные о нем см.: Центральный архив литературы и искусства СССР. Путеводитель. Литература. М., 1963. с. 96—97 («Веселовский Н. И., историк восточной культуры, переводчик, профессор»).

Вновь обнаруженная обширная часть архивного наследия Н. И. Веселовского (1280 единиц хранения) имеет большое значение для изучения его жизни и деятельности в целом. Однако материалов, существенно обогащающих наши представления о научной деятельности Веселовского как историка Средней Азии, здесь не так много. Содержание московского архива свидетельствует, что весьма значительная часть этих материалов перекрывается вышедшими в свет работами Веселовского, публикациями отчетного характера об его исследованиях, данными, содержащимися в архивном фонде Веселовского, хранящемся в Ленинградском отделении Института археологии АН СССР, и т. п. Это касается, например, таких дел московского архива, как «Отчет о самаркандских раскопках» (д. 245), «Подробности смерти узбекского хана Мухаммеда Шейбани» (д. 332), «Курбан-байрам в Бухаре» (д. 403) и ряда других. Сказанное отнюдь не исключает, конечно, необходимости самого тщательного изучения московского архива Н. И. Веселовского и, в частности, возможности нахождения данных по Средней Азии в делах, по主要内容 содержанию с нею не связанных. Заметим здесь, что наша работа о Н. И. Веселовском как историке Средней Азии несколько не устраняет желательности появления монографического исследования его научной и научно-организационной деятельности. Надо надеяться, что со временем будет выполнена и эта задача, требующая непременно изучения всех материалов архива Веселовского⁶¹.

Почти не затронуто эпистолярное наследие Веселовского в той мере, в какой оно еще сохранилось в его архиве и в архивах отдельных переписывавшихся с ним востоковедов, и доступно изучению.

Так, в ЦГАЛИ хранятся письма Веселовского 35 разным адресатам, в том числе 42 письма В. Г. Дружинину, 2 — Г. Н. Потанину, 5 — М. К. Соколовскому и др. Что касается писем на имя Н. И. Веселовского, то в архиве хранятся письма более чем 300 лиц, в том числе В. В. Бартольда, А. И. Введенского, С. А. Венгерова, И. Я. Гинзбурга, И. Ю. Крачковского, Л. Н. Майкова, Н. Я. Марра, Г. Н. Потанина, Н. К. Рериха, В. Л. Серошевского, В. К. Трутовского и многих других. Сохранилась также часть семейной переписки Веселовских⁶².

Те или иные стороны жизни и деятельности Н. И. Веселовского находят отражение в различного рода разновременных заметках, информациях и сообщениях, которые однако рассеяны по

⁶¹ Как пример укажем, что для наиболее полной характеристики Н. И. Веселовского как ученого, общественного деятеля и человека несомненно полезные данные могут быть извлечены из хранящихся в ЦГАЛИ таких дел, как «Отрывки из дневника с записями личных чувств и настроений» (д. 1201, 1203, 1204 и др.).

⁶² Ср.: Центральный государственный архив литературы и искусства СССР. Путеводитель. Литература. М., 1963, с. 96—97, 181, 369, 421.

страницам научных изданий специального характера, частично ставших библиографической редкостью. Данные о нем в энциклопедических и биографических словарях и других справочных изданиях кратки и не дают полного представления о его научно-исследовательской и общественно-педагогической деятельности⁶³.

Таким образом, предстает большая и кропотливая работа по отысканию и сбору материалов и подробной критической характеристике жизни и деятельности Н. И. Веселовского — задача, которая раньше или позже должна быть выполнена в интересах науки, в интересах истории отечественного востоковедения.

Археологические исследования в Средней Азии

Обозрение научно-исследовательской деятельности Н. И. Веселовского по Средней Азии будет правильным начать с его археологических изысканий. Хотя они проводились ученым уже после выхода в свет его работ по истории Средней Азии, но именно эти изыскания связаны с освещением Веселовским некоторых вопросов древнейших судеб народов края. Чисто исторические работы Н. И. Веселовского касались преимущественно более поздних периодов времени и, таким образом, хронологический подход требует нашего обращения прежде всего к деятельности на территории Средней Азии Веселовского-археолога.

Как отмечалось выше, Н. И. Веселовский совершил свою первую поездку в Среднюю Азию в 1884 г.

Принято считать, что направление Н. И. Веселовского в Туркестан для раскопок на городище Афрасиаб было вызвано дилетантскими раскопками Крестовского, прекращенными по требованию Археологической комиссии, которая сочла правильным дальнейшее ведение здесь раскопок ученым-специалистом. В известной степени дело обстояло действительно так. Все же одно существенное уточнение необходимо сделать.

В архивных материалах впервые имя Н. И. Веселовского как возможного исследователя древностей Туркестанского края, в частности городища Афрасиаб появляется в письме Русского археологического общества от 2 февраля 1883 г. (т. е. еще до раскопок Крестовского) на имя туркестанского генерал-губернатора, в коем излагалось намерение приступить к археологическому изучению края⁶⁴. По этому поводу возникла переписка, на основе которой канцелярия туркестанского генерал-губернатора составила доклад «относительно археологических изысканий в крае», повторяющий материалы переписки с упоминанием рекомендации

⁶³ Их не претендующий на исчерпывающий характер перечень см. в составленном нами указателе литературы о Н. И. Веселовском (Приложение 5).

⁶⁴ ЦГА УзССР, ф. I, оп. 11, д. 240, л. 9 («По поводу археологических изысканий в Туркестанском крае». Дело канцелярии туркестанского генерал-губернатора, № 73).

Археологического общества привлечь к этим изысканиям Н. И. Веселовского⁶⁵.

Однако на упомянутом докладе находим пометку: «Доложено. Приказано (генерал-губернатором.— *Б. Л.*) для предварительного осмотра Афрасиаба командировать полковника Крестовского. 29. IX. 83 г.»⁶⁶.

Этим и было положено начало изысканиям Крестовского на городище Афрасиаб, а все последующее (прекращение раскопок Крестовского и направление в 1884 г. в Туркестан Н. И. Веселовского) действительно отвечает тому ходу событий, который запечатлен в литературе. Откровенно любительские, предпринятые по местной инициативе (во многом по инициативе самого В. В. Крестовского) и веденные без должной подготовки, раскопки эти в то же время вновь сигнализировали об очевидном научном значении городища Афрасиаб, о чем свидетельствовали многочисленные находки различных предметов древности.

Крупнейший востоковед-индолог И. П. Минаев (1840—1890) сделал на общем собрании Русского археологического общества (1 ноября 1883 г.) заявление о «производимых в настоящее время в Самарканде и Афрасиабе полковником Крестовским раскопках» и, отмечая «важность [Туркестанского] края в археологическом отношении», настаивал, чтобы «раскопками руководило лицо, специально знакомое с археологией края»⁶⁷.

Было определено: просить «приостановить раскопки в указанных местностях, добытые же полковником Крестовским находки сообщить в ИАК». Было также решено «указать... на профессора Веселовского как на лицо, которое может с успехом произвести такие исследования»⁶⁸.

То, что выбор падал и здесь на Веселовского, не было делом случая. Специалист-востоковед, Веселовский, как мы уже видели, глубоко интересовался Средней Азией, ее древними городами, интересовался и вопросами археологии, в которой видел «науку, стоящую рядом с историей».

По словам отчета ИАК за 1885 г., произведенные в 1883 г. в виде опыта раскопки на Афрасиабе возбудили интерес к этому памятнику, и проф. Н. И. Веселовскому было поручено «произвести систематические раскопки как на Афрасиабовом городище, так и в других наиболее интересных пунктах этого района, и вообще исследовать Туркестанский край в археологическом отношении»⁶⁹. Для этой цели Веселовскому была дана с 15 ноября 1884 г. годичная командировка.

⁶⁵ ЦГА УзССР, ф. I, оп. 11, д. 240, л. 14—15.

⁶⁶ Там же, л. 14.

⁶⁷ Минаев И. П. О необходимости раскопки Афрасиабова городища лицом, специально знакомым с археологией края.—ЗРАО, т. I. Новая серия, 1886, с. XXV, LXXXIV, XCII.

⁶⁸ Архив РАО, ф. 3, д. 398, л. 212—213.

⁶⁹ ОАК за 1885 г. Слб., 1887, с. 32.

Этому предшествовало письмо (апрель 1884 г.), которым Императорская археологическая комиссия уведомила Совет Петербургского университета, что «ввиду интересных результатов, к которым может привести систематическое расследование Афрасиабова городища близ Самарканда и ближайших его окрестностей специально подготовленным для такой работы ученым, ею предложено доценту С.-Петербургского университета Н. И. Веселовскому принять на себя выполнение этого предприятия на средства комиссии»⁷⁰. Комиссия просила согласия Совета на поездку Веселовского. Факультет восточных языков со своей стороны поддержал это предложение комиссии в представлении Совету университета, указав, что «для подобного дела нельзя было отыскать ученого более подготовленного и более подходящего, как г. Веселовский» и что «помимо прямой научной добычи, это научное путешествие благотворно отзовется также и на преподавательской деятельности г. Веселовского, доставив ему совершенно новые и неизвестные ученому миру материалы»⁷¹ (документ подписан деканом факультета В. Р. Розеном и является его автографом).

Историографически заслуживают особого внимания следующие строки представления: «Ученое поприще, на котором особенно подвизается г. Веселовский, есть именно тот край, в который он теперь отправляется. Изучение Хивы, Бухары, Кокана (Коканда.— *Б. Л.*) и смежных окрестностей проявилось как в его диссертации на степень магистра, так и в отдельных статьях. Если для кабинетного ученого всегда очень важно ознакомление со своим предметом на месте, тем более оно необходимо по отношению к такой своеобразной местности, какова Средняя Азия. Со времени занятия... Самарканда (в 1868 г.— *Б. Л.*)... ни один ученый-ориенталист не посетил... Туркестанский край. Раньше, при неблагоприятных условиях, там были барон Демезон в 1834 г. ..., поездка которого осталась почти безрезультатной для науки; Н. В. Ханыков в 1841 г., составивший описание Бухарского ханства, лучшее до настоящего времени, и покойный П. И. Лерх в 1858 и в 1867 гг.... (неразборчиво) филология оставались в стороне, игнорировались. Поэтому поездку в Среднюю Азию ориенталиста надо признать в некотором роде событием. Нет сомнения, что Н. И. Веселовский не пожалеет труда и не побоится никаких лишений, чтобы сделать все возможное для изучения края и его населения, извлечь наибольшую пользу из своей поездки. Независимо от той цели, для которой командировается г. Веселовский по предложению Археологической комиссии, факультет, пользуясь этой командировкой своего сочлена, мог бы поручить г. Веселовскому заняться решением некоторых вопросов. Во-первых, необходимо поручить ему занятие изучением мало известного народа Гольчей, обитателей

⁷⁰ ЛГИА, фонд Петербургского университета, д. 7327, л. 36.

⁷¹ Там же, л. 38.

горных трущоб, где не был еще ни один европеец; вообще заняться исследованием горных таджиков и собрать образцы их языка. Вторых, заняться отысканием рукописей. Так как на это отыскание обращалось очень мало внимания, то есть еще надежда обогатить науку новыми открытиями, но для этого надо... отправить в Бухару и особенно в Гиссар, куда увезены были письменные памятники со времен занятия... Самарканда»⁷². Факультет ходатайствовал об отпуске на эти цели дополнительных сумм на командировку Веселовского.

3 апреля 1884 г. Императорская археологическая комиссия известила туркестанского генерал-губернатора, что в Туркестан командирован «ориенталист Веселовский для расследования Афрасиабова городища... и [проведения] других ученых исследований». Одновременно комиссия просила прекратить «до прибытия Веселовского... всякие дальнейшие раскопки как на Афрасиабовом городище, так и в других местах»⁷³.

14 июля 1884 г. Русское археологическое общество также сообщило туркестанскому генерал-губернатору, что оно предполагает командировать своего члена-сотрудника Н. И. Веселовского «для систематического расследования городища Афрасиаба близ Самарканда и вообще для археологического изучения края и., придавая этой миссии Веселовского высокое научное значение», просило содействовать «благоприятному исходу предприятия, которое ознакомит ученый мир с археологическими сокровищами края и будет содействовать развитию востоковедения как в России, так и в Западной Европе»⁷⁴.

5 декабря того же года с просьбой о содействии экстраординарному профессору Н. И. Веселовскому, «командированному в Туркестанский край сроком на один год по 15 ноября будущего 1885 года», обратился ректор Петербургского университета⁷⁵.

24 ноября 1884 г. Императорская археологическая комиссия известила генерал-губернатора, что «Веселовский на днях отправляется в путь и в начале будущего года надеется быть в Ташкенте». Комиссия просила назначить в помощь Веселовскому опытного топографа для «составления подробного плана Афрасиабова городища»⁷⁶.

Историографически весьма небезынтересна инструкция Археологической комиссии на имя Н. И. Веселовского, которую мы воспроизводим здесь в важнейших извлечениях.

⁷² Там же, л. 44—46.

⁷³ ОАК за 1885 год.— ОАК за 1882—1888 годы. Сиб., 1891, с. XI—XII.

⁷⁴ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 11, л. 240, л. 131.

⁷⁵ Там же, л. 133.

⁷⁶ Там же, л. 134. Любопытная дегаль. Из делавшихся Веселовским «записок для памяти» по «археологической поездке в Ташкент» мы узнаем, что в «числе провожавших были три студента [Петербургского] университета, восточного факультета, 4-го курса: Ольденбург, Егоров и Каль» (ЦГАЛИ, ф. 118, л. 2).

«Основной задачей Вашей... Комиссия просит считать расследование собственно Афрасиабова городища, предоставляя ближайший выбор того или другого пункта этой местности собственному Вашему усмотрению по ознакомлению с нею и по соображении с собранными на месте сведениями о находках, сделанных на этом городище в. прежнее время. Раскопку образовавшейся на нем насыпи необходимо доводить каждый раз до слоя материковой земли... Производству работ необходимо будет вести подробный журнал, с указанием в нем номеров находимых вещей, которые под теми же нумерами должны быть заносимы в особую опись... Независимо от дневника..., от времени до времени сообщать Комиссии краткие сведения... обо всем замечательном в археологическом отношении, что удастся встретить на пути. Так, например, Комиссии очень желательны осмотр и приведение в известность хотя главнейших развалин древних городов в долине Зеравшана.... Между прочим, интересно было бы собрать ближайшие сведения о появившемся в «Туркестанских ведомостях» известии относительно развалин древнего города Ахсы на правом берегу Аму-Дарьи.

Сверх археологических исследований в Зеравшанском округе Археологической комиссии желательно, чтобы Вы произвели таковые и в Ферганской области, а если позволят Вам время и средства, то и проникнуть в Бухару для приведения в известность тамошних древностей... Кроме городищ, полезно было бы разрыть также несколько курганов..., составить краткую опись археологическому отделу Ташкентского музея и по возможности ознакомить с содержанием как кладов, открытых в Туркестанском крае, так и местных археологических коллекций частных лиц.... Особенно желательно пополнение минц-кабинета Эрмитажа монетами бактрийскими, индоскифскими, индосасанидскими, саманидскими (особенно динарами), газневидскими, караханидскими, хорезмшахскими и джагатайскими...»⁷⁷.

Еще более интересна «Заметка к инструкции командируемому в Туркестанский край для археологических исследований доценту Санкт-Петербургского университета Н. И. Веселовскому», текст которой хорошо отражает тогдашний уровень научных знаний о прошлом края и соответственно этому задачи, ставившиеся перед Веселовским: «Культура стран по бассейну Аму-Дарьи — одна из древнейших известных нам культур. Об этой культуре имеются у нас указания, почерпнутые главным образом из письменных источников, вещественные же памятники дошли до нас в очень незначительном количестве. Скудость памятников среднеазиатской древности происходит от того, что серьезных археологических изысканий в Туркестанском крае, кроме поездки туда покойного П. И. Лерха в 1867 г., не производилось. Теперь является возможность пополнить этот пробел.

⁷⁷ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 11, д. 240, л. 135—138.

Прежде всего представляется необходимым произвести осмотр и привести в известность все существующие ныне развалины древних городов в долине Зеравшана, а если окажется возможность, то и в других местах наших среднеазиатских владений. Города эти обыкновенно сохраняют у местного населения свои первоначальные названия и тем могут служить к уяснению древней топографии западного Туркестана. Сверх того эти названия свидетельствуют о глубокой древности развалин. Такие города, как Тагир-узур, например, не встречаются даже у арабских путешественников X века, всегда очень подробных и точных, когда дело касалось городов Мавераннахра.

К числу подобных городов относится интересный по своему названию и по находкам там предметов Афрасиаб, раскопки которого начаты в прошлом году полковником Крестовским⁷⁸.

По приезде Н. И. Веселовского в Самарканд ему был оказан теплый прием. Сохранился черновик речи Веселовского на приеме: «Ваше чествование, признаться смущает меня. Я вижу в нем не одно широкое гостеприимство, но и нечто другое. Приписать себе лично ваше радушие я никак не могу, ибо сам сделал очень еще немного. Но ваш прием приписываю... [заботе] о чести русской науки и о славе и процветании нашего отечества...

Отправляясь на раскопки в Туркестанский край, я, признаться, чувствовал некоторую робость. Делом этим заинтересованы были весьма многие, зародились ожидания всяких открытий, ожидания, конечно, преувеличенные. Могу только сказать, что не пожалею личных трудов»⁷⁹.

Из речи этой явствует, что Веселовский заранее считал преувеличенными «ожидания всяких открытий». Это важно подчеркнуть потому, что еще недавно высказывалось мнение, будто Веселовский ехал в Самарканд в расчете именно на необыкновенные открытия и чуть ли не в погоне за золотом и серебром.

Прежде чем начать раскопки на Афрасиабе, Веселовский совершил поездку по краю.

В декабре 1884 г. Веселовский приступил к раскопкам на городище Той-тепе в Кураминском уезде Сыр-Дарьинской области, в 32 км от Ташкента по дороге в Фергану. Городище являло собой четырехугольную цитадель и сам город с глинобитной стеной и предместьем. Постройки сооружались из жженого кирпича. Раскопки дали фрагменты глиняной керамики и стеклянной посуды, медные монеты хорезмшахов (XIII в.).

Вслед за этим Веселовский вел раскопки на Чорлен-тепе близ кишлака Намданак в 40 верстах от Ташкента. И здесь им были обнаружены остатки средневекового поселения. Раскопки носили пробный характер, велись в разных местах, не давая общей картины устройства поселения и жизни на нем. Среди датирующего

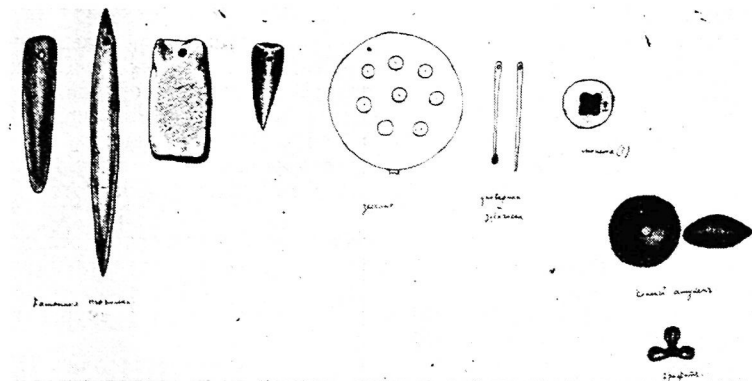
⁷⁸ Архив ЛОИА, ф. 1, оп. 1, л. 20, л. 22—23.

⁷⁹ Там же, ф. 18, л. 236, л. 20.

Был также вскрыт «курум» в Пунуке и несколько курумов в кишлаке Чодаке⁸².

В городе Чусте Веселовский вел раскопки в Мунчактепе («искусственном холме»), встречая жженный кирпич, остатки глинобитной стены, керамику и пр.

Находка в 1884 г. клада в местности Ахсы, вызвавшая много толков в печати, побудила Веселовского повести раскопки на территории городища, лежащего на правом берегу Сырдарьи, предположительно на месте цитадели. Работы велись, как он сам указывал, на «участках» («местах»). И здесь повторилась та же

Предметы древности из курума (зарисовка Н. И. Веселовского)

картина: сколько-нибудь общего представления о городе раскопки не дали. Все же в своей совокупности они устанавливали, что город имел строения из обожженных и сырцовых кирпичей (иногда «из рядов обожженного и сырцового кирпича через ряд»), располагал водопроводными трубами и т. д.

В Касане рекогносцировочные раскопки в старинной крепости обнаружили стены из сырцового кирпича. По Касансаю вскрывались «курумы», в кишлаке Узген — «курганы».

Во время перечисленных выше поездок по краю, а также в результате поездки в горы к северу от Ташкента Н. И. Веселовский неумолимо собирал и приобретал у местных жителей предметы древности для Археологической комиссии. В Самарканде он приобрел, в частности, три большие коллекции разнообразных предметов древности, в том числе перстень (миндалевидный изумруд в золотой оправе), описанный впоследствии самим Веселов-

⁸² Чернозные дневниковые записи Веселовского по курумам см.: ЦГАЛИ, ф. 118, оп. I, д. 1205, л. 27 об—31, 48—49 и др. Веселовский писал: «Я думаю, что курумы — это семейные склепы, есть и женские вещи, и мужские» (л. 28).

ским. Он оказался перстнем с датой 802 г. х.=1399/1400 г. и именем Мираншаха мирзы — третьего сына Тимура⁸³.

Приобретенные Веселовским предметы древности и коллекции и его собственные находки вплоть до революции составляли основные собрания Эрмитажа по Средней Азии⁸⁴.

О результатах своих поездок по Туркестану Н. И. Веселовский информировал как Археологическую комиссию, так и Восточное отделение Русского археологического общества (поездка по Кураминскому уезду Сырдарьинской области и др.)⁸⁵.

Заметим, что древности Средней Азии произвели на Веселовского огромное впечатление. «Всюду я видел, — говорил он впоследствии, — следы великих разрушений, следы древней, давно исчезнувшей культуры, следы страшных переворотов, испытанных Средней Азией от великих завоевателей, от алчных кочевников и междоусобий мелочливых честолюбцев, тех переворотов, которые расстроили ее некогда замечательное благосостояние... По удачному выражению Н. А. Маева, «вся Средняя Азия (в археологическом отношении. — Б. Л.) представляет одну большую могилу». В некоторых местах пробовал я приподнять покров этой могилы...»⁸⁶.

Следует признать, что в какой-то мере Веселовскому это действительно удалось. Так, в основном именно на впечатлениях и выводах от поездки Веселовского по краю базируется его небольшая, но крайне важная для своего времени статья о «курганах» Туркестанского края, известных под именем тепе⁸⁷.

Перечислив некоторые из таких тепе в местностях близ Ташкента, вдоль почтовой дороги от Ташкента в Ходжент, по почтовому тракту из Маргилана в Андижан, по трактам из Қазалинска в Ташкент и из Ташкента в Самарканд, в Самаркандской области и Бухарском ханстве⁸⁸, Веселовский первым в науке указал на необходимость отличать погребальные (могильные) курга-

⁸³ Веселовский Н. И. Перстень-печатъ Миран-шаха мирзы, сына Тамерлана. — Кауфманский сборник. М., 1910, с. 229—234.

⁸⁴ В архивах хранятся: Опись восточным и другим монетам, привезенным проф. Н. И. Веселовским из Туркестанского края (см. Приложение 4); Опись предметов древности, доставленных Веселовским из Чорлонтепе и разных мест Ферганской области; Опись «коллекции древних вещей, купленных [Веселовским] в Самарканде», перечень «подарков» [предметов древности], полученных Веселовским во время его пребывания в Туркестанском крае (от Акрама Аскарова, А. И. Вилькинса, П. И. Хомутова, Г. А. Арендаренко и других). Очень интересна опись монет, точно «паспортизированных» по местам их нахождения. Ср.: Архив ЛОИА, ф. I, оп. I, д. 20, л. 140—152, 155—164 и др. Коллекции древностей для Эрмитажа и других музеев Веселовский продолжал пополнять и в последующие свои приезды в Среднюю Азию. Опись предметов древности, приобретенных в 1895 г.: Архив ЛОИА, ф. I, оп. I, д. 69, л. 72.

⁸⁵ Ср.: ЗВОРАО, т. I, 1886, с. IV.

⁸⁶ ЗРАО, т. II, Новая серия, 1887, с. XCIII—XCIV.

⁸⁷ Веселовский Н. И. Заметки о курганах Туркестанского края. — ЗВОРАО, т. II, 1888, с. 221—226.

⁸⁸ Там же, с. 225—226.

ны края и скопление их (могильники) от «искусственных возвышений, насыпей, бытующих в западном Туркестане под именем тепе». Он справедливо опроверг мнение академика А. Ф. Миддендорфа, «не признававшего среднеазиатские курганы за искусственные насыпи, за дело рук человеческих, и предполагавшего, что люди только воспользовались работою природы и приспособили некоторые возвышенности для своих надобностей».

«Важным итогом разведок Веселовского, — пишет В. А. Шишкин, — явилось окончательное решение вопроса о так называемых «жилых курганах» как укрепленных поселениях и зданиях вопреки всевозможным догадкам об их естественном происхождении (Миддендорф), «молотильных курганах» и т. п.»⁸⁹.

В этих курганах-укреплениях Веселовский видел сооружения оседлого населения. «Некоторые такие тепе, — писал он, — представляют правильные усеченные пирамиды, это — цитадели небольших городков со стенами или даже без стен. К первому типу можно отнести городище Той-тепе (в 35 верстах от Ташкента по дороге в Ходжент), ко второму — городища в Бухарском ханстве в долине Зеравшана. Некоторые курганы стоят особняком и городов при себе не имеют, как например Чорлон-тепе, верстах в 40 на север от Ташкента»⁹⁰.

Веселовский и сам пробовал вести рекогносцировочные раскопки некоторых тепе в окрестностях Ташкента (Чорлон-тепе), близ кишлака Ашту (Калян-тепе), у сел. Чуст в Фергане (Мунчактепе), «и все они оказывались содержащими в себе жилые помещения, имели глинобитные стены, обращенные наружу, но с пристройкой домов к внутренней стороне»⁹¹.

Соответственно этому Веселовский приходил к прямому выводу, что «курганы жилые, по всей видимости служили укрепленными убежищами на случай опасности. Они большой высоты, различной формы — квадратной, овальной и круглой»⁹².

По сути дела Веселовский впервые попытался дать сводный обзор «курганных» насыпей Западного Туркестана. Он отметил,

⁸⁹ Шишкин В. А. К истории археологического изучения Самарканда и его окрестностей. — В кн.: Афрасиаб, вып. 1. Ташкент. 1969, с. 33.

⁹⁰ ЗВОРАО, т. II, 1888, с. 222.

⁹¹ Там же, с. 233.

⁹² ЗВОРАО, т. I, 1887, с. XIII (заседание 27 мая 1886 г.). Отметим в связи с этим следующие строки в неопубликованной записной книжке Н. И. Веселовского за 1884—1885 гг.: «У Яны-Кургана (станция в 25 верстах от Джизака) местность изобилует курганами типа Той-Тюбе... курганчики я назвал бы жилыми (вместо: сторожевыми), потому что про сторожу ничего не могу сказать, а жилье-то было» (ЦГАЛИ, ф. 118, оп. I, д. 177, л. 37 об.). В. В. Бартольд замечал по этому поводу, что первоначально Веселовский усматривал в таких курганах (по сходству их с могильными курганами юга России) могильные насыпи, которые в мусульманское время «население придумало утилизировать для стратегических целей», но затем, учитывая также данные арабских источников об укрепленных жилищах местных землевладельцев-дихкан, «признал их за остатки замков дихканов» (ЗВОРАО, т. XXV, 1921, с. 352; Сочинения, т. IX. М., 1977, с. 659).

что насыпи эти в наши дни называются здесь не иначе, как «тепе», «тюбе» (холм), но что слово «курган», употреблявшееся для таких насыпей в древности, удержалось «в названиях городов и селений: Яны-Курган, Уч-Курган».

По его мнению, то обстоятельство, что мингтепе находятся только близ Сырдарьи и не встречаются южнее, т. е. в долине Амударьи, дает повод заключить, что курганы эти возведены кочевыми народами, тогда как курганы-укрепления («укрепления кочевникам не нужны, и они их не строят») сооружены народами оседлыми для защиты главным образом от кочевников. Веселовский дал общее описание некоторых тепе, видя в них «ци-тадели небольших городов со стенами или даже без стен»⁹³.

В основном время показало правоту взглядов Веселовского в данном вопросе. Тепе представляли собой «жилища туркестанской землевладельческой аристократии, так называемые жилые курганы»⁹⁴, не считая, конечно, употребления слова «тепе» в широком смысле «городище», т. е. всей площади поселений древности.

Не обошел вниманием Веселовский и находки фрагментов стеклянных изделий, причем весьма убедительно аргументировал наличие местного производства стекла. По его словам, «изобилие стекла как на Афрасиабе, так и в других городищах и курганах Средней Азии указывает, что оно местного происхождения. Иногда попадаются остатки стеклянной массы, отбросы. Скажут, пожалуй, что стеклянная посуда могла быть привезена в Среднюю Азию из других стран, но неужели стоило везти и отбросы? Наконец, у нас есть два исторических свидетельства о стеклянном производстве в Средней Азии. Китайские летописи говорят, что Юе-чжи умели делать стекло, а затем Тимур (по Гонзалесу де Клавихо) привел в Самарканд мастеров, знавших это искусство»⁹⁵.

Впоследствии Веселовский опубликовал отрывок из восточной летописи Бэй-ши (V в.) в уточненном А. О. Ивановским переводе Иакинфа Бичурина. Текст гласит, что люди из Большого Юе-чжи, прибывшие в 424 г. в Китай с торговыми целями, говорили о себе, что «могут, расплавивши камни, готовить стекла пяти цветов..., набрали руды в горах и произвели плавку [стекла] в столице», и оно «было лучше по качеству, чем доставлявшееся из западных стран». Отметил Веселовский и сведения исторических источников о направлении в Китай в VII и VIII вв. из земли Тухоло (Бактриана) стекол красного и изумрудного цвета⁹⁶.

⁹³ Заметки о курганах..., с. 222.

⁹⁴ Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927. с. 34. О раскопках одного из таких тепе см.: Тереножкин А. И. Холм Ак-тепе близ Ташкента (раскопки 1940 г.).— Материалы по археологии Узбекистана, т. I, Ташкент, 1948, с. 71—183.

⁹⁵ ЗРАО, т. II, новая серия, 1887, с. XCVIII.

⁹⁶ Веселовский Н. И. Заметка о стеклянном производстве в Средней Азии.—ЗВОРАО, т. VIII, 1894, с. 136—137.

Следствием пребывания Веселовского в Туркестане явилась также его статья, устанавливавшая отсутствие подделок древностей на территории Средней Азии до времени последней четверти XIX столетия⁹⁷.

В конце марта 1885 г. Н. И. Веселовский приступил к осмотру Афрасиаба, а затем и к раскопкам на нем, которые вел на протяжении свыше четырех месяцев⁹⁸. Он дал общее описание городища, привел некоторые исторические данные, заметив, что описание Истахри «дает повод предполагать, что ...тут и находился Самарканд и... не только в X веке, но и много раньше, во времена Александра Великого», что «раскопки... доказывают, что Афрасиабово городище представляет несколько наслоений различных культур»⁹⁹.

Раскопки на Афрасиабе велись в нескольких местах методом прокладки широкой траншеи (1,5—2 сажени) по всему Афрасиабу «на запад от крепости... к могиле Данияра» и, кроме того, в цитадели и у буйро-базара¹⁰⁰.

Было обнаружено множество различных предметов древности, остатки строений, следы городского благоустройства¹⁰¹.

По инициативе Н. И. Веселовского был составлен первый в своем роде подробный топографический план развалин средневекового шахристана Самарканда, снятый в 1885 г. топографами военно-топографического отдела Туркестанского военного округа в масштабе 25 сажень в одном (английском) дюйме с соответствующим сечением горизонталей¹⁰².

В октябре 1885 г., к концу срока командировки, Н. И. Веселовский посетил местность Сусингян в горах на север от Ташкента, осмотрел здесь и по пути следования памятники старины и приобрел у жителей некоторые предметы древности из случайных находок¹⁰³.

Научным отчетом о работах 1884—1885 гг. явилось «Донесение профессора... Н. И. Веселовского об археологических исследованиях его в Туркестанском крае в 1885 г.»¹⁰⁴.

Отчет Веселовского о его работах в 1885 г. (как бы краток и неполон ни был этот отчет) свидетельствует, что вслед за поездкой

⁹⁷ Веселовский Н. И. Существуют ли в Средней Азии подделки древностей?—ЗВРАО, т. I, 1887, с. 110—114.

⁹⁸ ОАК за 1882—1883 гг. Спб., 1891, с. XXIV—XXIX.

⁹⁹ Там же, с. LXXV.

¹⁰⁰ ЗРАО, т. II, новая серия, 1887, с. XCIX.

¹⁰¹ Архив ЛОИА, ф. I, оп. I, д. 20, л. 156—158 (№ 74—488). Опись находок, сделанных Н. И. Веселовским при раскопках на Афрасиабе 8 апреля—14 августа 1884 г.

¹⁰² Ср.: Массон М. Е. Ахангаран. Ташкент, 1953, с. 135—136. План снимали классные топографы Васильев и Кузьмин (Архив ЛОИА, ф. I, оп. I, д. 20, л. 85.).

¹⁰³ Веселовский Н. И. Поездка в местность Сусингян.—ЗВРАО, т. II, 1887, с. 25—32.

¹⁰⁴ Архив ЛОИА, ф. I, оп. I, д. 20, л. 38—50.

П. И. Лерха¹⁰⁵ его поездка должна быть признана началом подлинно научного изучения памятников материальной культуры Средней Азии¹⁰⁶.

Сам Веселовский отнюдь не переоценивал осуществленной им работы, но, наоборот, подчеркивал, что ему «приходилось работать торопливо», что изыскания имели «вид рекогносцировки, которая, быть может, пригодится для будущих исследователей»¹⁰⁷.

Добавим к этому, что историограф не вправе игнорировать и той обстановки, тех условий, в которых протекали работы Веселовского 1884—1885 гг. в Средней Азии и в первую очередь на Афрасиабе.

До него никто из ученых на Афрасиабе не работал, никто из ученых раскопок древних поселений на территории Средней Азии не производил. Сколько-нибудь полных и точных представлений о характере и специфике этих поселений, их датировке не было, вопрос о возможности отнесения некоторых из них к домуслеманскому времени даже не поднимался, критически комментированные своды древних и средневековых письменных источников по древним городам Средней Азии отсутствовали и в поле зрения востоковедов находились лишь отдельные рукописи с отрывочными сведениями на сей счет.

Сам Веселовский в то время еще не имел опыта работы на раскопках, к археологическим исследованиям крупного среднеазиатского поселения он приступил впервые и вел их один, без квалифицированных помощников, если не считать топографов, в археологии, конечно, не сведущих, при неопытных рабочих и т. д.

И тем не менее достаточно перечислить важнейшие из наблюдений и выводов Веселовского по Афрасиабу, чтобы убедиться, что работы на Афрасиабе знаменовали собою по тем временам весьма важный, принципиально новый этап в развитии знаний об историческом прошлом Самарканда и всей Средней Азии¹⁰⁸.

Конечно, более чем через девяносто лет после работ Веселовского на Афрасиабе можно еще и еще раз и совершенно обоснованно упрекнуть его в порочном методе раскопок («траншейный» способ с расширением траншеи в стороны при интересных находках), вновь и вновь констатировать отсутствие подробных дневников работ и т. п.

С историографической точки зрения более целесообразно, как нам кажется, исходить здесь не из того, что не было сделано

¹⁰⁵ Лерх П. Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 г. СПб., 1870.

¹⁰⁶ Сообщение Н. И. Веселовского о раскопках на Афрасиабе близ Самарканда. Протокол общего собрания 11 февраля 1886 г.—ЗРАО. Новая серия, т. II, 1887, с. XCII—CIV.

¹⁰⁷ Там же, с. XCIII.

¹⁰⁸ Отметим, пользуясь случаем, что в архиве В. В. Бартольда (Архив АН СССР, ф. 68, л. 64) содержится его автограф: «Раскопки проф. Н. И. Веселовского в 1885 г. по делу Археологической комиссии» (2 л.).

исследователем 80-х годов прошлого столетия, а из того, что было сделано им и притом с явной пользой для науки.

А сделано было поистине не мало.

По словам Веселовского, Афрасиаб «в древности представлял большой окруженный садами город со всеми необходимыми для того требованиями» и значительным населением. Веселовский установил наличие на Афрасиабе жилых помещений с глиняными (в отдельных случаях — кирпичными) стенами и полами, выложенными из жженого кирпича, колодцев, а также общественных хранилищ воды (хаузов), водоотводных сооружений, крепостных стен (помимо наружной, еще и внутренней), хотя и «не сделал из этого факта важного исторического вывода, согласно которому стены эти являются вехами роста города»¹⁰⁹. В соответствии с данными Истахри и характером находок Веселовский высказал предположение, что «улицы и площади Самарканда были выложены камнем».

Живейший интерес возбудили у Веселовского керамические изделия с куфическими надписями, изготовленные рукой искусных мастеров.

Обратил внимание Н. И. Веселовский и на частые в Средней Азии находки обломков сферокопических сосудов для хранения ртуты¹¹⁰.

В общих чертах Веселовский классифицировал находки на Афрасиабе как свидетельство бытования здесь, помимо классически мусульманской, еще и древнереческой и других древних культур.

Веселовский же высказал предположение, что «быть может, тут (на Афрасиабе. — Б. Л.) и надо искать Мараканду, известную нам из походов Александра Македонского» (положение, которое кстати сказать, не снято с повестки дня и в наши дни).

Справедливо отметил Веселовский и интенсивную жизнь на городище в период саманидов: «Большое обилие на Афрасиабе саманидских монет показывает, что во время этой династии (с половины IX в. по начало XI), жизнь на Афрасиабе была в полном разгаре. Из преемственных же династий попадают еще монеты илеков и хорезмшахов».

Веселовский отверг поверья и рассказы местных старожилов о том, что жизнь на Афрасиабе прекратилась в результате землетрясения или наводнения и «допустил другую причину, более вероятную: неприятельский разгром», а именно — нашествие монголов. В связи с этим Веселовский высказал здесь ряд метких соображений исторического характера, основанных на письменных источниках. Он допускал, что Самарканд мог быть разрушен в результате двукратных походов «хорезмшаха Олаэд-дина..., но не настолько, чтобы обратить город в развалины, потому что при

¹⁰⁹ Якубовский А. Ю. Из истории археологического изучения Самарканда. — Труды отдела Востока Государственного Эрмитажа, II, Л., 1940, с. 292.

¹¹⁰ ЗВОРАО, т. XII, с. XXXII.

движении на запад Чингиз-хана Самарканд представился самой сильной твердыней для обороны владений хорезмшахов. И действительно, Чингиз-хан долго не мог взять цитадели, а потому отдал ее вместе с городом на разграбление своим воинам, а жители, кроме ремесленников, мастеров и способных нести военную службу, были избиты. Такой погром должен был произвести полное запустение Самарканда, тогда, я думаю, Афрасиаб и был оставлен жителями. Подтверждение этой догадке можно найти и у арабских географов. Ни Истахри, ни Ибн-Хаукаль, оба посетившие Самарканд в X в. и очень подробно описавшие его, никакого Афрасиаба не знают и ни слова не говорят о каких-либо развалинах у Самарканда, а умолчать о том они не могли бы, да и город-то, ими описываемый, как раз подходит к Афрасиабову городищу, если присоединить к нему еще соседние развалины. А Ибн-Батута, посетивший Западный Туркестан в первой половине XIV столетия, упоминает уже о развалинах у Самарканда»¹¹¹.

Воздерживаясь от датировки времени возникновения города на территории Афрасиаба, Н. И. Веселовский правильно констатировал, что «если когда-нибудь и явится у нас возможность хотя бы приблизительно, определить время основания Самарканда, то только путем археологических исследований»¹¹². Много позже В. А. Шишкин отметит: «Этот вопрос оказалось возможным разрешить только работами 40-х годов XX в.»¹¹³.

В процессе раскопок на Афрасиабе Веселовский обнаружил также значительное количество «глиняных черепков с головками людей и животных» и по аналогии с головами медуз на саркофагах из южнорусских курганов сделал правильный вывод, что перед ним глиняные «гробы» домусульманского времени¹¹⁴. 11 февраля 1885 г. на заседании РАО Веселовский демонстрировал такой «гроб», в значительной мере восстановленный из отдельных фрагментов¹¹⁵. В 1907 г. он издал изображение лицевой стороны этого «гроба» с фигурами людей и животных¹¹⁶.

В дальнейшем, в связи с новыми находками этой примечательной категории памятников древности в Самарканде (1899 г.), Н. И. Веселовский первый предложил именовать их не урнами и гробами, а астодонами, оссуариями. Термин «оссуарии» прочно вошел в науку.

Веселовский, отстаивая свой приоритет в вопросе об оссуариях, говорил, что до его «поездки в Самарканд в 1885 г. никто не знал о существовании оссуариев» и что он «первый обратил внимание на загадочные глиняные черепки... и тогда же совершен-

¹¹¹ ЗРАО, т. II, Новая серия, 1887, с. XCVII.

¹¹² Там же.

¹¹³ Шишкин В. А. К истории археологического изучения Самарканда и его окрестностей.— В кн.: Афрасиаб, вып. I. Ташкент, 1969, с. 26.

¹¹⁴ ОАК за 1882—1888 гг. Спб., 1891, с. XXIX.

¹¹⁵ ЗРАО, т. II, новая серия, 1887, с. CII—CIII.

¹¹⁶ ЗВОРАО, т. XVII, 1907, с. 178.

но самостоятельно пришел к заключению, что эти черепки получались от разбитых гробов», отражавших культ «местных огнепоклонников»¹¹⁷.

Точность этого утверждения вызвала сомнения, поскольку случайная находка одного из глиняных гробов восходила к 1870 г.¹¹⁸, хотя, как считалось, не была отмечена в печати вплоть до 1906 г.¹¹⁹

Независимо от вопроса о приоритете, важно отметить, что Веселовский интересовался оссуариями до конца жизни, и мы обязаны ему многими важными по ним наблюдениями. Главным образом именно его сообщения в ВОРАО о туркестанских оссуариях послужили непосредственным поводом к дискуссии, в которой участвовали В. В. Бартольд, К. А. Иностранцев, П. К. Коковцов и другие видные востоковеды. Особенно интересовали Н. И. Веселовского глиняные налесты на оссуариях. Им он посвятил в конце жизни специальную статью¹²⁰.

Отмечая, что, «исследованные преимущественно русскими учеными, они (оссуарии) все еще представляют много загадочного» и «это прежде всего касается тех изображений, которые украшают лицевую сторону оссуариев», Веселовский выделял группу изображений, имеющую «греческую основу». В то же время, к чести Веселовского-ученого, он отнюдь не склонен был ограничиться истолкованием таких изображений в рамках античного искусства и культуры и их прямого влияния на искусство и культуру Средней Азии. Он отчетливо понимал, что перед ним предметы древности, «не имеющие полного подобия ни в греческом, ни в персидском искусстве». По его мнению, в оссуарных изображениях

¹¹⁷ Веселовский Н. И. О находке глиняных гробов в Самарканде.— ВОРАО, т. XIII, 1901, с. III и др.

¹¹⁸ Ср. Бартольд В. В. К вопросу об оссуариях Туркестанского края.— ИРКИСВА, № 8, март 1908 г., с. 47—49. Подробную справку об истории открытия и изучения туркестанских оссуариев см.: Лунин Б. В. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане, Туркестанский кружок любителей археологии (1895—1917). Ташкент, 1958, с. 174—192, 302—307.

¹¹⁹ Сейчас нами установлено, что мнение об этом не соответствует действительности. Сведения о находке 1870 г. («саркофаги из обожженной глины... с сильно разрушившимися человеческими костями») были опубликованы в виде сообщения Н. Ф. Петровского в Протоколах Туркестанского отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии за 1871 г. (Ташкент, 1872, с. 10—12). Подробнее: Лунин Б. В. Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность. Конец XIX—начало XX в. Ташкент, 1962, с. 91, 292. Для истории вопроса не лишне заметить, что поначалу сам Н. И. Веселовский отнюдь не был уверен, что оссуарии — это гробы. Так, в его письме Остроумову в феврале 1886 г. читаем: «Слышал я от Граменицкого, что у Джурабека на его земле найдены глиняные гробы. Мне никак не удалось побывать у него и расспросить об этих гробах... Дело в том, что и я нашел гробы, как мне думается, но нет никаких данных решительно утверждать, что таково было назначение открытых мною на Афрасиабе глиняных ящиков (к сожалению, разбитых)». ЦГА УзССР, ф. 1009, оп. 1, д. 39, л. 15 об.

¹²⁰ Веселовский Н. И. Греческие изображения на туркестанских оссуариях.— Известия Археологической комиссии, вып. 63, 1917, с. 59—63.

этой группы надо было видеть «греческую основу в позднейшей переработке сасанидской эпохи... В данном случае, — писал Н. И. Веселовский, — произошло явление, подобное тому, какое было в Гандхаре (Афганистан с северо-западной Индией), где, по выражению Фуше, классическая форма соединилась с буддийским содержанием»¹²¹.

В изображении фигуры молодого мужчины на оссуарном обломке, приобретенном Археологической комиссией у Литинского в 1894 г., Веселовский видел «соединение особенностей греческого искусства (плащ, особого вида короткие рукава, лира и плектр)¹²² с персидским (сасанидские ленты, украшения, не свойственные грекам, как на самой фигуре, так и на лире). Принимая во внимание все эти подробности, я прихожу к заключению, — говорил Веселовский, — что изображенный на обломке молодой человек есть ни кто иной, как греческий бог Апполон в персидском освещении»¹²³.

При современном уровне знаний объяснения эти выглядят несколько упрощенными и неточными, ибо дело обстояло более сложно, чем это казалось Веселовскому.

Как и терракоты Афрасиаба и других мест Туркестана, налепы на оссуариях отражали в своей основе особенности вековых традиций местной художественной школы. Традиции эти складывались еще в доантичное время, испытывая на себе влияние Передней Азии и других районов мира, а позднее и синтетического искусства эллинистического Востока. Сами терракоты и налепы относились не к какому-либо одному времени, а представляли разновременные изделия с стилевыми и семантическими особенностями, присущими искусству определенного периода¹²⁴.

При всем том Веселовский, несомненно, стоял на правильном пути к научному истолкованию этого вида туркестанских древностей, говоря об их синтезированном характере и ища объяснений ему в греко-восточном искусстве. Не исключается и связь определенной группы изображений на терракотовых изделиях с трансформировавшимся в местной этнической среде образом Аполлона.

Столь же обоснованно наблюдение Веселовского о влиянии буддийского искусства. Здесь уместно отметить, что именно новейшие открытия советских археологов и искусствоведов подтверждают не только проникновение, но и устойчивое и длительное влияние буддизма на территории Туркестана, особенно в эпоху

¹²¹ Там же, с. 59.

¹²² Палочка, которой ударяли по струнам (*примечание Н. И. Веселовского*).

¹²³ Веселовский Н. И. Указ. соч., с. 63—64.

¹²⁴ Ср.: Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. Выдающиеся памятники изобразительного искусства Узбекистана. Ташкент, 1960, с. 39—64. В настоящее время туркестанские терракоты и налепы подразделяются, в основном, на наиболее древние (до II в. до н. э.), кушанского времени (II в. до н. э.—IV в. н. э.) и эфталитско-тюркской эпохи (V—VIII вв.).

кушан¹²⁵. Следует подчеркнуть, что Н. И. Веселовский, видимо, первым из отечественных востоковедов, основываясь на афрасиабских и других наблюдениях, обратил внимание на факт распространения буддизма в Средней Азии.

Известно также, что Н. И. Веселовский готовил публикацию согрус'а терракотовых поделок из Афрасиаба. Им были составлены таблицы фотографий афрасиабских терракот. Были изготовлены даже типографские клише этих таблиц, но при жизни Веселовского задуманная им работа на эту тему не была издана, а текст к таблицам считался или утраченным или оставшимся ненаписанным. Много позднее, используя сохранившиеся клише, Камилла Васильевна Тревер выпустила в свет свою известную работу по терракотам Афрасиаба¹²⁶. Сейчас мы имеем возможность уточнить действительное положение дел, оставшееся неизвестным ныне покойной К. В. Тревер и другим исследователям.

Во вновь обнаруженной части архива Н. И. Веселовского хранится дело: «Черновые записи о художественных терракотовых изделиях (статуэтках и масках) из Афрасиабова городища»¹²⁷.

Судя по первым семи страницам, речь идет о работе, подготовленной Веселовским к печати, — «Художественные терракотовые изделия из Афрасиабова городища». Писаны они старческим почерком, отличным от последующих страниц несомненно более раннего времени, представляющих собою черновики рукописного текста, готовившегося Веселовским к печати. Судя по всему, Веселовский не раз возвращался к этой рукописи, просматривал и дополнял ее, о чем свидетельствуют пометки и добавления на полях, карандашные приписки к чернильному тексту и пр.

На листе 7 читаем: «Археслогическая комиссия своевременно озаботилась изданием привезенных мною статуэток и других терракотовых художественных фрагментов из Афрасиабова городища, изготовлением фототипических таблиц рисунков и поручила мне составить описание к ним. Некоторые обстоятельства помешали тогда мне заняться данной работой, а затем другие научные интересы отвлекли мое внимание от этой темы, и таблицы залежались без движения. Решившись ныне выпустить их в свет, считаю нужным заметить, что теперь я распределил бы публикуемый материал несколько иначе и вовсе исключил оссуарии как описанные уже с достаточным освещением»¹²⁸.

На этих словах поздний (писанный старческим почерком) текст работы, явно окончательно готовившейся Веселовским к печати,

¹²⁵ Веселовский же усматривал наличие элементов буддийской иконографии и в памятниках средневековья. Веселовский Н. И. Об изображении тронов на металлических мусульманских средневековых сосудах.—ЗВОРАО, т. XXI, 1913, с. V.

¹²⁶ Terracottas from Afrasiab by Camilla Trever. M.—L., 1934 (State Academy for History of Material Culture).

¹²⁷ ЦГА.ИИ, ф. 118, оп. I, л. 212, 51 л.

¹²⁸ Там же, л. 7.

обрывается (на половине страницы). Далее идут, как сказано, листы с различными материалами для работы, с описанием терракот. Среди этих листов мы встречаем также черновики другой работы Н. И. Веселовского — «Глиняные головки»¹²⁹. Сохранились писанные рукою Веселовского тексты к предполагавшимся к изданию таблицам (24 таблицы, 207 рисунков). Чернильный вариант текста дает краткие пояснения к рисункам, карандашный содержит более подробное описание статуэток (210 рисунков). Отдельно дан текст к таблицам XV—XIX (изображения на оссуариях).

Как видим, Веселовский отнюдь не ограничился составлением коллекции терракот из Афрасиаба, а готовил ее научное издание, не теряя интереса к этому виду памятников древности Средней Азии до конца своих дней.

В свете нахождения этих материалов нуждается теперь в уточнении указание В. В. Бартольда на то, что хотя результатам своих раскопок в Средней Азии, в частности на Афрасиабе, Н. И. Веселовский «посвятил впоследствии ряд статей и докладов, но не сделал их предметом исчерпывающего исследования; не был опубликован также атлас находок, сделанных на Афрасиабе и впервые установивших факт существования в домусульманском Туркестане искусства, находившегося под влиянием греческого»¹³⁰. Оказалось, что такой атлас (имея в виду терракоты) был подготовлен Веселовским к печати.

Таким образом, мы вправе констатировать, говоря словами одного из современных исследователей вопроса, что «начало изучения согдийских терракот... связано с именем Н. И. Веселовского. Он один из первых обратил внимание научного мира на историческую ценность художественных терракотовых изделий, происходящих из древнего Самарканда (Афрасиаб), в частности на эллинистическую природу некоторых терракотовых изделий, которые он выделил в особую группу из остальной массы терракот»¹³¹. И хотя Веселовский и другие исследователи его времени под влиянием концепции грекоцентризма «прежде всего стремились выявить влияние греческой культуры и тем самым недооценивали самостоятельности творческих способностей народов Средней Азии», их «выводы оказались не целиком ошибочными»¹³².

Кстати, именно «античные» находки Веселовского в Туркестане, говоря словами Б. В. Фармаковского, «поставили Н. И. лицом к лицу с античным миром, влияние которого доходило до Средней Азии, а археологические изыскания на юге и юго-востоке

¹²⁹ Там же, л. 16—17.

¹³⁰ Бартольд В. В. Н. И. Веселовский как исследователь Востока..., с. 659.

¹³¹ Мешкерис В. А. Терракоты Самаркандского музея. Л., 1962, с. 9—10.

¹³² Там же, с. 10.

России заставили Н. И. уделить еще более внимания греко-римскому миру»¹³³.

Таковы были, в общем счете, весьма существенные итоги археологических изысканий Н. И. Веселовского в 1884—1885 гг. в Средней Азии и особенно в Самарканде (Афрасиаб)¹³⁴.

По словам В. В. Бартольда, раскопками, веденными Веселовским в 1885 г., «археологическое изучение Туркестана впервые было поставлено на правильную почву; впервые были собраны точные и достоверные сведения о находимых в крае археологических предметах и определено время, к которому они относятся: некоторыми находками, особенно статуэтками, указывающими на влияние греческого искусства, и предметами стеклянного производства были внесены новые факты в историю мирового культурного общения»¹³⁵.

Что касается самого Веселовского, то, как отмечалось выше, он никогда не переоценивал значения своих раскопок на Афрасиабе. Поучительно, что, говоря в 1904 г. о необходимости «обследовать места древних поселений в крае (Средней Азии.— *Б. Л.*), дать точное описание всех остатков прошлого, сохранившихся на поверхности земли, и сопоставить добытые таким образом данные с данными письменных источников», он указывал, в частности, что «до настоящего времени предметом подобного исследования был только один из среднеазиатских городов, Мерв, где профессору В. А. Жуковскому... удалось установить происхождение и время возникновения каждого из городищ, сохранившихся на месте бывшего здесь в средние века обширного города»¹³⁶.

Заметим, что раскопки на Афрасиабе В. В. Бартольд в 1904 г. в известной мере продолжали раскопки Веселовского 1884—1885 гг.; по словам Бартольда, они «имели целью выяснить местоположение соборной мечети и по возможности найти фундамент

¹³³ ЗВОРАО, т. XXV, 1921, с. 360.

¹³⁴ Хотя, как сказано, публикации Веселовского о работах в Средней Азии во многом исчерпывают содержание его путевых и дневниковых записей, черновики отчетов и других материалов, хранящихся сейчас в ЦГАЛИ (Москва), однако некоторые весьма ценные данные, остающиеся неизвестными ученым, в этих материалах налицо и должны привлечь внимание заинтересованных исследователей. Таковы, например, «Записная книжка с заметками об археологической поездке в Ташкент. 1884» (ф. 118, оп. 1, д. 176), «Черновые записи о раскопках Афрасиабаго городища» (д. 211), «Описание развалин древних городов по дороге из Казалы в Ташкент» (д. 243), «Черновые записи об археологическом исследовании Самарканда» (д. 246), «Черновые записи о курмах» (д. 507), «Тетради с черновыми записями о дворце в Шахрисабзе» (д. 562) и т. д. Внимание исследователей истории Средней Азии более позднего времени заслуживают: «Черновые записи по истории Аральской флотилии» (д. 348), папки с материалами по истории Кокандского ханства (д. 333, 334) и др. Имеется папка с фотографиями и рисунками «орнаментов и надписей и находок древностей» (д. 1186).

¹³⁵ Бартольд В. В. Николай Иванович Веселовский. Некролог. — Известия Российской Академии наук, сер. VI, т. XII, 1918, с. 812 (Сочинения, т. IX. М., 1977, с. 644—645).

¹³⁶ ИРКИСВА, вып. 3, июнь 1904 г., с. 3.

этого здания. На основании письменных известий и результата раскопок Н. И. Веселовского [Бартольд] пришел к выводу, что соборная мечеть находилась непосредственно к западу от цитадели»¹³⁷.

Кстати сказать, впоследствии в связи с раскопками на месте развалин Пайкенда близ Бухары именно Н. И. Веселовский и В. В. Бартольд рекомендовали вести их не на территории цитадели, а в черте шахристана: «Там легче найти остатки жилищ и больших общественных зданий». Это свидетельствует уже об осознании Веселовским социально-общественного значения различных районов городских поселений древности.

В литературе вопроса подчеркивается, что раскопок на самом Афрасиабе Веселовский больше не производил, что не соответствует действительности, ибо небольшие работы здесь велись им и в 1895 г. Они дали, как и прежде, «значительное количество как глиняной и стеклянной посуды..., так и разных головок от терракотовых статуэток»¹³⁸. Впрочем, результаты эти не представляли ничего нового в сравнении с раскопками 1884—1885 гг. и не без оснований прошли незамеченными.

Признаем поэтому, что к раскопкам более или менее широкого плана на Афрасиабе Веселовский после 1884—1885 гг. действительно не прибегал, хотя интерес его к этому памятнику, как видим, не был утрачен и десять лет спустя.

Важнее другое. По мнению А. Ю. Якубовского, причина того, что Веселовский не продлил своих работ 1884—1885 гг. на Афрасиабе заключалась в том, что «Веселовский... не мог не понимать, что продолжать раскопки в том же бесплановом порядке, в каком он их производил, нельзя было, тем более, что отсутствие на Афрасиабе предметов из золота и серебра лишало его импульса в работе»¹³⁹. Первая из этих причин кажется нам в основном определенной правильно с тем, однако, добавлением, что дело едва ли ограничивалось только вопросом о бесплановости раскопок. Веселовский не мог не осознавать, что в Афрасиабе перед ним предстал исключительно сложный и многослойный памятник древности, к тому же весьма относительной сохранности, требовавший,

¹³⁷ ЗВОРАО, т. XVI, 1906, с. XXXV.

¹³⁸ ОАК за 1895 год. 1897, с. 49.

¹³⁹ Справедливости ради заметим, что и в качестве археолога Веселовский проявлял живейшее внимание отнюдь не только к «изделиям из золота и серебра». Его интересовали, например, долменообразные сооружения в верховьях реки Кифара на Северном Кавказе, алебастровые и глиняные статуэтки «доминикенской культуры» в курганах южной России и на Кавказе (ИАК, вып. 35, 1910), каменные орудия в курганах Северного Кавказа первых веков нашей эры (см. одноименную статью его в Трудах XI археологического съезда), те же среднеазиатские оссуарии и терракоты и многие другие археологические объекты. Видное место в литературе занимают также историко-археологические штудии Н. И. Веселовского касательно «каменных баб», или «балбалов», историко-этнографический экскурс по поводу роли стрелы в обрядах и ее символического значения (ЗВОРАО, т. XXV), в котором Веселовский привлекал материалы из языка и эпоса кочевников Средней и Северо-Восточной Азии, и т. д.

во всяком случае, пристального и многолетнего внимания, планомерных и систематических, неторопливых раскопочных работ. И если Веселовский признал свое бессилие в этом отношении, это делает ему честь как ученому.

Что же касается вопроса о золоте и серебре как основном импульсе работ Веселовского на Афрасиабе, то такая постановка вопроса все же кажется нам упрощенной и излишне прямолинейной. Видимо, такой вдумчивый и глубоко эрудированный историкограф, каким являлся покойный А. Ю. Якубовский, оказался здесь в известной степени под влиянием ходивших в 30-х годах суждений о Веселовском как археологе-кладоискателе.

И здесь нельзя не оспорить некоторых высказываний А. Ю. Якубовского, ибо обсуждение этой стороны дела важно и в более широком плане: для правильного понимания общих процессов развития дореволюционной отечественной археологии и исторически верной критической их оценки, а не только в плане оценки деятельности одного Веселовского, каким бы ярким представителем дореволюционной археологии он ни являлся.

Не забудем, что, по указанию самого А. Ю. Якубовского, именно с Афрасиаба началась раскопочная деятельность Веселовского, и его раскопки с находками высокохудожественных вещей из золота и серебра были еще впереди. Поучительно также, что и много лет спустя Веселовский не переставал проявлять интерес к древностям Афрасиаба, готовил, как сказано, к изданию терракотовые (т. е. «глиняные», а не золотые или серебряные!) изделия, занимался вопросом о назначении и семантике глиняных гробов-оссуариев и т. п. Интересовался он и топографией городища, заботился о снятии планов его и пр. В этих условиях едва ли можно свести дело к тому, что отсутствие на Афрасиабе «художественных изделий из драгоценных металлов» привело к утрате Веселовским «большого интереса к Афрасиабу как богатейшему источнику для изучения феодального ремесленно-торгового города, каким был Самарканд»¹⁴⁰. Сказанное подтверждается и тем, что Веселовский интересовался не только Афрасиабом, но и другими памятниками древности Туркестанского края, отнюдь не в плане поисков в них изделий из драгоценных металлов.

Современных критиков раскопок Веселовского на Афрасиабе шокировало его заявление о том, что он убедился в отсутствии здесь «ценных» вещей.

И эта сторона дела должна быть уточнена.

Веселовский писал следующее: «Если жители ушли из Афрасиаба сами, то они, конечно, унесли с собою все, что им было необходимо в домашнем быту (курсив наш. — Б. Л.). Если их разорил неприятель, то надо отдать ему справедливость: он начисто обобрал побежденных. К такому предположению привело меня отсутствие вещей ценных в материальном отношении. Тем

¹⁴⁰ Якубовский А. Ю. Указ. соч., с. 298—299.

не менее вещей на Афрасиабе много: глиняная посуда (большей частью битая), медные монеты, которыми Афрасиаб, можно сказать, усеян; из древнейших попадают греко-бактрийские, сасанидские и китайские. Серебряные попадают редко, а золотые наперечет»¹⁴¹.

Согласимся, что если Веселовский в известной степени и был разочарован отсутствием эффектных находок на Афрасиабе, все же из его высказываний нельзя сделать вывод, что он был столь наивен, чтобы предполагать наличие в развалинах города обильных находок в виде золотых и серебряных изделий.

Да, Веселовский не увидел в Афрасиабе «Туркестанской Помпеи», как то ожидалось в свете первых сообщений об Афрасиабе в печати. Но отнюдь не «кладоискательски» звучало его заключение, что, «тем не менее, те предметы, которые удалось извлечь оттуда, имеют для нас большое значение, они открывают нам завесу на давно происшедшие и мало известные времена Средней Азии, обладавшей в глубокой древности *высокой культурой* (курсив наш. — Б. Л.). И в этом отношении для нас имеют особенную ценность предметы домусульманского периода... Искусство в Средней Азии в древности стояло на значительной ступени развития»¹⁴².

Выводы — весьма существенные для дореволюционного востоковеда — историка и археолога.

Конечно, можно только удивляться сейчас, как, имея дело с письменными известиями древних авторов о Мараканде, зная аналогичные известия о походе Александра Македонского в Среднюю Азию, встречая в собственных раскопках терракотовые изделия и оссуарии «античного типа», Веселовский все же не пытался глубже присмотреться к соответствующим находкам и уточнить, к какому же все-таки времени восходит возникновение *древнейших* городских поселений в Средней Азии.

Но факт остается фактом. По сути дела вплоть до революции познания отечественных исследователей по истории городов Средней Азии оставались весьма ограниченными. Древнейшие страницы истории этих городов, в частности Афрасиаба, и после работ Н. И. Веселовского, В. В. Бартольда, В. Л. Вяткина и других оставались по сути дела неизвестными, в лучшем случае лишь глухо угадывались и плохо, неточно датировались. Вспомним, в частности, слова Бартольда, относящиеся уже к пореволюционному периоду: «Самые ранние из существующих городов и поселений относятся только к тому Туркестану, который застали в VII в. н. э. арабские завоеватели»¹⁴³. По свидетельству В. А. Шишкина, даже

¹⁴¹ ЗРАО, т. II, новая серия, 1887, с. XCVII—XCVIII.

¹⁴² Там же, с. CIII—CIV.

¹⁴³ Бартольд В. В. Ближайшие задачи изучения Туркестана. — «Наука и просвещение», Ташкент, 1922, № 2, с. 9 (Сочинения, т. IX. М., 1977, с. 548). Эти слова Бартольда не следует, однако, воспринимать, как то часто имеет место в литературе, буквально, ибо им предшествует указание на то, что в Туркестанском крае «были города во всяком случае в IV в. до н. э. и, вероятно, даже гораздо раньше» (там же, с. 548).

в 30-е годы нынешнего века В. Л. Вяткин и другие «періодом возникновения поселения на Афрасиабе считали IV и V вв. н. э., так как предметы большей древности, встречающиеся на Афрасиабе, в то время не могли быть датированы»¹⁴⁴.

Справедливое замечание, не устраняющее, однако, необходимости оспорить в историкографическом плане не только некоторые положения А. Ю. Якубовского, но и положения, содержащиеся в посмертно изданной обстоятельной работе — доброй памяти В. А. Шишкина — по истории археологического изучения Самарканда¹⁴⁵.

Хотя ее автор, говоря об упомянутой выше статье А. Ю. Якубовского, замечает, что «сейчас [она] значительно устарела» и «некоторые выводы и оценки А. Ю. Якубовского встречают возражения и требуют пересмотра», но, к сожалению, этот пересмотр существенно не коснулся оценки В. А. Шишкиным археологических изысканий Н. И. Веселовского в Средней Азии, в частности в Самарканде. Более того — кое в чем В. А. Шишкин даже более суров к Веселовскому, нежели А. Ю. Якубовский.

Приходится констатировать, что и на суждения В. А. Шишкина лег отпечаток предубежденного отношения к деятельности Веселовского-археолога, оценок, даваемых без учета фактора времени и во многом с позиций требований к археологическим исследованиям, предъявлявшихся уже в более позднее время. В. А. Шишкин абсолютно верно отмечает, что Веселовский, прибывший в Туркестан в конце декабря 1884 г., «не имел еще тогда опыта археологических работ» и столь же верно констатирует, что и вообще «более или менее значительных археологических работ [в Туркестане] никто не производил». Подчеркивает В. А. Шишкин и многообразие задач, поставленных перед Веселовским (о них мы говорили выше)¹⁴⁶.

Выполняя эти задачи, Веселовский на протяжении своего пребывания в Средней Азии посетил, как мы о том уже рассказывали, ряд населенных пунктов и местностей края, осмотрел многие памятники древности, кое-где вел пробные раскопки, пытаясь составить хотя бы общее представление о времени и характере археологических памятников края.

По мнению В. А. Шишкина («один только этот длинный перечень «раскопанных» Веселовским объектов настораживает и заставляет отнестись с большим недоверием к его «методам» рабо-

¹⁴⁴ Шишкин В. А. Василий Лаврентьевич Вяткин (к тридцатилетию со дня смерти). — В кн.: История материальной культуры Узбекистана, вып. 4. Ташкент, 1963, с. 149.

¹⁴⁵ Шишкин В. А. К истории археологического изучения Самарканда и его окрестностей. — В кн.: Афрасиаб, вып. 1, Ташкент, 1969, с. 3—121.

¹⁴⁶ Записки Императорского Русского Археологического общества, т. II, 1887. Протокол общего собрания 11 февраля 1887 г., с. XCI—CV: Заметка к инструкции командируемому в Туркестанский край для археологических исследований доценту Императорского Санкт-Петербургского университета Н. И. Веселовскому (Архив ЛОИА, фонд ИАК, 1883, г. 20).

ты, вернее — предположить совершенное отсутствие всякого метода»¹⁴⁷.

Возможно. Но столь же справедливо будет спросить: какому строгому, заранее разработанному методу первоначального ознакомления с памятниками древности края (тем более в той части его территории, к которой, кроме Самарканда, еще не прикасалась рука археолога) мог следовать Веселовский. Почти при полной неизведанности обследуемых местностей в историко-археологическом отношении, при отсутствии даже какого-либо подобия археологической карты, мог ли Веселовский заранее определить точные и последовательные маршруты своих поездок с учетом их методики. Что подразумевать под этой методикой? Планы обследования, скажем городищ (тепе), затем курганных насыпей, затем наземных сооружений в архитектурном аспекте и т. д. и т. п.

Но ведь в условиях того времени Веселовский сам выступал в роли человека, шедшего ощупью, собирающего с помощью местного населения, старожилов, немногочисленных тогда краеведов, самые начальные сведения о том «где что есть» и стремившегося своими глазами увидеть это «есть», подвергнуть хотя бы краткому и предварительному описанию, зафиксировать места нахождения.

Его работы неизбежно носили в этой части характер начальных археологических разведок, рекогносцировок и под этим углом зрения были тогда несомненно полезны.

А далее В. А. Шишкин отдал дань представлениям о Веселовском, как о «кладоискателе»: «Веселовского интересовали только *богатые* (курсив наш. — Б. Л.) и интересные (!? — Б. Л.) вещи»¹⁴⁸. И здесь полностью игнорируется тот простой факт, что если даже исходить из этих черт Веселовского-археолога, то все же не лишне еще раз напомнить, что речь идет о 1884—1885 гг., о самом начале его археологической практики.

Откуда же следует, что, приступая на заре среднеазиатской археологии к рекогносцировочным раскопкам некоторых (немногочисленных) памятников древности, Веселовский ставил якобы целью только поиски «богатых» вещей?

В. А. Шишкин усматривает доказательства в том, что Веселовский, ведя раскопки в Той-тепе («Той-Тюбе» в старой транскрипции), где им предполагалось наличие дворца местного владельца, прекратил работу, «так как трехдневные раскопки не привели к благоприятному результату» и была найдена только битая глиняная и стеклянная посуда, светильники, сфероконические сосуды и медные хорезмшахские монеты, что «явно его не удовлетворило»¹⁴⁹.

Но следует ли отсюда прямолинейный и односторонний вывод, что Веселовский в Той-тепе ждал немедленных находок «богатых

¹⁴⁷ Шишкин В. А. Указ. соч., с. 25.

¹⁴⁸ Там же.

¹⁴⁹ Там же, с. 25—26.

и интересных вещей?» Не проще ли допустить, что дело было совсем не в «богатстве» вещей, а в том, что Веселовский питал надежду на нахождение таких предметов древности (вне зависимости от их «богатства»), которые позволили бы ему получить представление о времени (датировке) и характере обследуемого памятника. Естественно, что «битая глиняная и стеклянная посуда» и даже такие находки, как светильники и другие предметы древности (монеты — исключение) давали, при уровне тогдашних познаний, мало данных к решению такой задачи и действительно «разочаровывали».

Мы вовсе не хотим, повторяем, без нужды оправдывать Веселовского, замалчивать задним числом теневые стороны его раскопочной деятельности. Но для суждения о них нужны ли преувеличения и приписывание Веселовскому качеств голого «вещенкателя» и в тех случаях, когда к тому нет достаточных оснований.

В. А. Шишкин очень тщательно пытался воссоздать картину раскопок Веселовского на Афрасиабе, кропотливо выяснив, что им было сделано 109 раскопов в разных местах городища, что придавало им беспорядочный характер и при отсутствии у Веселовского «квалифицированных и опытных помощников и коллекторов» вело «к поверхностному характеру описаний раскопок» и «полному отсутствию в отчетах наблюдений стратиграфического порядка», «попытки расчленения слоев» и пр. Подчеркивается «интерес [Веселовского] преимущественно к находкам и почти полное пренебрежение к условиям, в которых они обнаружены»¹⁵⁰.

Само по себе все это верно, но уже не в свете тех «обвинений» в адрес Веселовского, — начинающего археолога 1884 г., — о которых говорилось выше.

В. А. Шишкин ссылается на невыполнение Веселовским указания в инструкции Археологической комиссии на необходимость вести раскопки основательно, снимая последовательно (обязательно до материка) все наносные слои, забывая при этом слова В. В. Бартольда, что «не располагая в то время подробными сведениями ни об Афрасиабе, ни о других памятниках древности, комиссия только в самых общих чертах могла определить задачи исследователя. На Афрасиабе предполагалось (предлагалось? — Б. Л.) снять весь культурный слой до материковой земли, что, конечно, было невыполнимо (курсив наш. — Б. Л.)»; другие изыскания имели целью «вообще исследовать Туркестанский край в археологическом отношении». Вполне естественно, что проф. Веселовский как на Афрасиабе, так и в других местах ограничился пробными раскопками, показавшими, «какие научные сокровища заключает в себе культурный слой старых городов и селений»¹⁵¹.

¹⁵⁰ Там же, с. 26—27.

¹⁵¹ Бартольд В. В. Задачи русского востоковедения в Туркестане. Пг., 1914 (Сочинения, т. IX. М., 1977, с. 525—526).

Что касается вывода В. А. Шишкина касательно того, что Веселовский-раскопщик проявлял «интерес преимущественно к находкам и почти полное пренебрежение к условиям, в которых они обнаружены», и «это характерно для описания работ, произведенных на Афрасиабе»¹⁵², то с этим выводом можно и должно согласиться с оговоркой о том, что может излишне категорической редакции касательно степени «пренебрежения». Но констатируя этот факт, следует сказать, что упреком в адрес лично Веселовского он может служить, если бы уважаемые критики Веселовского могли доказать при этом, что в плане «пренебрежения» он был печальным исключением из общего правила своего времени и что в начале 80-х годов прошлого столетия большинству других отечественных раскопщиков не был свойственен «интерес преимущественно к находкам» и уделялось должное внимание «к условиям, в которых они обнаруживались».

В отношении упреков Веселовскому в беглом и торопливом характере его рекогносцировочных работ в Средней Азии, то в этом плане небезынтересно заметить также, что Веселовский, по рассказам Бартольда, упрекал его как раз в том, что тот во время своей поездки в 1893—1894 гг. по Средней Азии «ездил слишком скоро, что следовало в некоторых местах останавливаться и проводить раскопки»¹⁵³.

В вопросе же о том, в какой степени велись Веселовским необходимые записи при фиксации хода и результатов раскопок в Самарканде, надо иметь в виду, что, помимо данных на этот счет, известных В. А. Шишкину¹⁵⁴, следует учитывать теперь и материалы по-самаркандским раскопкам, хранящиеся в архиве Н. И. Веселовского¹⁵⁵.

Поучительно, что дальше и сам В. А. Шишкин весьма убедительно (не будем касаться частных) и объективно характеризует итоги работ Н. И. Веселовского в Самарканде, которыми он «сам, не был удовлетворен». Констатирует В. А. Шишкин наличие сделанных Веселовским интересных и в определенной части научно ценных и важных выводов и наблюдений, следовавших в итоге его разведочных работ в Самарканде и других пунктах Средней Азии. Не менее примечательно, что В. А. Шишкин также указывает на то, что «оценка деятельности Н. И. Веселовского весьма противоречива», отмечает «суровую характеристику», данную Веселовскому-археологу А. Ю. Якубовским, ссылаясь на различие мнений по сему поводу В. В. Бартольда и Б. В. Фармаковского, в наши дни А. В. Арциховского и других.

¹⁵² Шишкин В. А. Указ. соч., с. 26.

¹⁵³ ЦГА УзССР, ф. 1009, оп. 1, д. 27, Личный фонд Остроумова, папка 1, пакет 2, л. 8—9 (из письма Бартольда Остроумову от 7 мая 1894 г.).

¹⁵⁴ Донесение профессора Санкт-Петербургского университета Н. И. Веселовского об археологических исследованиях его в Туркестанском крае в 1885 г. (Архив ЛОИА, ф. ИАК, д. 20), ОАК за 1882—1888 гг. СПб., 1891, с. XII—XXIX.

¹⁵⁵ См. Приложение 1.

Но утверждение В. А. Шишкина, что «невысоко ценит В. В. Бартольд и Н. И. Веселовского-историка, так как он не владел в достаточной мере источниками», не кажется нам удачным. Слова «невысоко ценит» не вяжутся с общим духом статьи Бартольда «Н. И. Веселовский как исследователь Востока и историк русской науки». Присущая Бартольду суровая, но тактичная констатация теневых сторон исследовательской деятельности ученых, жизнь и труды которых столь компетентно освещались им, не дает повода к выводу, что Бартольд якобы «невысоко ценил» Веселовского как историка. Это излишне прямолинейный, упрощенный вывод. В. А. Шишкин невольно разделил здесь те субъективные впечатления некоторых ученых от статьи Бартольда, которые принесли в свое время немало огорчений ее автору¹⁵⁶.

При всем том надо согласиться с общим выводом В. А. Шишкина, что не следует преувеличивать как достоинства, так и недостатки деятельности Веселовского-археолога, ибо «истину надо искать где-то посередине»¹⁵⁷.

Всем сказанным выше мы отнюдь не хотим, конечно, отвести от Веселовского критику в его адрес как раскопщика.

Трудно возразить, например, по поводу замечания А. Ю. Якубовского, что «Археологическая комиссия и ее представитель проф. Н. И. Веселовский — конечно, научный этап в жизни археологического изучения Самарканда, однако замкнутый в кругу чистого вещеведения, чуждый серьезной исторической проблематики»¹⁵⁸, как нельзя возразить и против указания, что «методы исследования профессора Веселовского, работавшего в Самарканде в 1885 г. и позднее неоднократно посещавшего этот город, были еще весьма примитивны»¹⁵⁹.

¹⁵⁶ Вспомним, что в личном письме востоковеду В. Ф. Минорскому В. В. Бартольд высказывал сожаление, что его статья о своем учителе Веселовском с содержащейся в ней строгой оценкой отдельных его трудов была понята совершенно иначе, чем этого хотел сам Бартольд. (См.: Minorsky V. Foreword by the Translator. — В кн.: Barthold V. V. Four Studies on the History of Central Asia. Transl. from the Russian by V. and T. Minorsky, vol. 1., Leiden, 1956, p. VIII. Ср.: Умняков И. И. Аннотированная библиография трудов В. В. Бартольда., с. 208).

¹⁵⁷ Шишкин В. А. Указ. соч., с. 34. Устраним, пользуясь случаем, явное недоразумение. В. А. Шишкин (с. 31—32) отмечает неточность утверждения А. Ю. Якубовского, что раскопки, начатые Веселовским в 1885 г. на Афраснабе, больше не велись, хотя он пробовал вернуться к ним и в 1895 г. Дальше В. А. Шишкин пишет: «Б. В. Лунин, наоборот, утверждает, что с 1885 г. «начинается многолетняя раскопная деятельность Веселовского» (следует ссылка на нашу книгу «Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане», Ташкент, 1958, с. 29). «Но,— добавляет В. А. Шишкин,— в Средней Азии после 1895 г. Веселовский, по-видимому, раскопками не занимался». Это верно: не занимался, но мы имели в виду не Среднюю Азию, а всю многолетнюю археологическую деятельность Н. В. Веселовского, которая действительно началась с 1885 г.

¹⁵⁸ Якубовский А. Ю. Из истории археологического изучения Самарканда..., с. 299.

¹⁵⁹ Шишкин В. А. Василий Лаврентьевич Вяткин., с. 148. Соглашаясь с этим замечанием В. А. Шишкина, мы находим, что оно не противоречит наше-

А. Ю. Якубовский же заметил, что Веселовский фактически не был подготовлен к раскопкам на Афрасиабе, опыта археологических исследований тогда еще не имел, письменных известий о древнем и средневековом Самарканде предварительно не собирал и не изучал («хотя кое-что из них ему и было известно»), добротных дневников раскопок не вел и не оставил и т. п.

Но характерно, что тот же А. Ю. Якубовский пришел к заключению, которое объективно равнозначно весьма высокой оценке самаркандских изысканий Веселовского и которое заслуживает быть воспроизведенным здесь целиком. «И все-таки,— писал А. Ю. Якубовский,— раскопки Веселовского [на Афрасиабе], несмотря на... недостатки..., дали определенные результаты, которые могут считаться определенным вкладом в науку.

Н. И. Веселовскому нельзя отказать ни в наблюдательности, ни в археологическом чутье. Кто знаком с историей археологического изучения Самарканда, не может не согласиться, что, проработав всего несколько месяцев на Афрасиабе, он установил ряд положений, которые не только впоследствии оправдались, но и послужили вехами, по которым шла исследовательская мысль по некоторым вопросам... Своими раскопками... Н. И. Веселовский сдвинул вопрос об изучении древнего Самарканда с мертвой точки»¹⁶⁰.

Эти слова А. Ю. Якубовского свидетельствуют о том, что порой излишне суровая критика Веселовского все же сочеталась с умением видеть и положительное в его деятельности.

В целом же надо признать, что наиболее близким к истине остается мнение В. В. Бартольда, который в посвященном Н. И. Веселовскому некрологе писал, что «среди научных заслуг Николая Ивановича раскопкам 1885 г. принадлежит одно из первых мест», поскольку «археологическое изучение Туркестана впервые было поставлено на правильную почву; впервые были собраны точные и достоверные сведения о находимых в крае археологических предметах и определено время, к которому они относятся... Находки, сделанные в Туркестане впоследствии, большей частью подтверждали соображения Николая Ивановича, не переставшего следить за этими находками с живым интересом»¹⁶¹.

Об осознании самим Веселовским начального характера его наблюдений по курганам Туркестанского края может служить его письмо от 9 января 1888 г. на имя Остроумова, после получения

му мнению о том, что с именем Н. И. Веселовского связано «начало подлинно научного изучения памятников материальной культуры Средней Азии». В сравнении с современным уровнем методики археологических раскопок «примитивный» этап в большей или меньшей мере проходили, собственно говоря, все археологи России конца XIX в. Мы также имеем в виду не только эту сторону раскопок и разведок Веселовского как таковых, но и выводы, сделанные Веселовским.

¹⁶⁰ Якубовский А. Ю. Из истории археологического изучения Самарканда..., с. 291.

¹⁶¹ Бартольд В. В. Николай Иванович Веселовский..., с. 644—645.

от него сообщений о раскопках близ Ташкента¹⁶²: «Я сам дал для наших записок (ЗВОРАО.— Б. Л.) заметку о курганах Туркестанского края, когда еще не знал подробностей Ваших работ, а то, быть может, и не дал бы»¹⁶³.

Учитывая все, о чем говорилось выше, мы берем на себя смелость утверждать, что, каковы бы ни были недостатки археологических изысканий Н. И. Веселовского в Средней Азии, его несомненной и для своего времени крупной заслугой навсегда останется уже одно то, что он первым¹⁶⁴ заложил фундамент научного подхода к изучению памятников древности Средней Азии и особенно такого выдающегося памятника, каким является городище Афраснаб. То, что было высказано им в связи с поездкой по Средней Азии, его наблюдения, выводы, догадки свидетельствуют о незаурядной эрудиции ученого, его острым научным чутьем. Далеко не каждый, имея дело с совершенно не изученными памятниками древности, тем же Афраснабом, сумел бы сделать в начале 80-х годов прошлого века такие обширные и в основе своей верные умозаключения на основании кратковременных и несовершенных раскопок.

Освещение истории Средней Азии на всероссийских археологических съездах

Всем сказанным выше можно было бы закончить наш обзор деятельности Веселовского на поприще археологии в Средней Азии. Однако должна быть отмечена еще одна, обычно забываемая, но существенная, сторона деятельности Н. И. Веселовского — его активное участие во всероссийских археологических съездах. Известно, что съезды эти, созывом которых наука обязана инициативе Московского археологического общества, занимали видное и общепризнанное место в истории дореволюционной археологии. Высокий удельный вес в их трудах занимали древности классические, византийские, церковные, западно-европейские и другие, но не восточные. Так, из 1261 реферата, прочитанного на двенадцати археологических съездах с 1869 по 1902 г., на долю «древностей восточных» пришлось 100, из которых 54 было прочтено на IV и V съездах в Казани и Тбилиси¹⁶⁵. Из 313 заседаний

¹⁶² Об этих раскопках см.: Остроумов Н. П. Отчет о раскопках курганов на никифоровских землях в окрестностях Ташкента.— ОАК за 1882—1888 гг. СПб., 1891, с. СХI—СХIХ; «Туркестанские ведомости», 1892, № 42.

¹⁶³ ЦГА Казахской ССР, ф. 629, пап. 39. Н. И. Веселовский в своей дальнейшей деятельности археолога не игнорировал вопросов методики раскопочных работ, о чем свидетельствует его «Записка по вопросу о приемах при производстве раскопок».— Труды XIV археологического съезда в Чернигове, т. III, 1911, Протоколы, с. 99—104.

¹⁶⁴ Не забывая, конечно, о поездке П. И. Лерха, которая не сопровождалась, однако, такими работами, какие вел, например, в Афраснабе Веселовский.

¹⁶⁵ Уварова П. С. Обзор деятельности 12-ти первых археологических съездов с 1868 по 1902 год.— Труды XII археологического съезда в Харькове, 1902, т. III. М., 1905, с. 421.

восточным древностям было посвящено 17. Но и среди восточных древностей Средней Азии принадлежало едва ли не самое последнее место¹⁶⁶.

Тем большее значение имели настойчивые попытки Веселовского привлечь внимание съездов к прошлому Средней Азии и ее историческим памятникам.

На VI съезде в 1884 г. Н. И. Веселовский выступил с докладом «О времени принятия киргизами ислама», отметив, что хотя киргизов (казахов.— *Б. Л.*) принято считать мусульманами, «ни в XVI, ни в XVII веке, ни в первой половине XVIII столетия киргизы... понятия об исламе не имели»¹⁶⁷. На VII съезде в 1887 г. Н. И. Веселовский прочитал доклад о надгробном памятнике Тимура в г. Самарканде¹⁶⁸. На VIII съезде в 1890 г. Н. И. Веселовский напечатал статью о подробностях смерти узбекского хана Мухаммеда Шейбани в свете данных письменных источников¹⁶⁹. Веселовский отметил, в частности, данные Г. А. Арендаренко, по которым при переносе в 80-х годах XIX в. останков Шейбани-хана к новому месту погребения (в связи с перепланировкой Самарканда) «скелет Шейбани-хана оказался неполным: не доставало черепа». Это согласовывается с известиями о том, что труп погибшего в бою под Мервом Шейбани-хана был обезглавлен, а череп превращен в оправленную золотом «чашу для питья, подававшуюся Исманлу Сефевии». Таким образом,— заключал Веселовский,— «свидетельство персидских историков подтвердилось археологическими данными. Настоящий случай свидетельствует, как история нуждается в содействии археологии. Но не менее того нуждается и археология в помощи истории»¹⁷⁰. На XI съезде

¹⁶⁶ Там же.

¹⁶⁷ Рефераты заседаний VI археологического съезда в Одессе. Одесса, 1884, с. 5.

¹⁶⁸ Веселовский Н. И. Надгробный памятник Тимура в Самарканде.— Труды VII археологического съезда в Ярославле, т. II. М., 1891, с. 67—72; также: Известия о занятиях VII археологического съезда., Ярославль, 1887, № 10, с. 5—6.

¹⁶⁹ Веселовский Н. И. Подробности смерти узбекского хана Мухаммеда Шейбани.— Труды VIII археологического съезда, т. II, 1897, с. 290—299. Составленное В. В. Бартольдом резюме по той статье Веселовского см.: Bartold W. Russische Arbeiten über Westasien.— Jahresbericht für 1897. Mitteilungen des Seminars für Orientalischen Sprachen und der Königlichen Friedrich-Wilhelms-Universität zu Berlin, Jg. I, Abt. 2, 1898. На VIII съезде фигурировало также сообщение Н. И. Веселовского о русском посланнике XVII в. в Персии и Бухаре Иване Хохлове (полный текст: Веселовский Н. И. Иван Данилович Хохлов, русский посланник в Персию и Бухару в XVII в. — ЖМНП, 1891, январь с. 48—72).

¹⁷⁰ Думается, что в житейском общепринятом смысле такое высказывание Веселовского было совершенно справедливым (археология дополняет историю и наоборот). Но нельзя не отметить, что скрупулезно точный В. В. Бартольд счел все же нужным заметить, что «едва ли правильно такое сопоставление истории и археологии как двух самостоятельных, хотя и связанных между собою наук. Археология как дисциплина, посвященная изучению одной из категорий исторических памятников, именно вещественных памятников, составляет часть единой исторической науки» (ЗВОРАО, т. XXV, 1921, с. 352; Сочинения, т. IX. М., 1977, с. 644).

в 1899 г. Н. И. Веселовский выступил с сообщением о разорении Самарканда в XIX в.¹⁷¹ Сообщение Веселовского базировалось на данных главного казья Самарканда Мир Абу Тахир-ходжи в его сочинении «Самарийя», который, умалчивая о времени разорения и его виновниках, перечисляет монументальные сооружения города, разрушенные во время погрома.

Н. И. Веселовский обратился к данным вакуфной записи, «принадлежащей двум медресе, Шир-Дор и Тилля-карн, составленной в 1229 году хиджры, т. е. в самом конце прошлого столетия, и хранящейся в Самаркандском областном правлении»¹⁷².

Из записи этой явствует, что в 50-х годах XIX в. «некоторые узбекские эмиры, совместно с соседними кочевниками, возмущались против своих ханов в Самарканде, избрали правителем Раджаб-хана и пошли на Бухару». Начались смуты. К Раджаб-хану присоединились казахи, переселившиеся под натиском калмыков в Мавераннахр. В Самаркандской округе наступил голод. Население Самарканда разбежалось. В процессе этих событий в Самарканде и произошли беспорядки и погромы, в ходе которых пострадали многие памятники старины.

На XIII съезде (1905) Н. И. Веселовский сообщил историческую справку об обстоятельствах, вызвавших подготовку и издание Археологической комиссией известного «Альбома самаркандских древностей»¹⁷³.

Вслед за В. В. Григорьевым, внесшим на рассмотрение II археологического съезда в Петербурге в 1871 г. ряд историко-востоковедческих вопросов, касавшихся прошлого Средней Азии¹⁷⁴, Н. И. Веселовский также предложил вниманию съездов ряд таких вопросов, свидетельствующих о его научной зоркости, об умении подметить существенно важное и требующее разъяснения в том материале, с которым ему приходилось встречаться в процессе изучения историко-культурного прошлого Средней Азии. Некоторые из этих вопросов и сейчас ждут ответа востоковедов и археологов.

Так, например, Веселовский предлагал рассмотреть (VI съезд, 1881) вопросы о «частных отличиях в кочевом быте смотря по

¹⁷¹ Веселовский Н. И. О последнем разорении города Самарканда.— Известия XI археологического съезда в Киеве 1—2 августа 1899 г. Киев, 1899, с. 117—118; Труды XI археологического съезда в Киеве, 1899, II. М., 1902, с. 110 (Протоколы).

¹⁷² Ср.: Самарийя. Описание древностей и мусульманских святынь Самарканда Абу Тахир Ходжи. Перевел В. Л. Вяткин. Предисловие и примечания переводчика.—Справочная книжка Самаркандской области; вып. VI. Самарканд, 1899, с. 153—250.

¹⁷³ Веселовский Н. И. Альбом самаркандских древностей.—Труды XIII археологического съезда в Екатеринославе, т. II. М., 1908, с. 229.

¹⁷⁴ Труды II археологического съезда в Петербурге, т. II. СПб., 1881, с. XIII—XV (вопросы № 43—46). Ср.: [Среднеазиатские вопросы на II археологическом съезде в Санкт-Петербурге].—«Туркестанские ведомости», 20 ноября 1871 г., № 20.

народности кочевников» и о том, «каким образом и когда исчезло в Средней Азии имя гузов и заменилось именем туркмен, если туркмены суть прямые потомки гузов»¹⁷⁵.

На VII съезде Веселовский ставил вопрос о том, могут ли быть древние погребения на территории Чустского уезда Ферганской области, известные под именем мугхона, «приписаны, по находящимся в них предметам, народу карахатайцам (кара-кидаям)». Лишь в 1950—1951 гг. после обследования 300 мугхона горной Ферганы, из которых 21 была разобрана и изучена, удалось установить наиболее вероятную датировку их (I—IV вв.), причем в одной из мугхона была найдена монета эпохи младших Хань (I в.)¹⁷⁶.

Предлагал Веселовский выяснить также места нахождения в Средней Азии «буддийских идолов» типа «находимых на Афрасиабовом городище и указывающих на широкое распространение буддизма в древней Согдиане» (в чем Веселовский, как отмечалось, был прав). Его интересовали вопросы: чем вызвано присутствие изображений животных на монетах илеханов, степень достоверности родословной Тимура в надписи на его надгробии, а также не могут ли некоторые из среднеазиатских оссуариев быть отнесены ко времени сасанидов «на том основании, что головные уборы на некоторых изображениях похожи на корону сасанидских царей на монетах»¹⁷⁷.

И это наблюдение Н. И. Веселовского имело под собой вескую почву. Уже в наши дни, например, А. А. Потапов пытался отнести биянайманские оссуарии к концу V в., основываясь на характере имеющихся на них изображений, в частности корон, сопоставляемых с коронами сасанидских царей¹⁷⁸. Более поздний автор, не соглашаясь с этой датировкой и высказываясь в пользу VII в., не видит прямых параллелей между названными оссуариями и памятниками «чисто и бесспорно сасанидскими», но в то же время признает, что «связь этого памятника (биянайманского оссуария.— Б. Л.) с сасанидским искусством» (в широком смысле это—

¹⁷⁵ Труды VI археологического съезда, т. I. Одесса, 1886, с. XXVII—XXX. Вопрос не был лишен оснований с тем, однако, необходимым для наших дней дополнением, что, как показали последующие изыскания, неточно считать только огузов прямыми предками современных туркмен, огузские племена—одно из важных этнических слагаемых современного туркменского народа (ср.: Ошанин Л. В. Антропологический состав населения Средней Азии и этногенез ее народов, ч. 3. Ереван, 1959, с. 85; Агаджанов С. Г. Очерки огузов и туркмен Средней Азии IX—XIII вв. Ашхабад, 1969).

¹⁷⁶ Ср.: Спришевский В. И. Некоторые находки из мугхона в собрании Музея истории.— Труды Музея истории Узбекской ССР, вып. III. Ташкент, 1956, с. 53—74.

¹⁷⁷ Труды VII археологического съезда, т. III. М., 1892, с. 11. Ср.: [Вопросы проф. Н. И. Веселовского по археологии Туркестана для VII археологического съезда в Ярославле].— «Туркестанские ведомости», 9 декабря 1886 г., № 48.

¹⁷⁸ Потапов А. А. Рельефы древней Согдианы как исторический источник.—ВДИ, 1938, №2/3, с. 120 и сл.

го термина) «вполне ясна»¹⁷⁹, этот же автор указывал, что головной убор сидящей фигуры (в изображениях на оссуарии) свидетельствует, что «все имеющиеся в нем налицо элементы безусловно встречаются на сасанидских коронах, хотя их и нельзя найти все зараз на какой-либо одной короне»¹⁸⁰.

VIII съезду Н. И. Веселовский предложил вопрос: «Какие титулы на монетах ханов караханидов (илеков) упоминаются в исторических памятниках?»¹⁸¹

Можно сказать без преувеличения, что в той мере, в какой вопросы истории Средней Азии фигурировали в работах археологических съездов, мы всецело обязаны этим Н. И. Веселовскому.

Работы по эпиграфике и нумизматике Средней Азии

Не чужд был Н. И. Веселовский и делу изучения эпиграфических памятников.

Веселовский собирал и изучал эпиграфические материалы, прежде всего в виде надписей внутри и снаружи мечетей, мазаров, мавзолеев, медресе и других строений эпохи средних веков, а также в виде надписей на надгробных плитах и сооружениях и на отдельных предметах древности (подсвечники, перстни и т. п.).

Уже в свой первый приезд в Среднюю Азию Веселовский занялся «копированием надписей, имеющих значение в историческом отношении. Таковы надписи на могильных плитах Тамерлана, его сыновей и внуков; могильные надписи на кладбище Чильдхуртон, Шейбанидском и Ходжаахрарском»¹⁸².

В 1885 г. Н. И. Веселовский осмотрел в кишлаке Дагбид, в 12 верстах от Самарканда, гробницу Сейид Ахмеда Касани (Махдуми-А'зама — «величайшего властителя»), который «прославился в летописях восточного Туркестана». Веселовский дал описание «мечети», построенной Ялангтуш-бием, установил по хронограмме год постройки (1028/1619), описал обнесенную оградой платформу возле мечети («дахму», по терминологии Веселовского), в пределах которой находилось погребение Махдуми-А'зама. Любопытно, что никто из местных жителей не решился помочь Веселовскому в списывании надписей на имеющихся тут надгробных, наоборот, все они предостерегали Веселовского от такого святотатства. Когда он сам начал списывать надписи, в него швырнули камень. Веселовский осмотрел здесь ряд надгробных плит, в том числе плиту с именем Ялангтуш-бия, умершего в 1066/1655—6 г., плиту с именем его дочери и др. Надгробие Махдуми-А'зама было обнаружено им в левом от входа углу «дахмы» (вернее было бы «суфы»).

¹⁷⁹ Борисов А. Я. К истолкованию изображений на биянайманских оссуариях.—Труды отдела Востока Государственного Эрмитажа, т. II. Л., 1940, с. 28.

¹⁸⁰ Там же, с. 32.

¹⁸¹ Труды VIII археологического съезда, т. IV. М., 1897, с. 12.

¹⁸² САК за 1882—1883 гг., СПб., 1891, с. XXX.

В статье, посвященной поездке в Дагбид, Веселовский воспроизвел тексты надписей с плит (с русским переводом): № 1 и 2 — надписи надгробия на могиле Махдуми-А'зама (1190/1776 г.), № 3—10 — надписи надгробий, расположенных вокруг «дахмы» (1079/1668—1251/1835)¹⁸³.

Веселовский обратил внимание на своеобразие надписей: строки текстов надписей на надгробиях № 6—8 оказались расположенными в обратном порядке, почему их надлежало читать в восходящем направлении, начиная с нижней строки. «Верный порядок чтения,— свидетельствует В. А. Крачковская,— восстановлен Н. И. Веселовским в параллельно расположенном русском переводе надписей. Он отметил также неправильное употребление арабского члена в разных словах не только на памятниках Дагбиды, но и в среднеазиатских надписях вообще»¹⁸⁴.

В городе Ош, в здании «мечети Сулеймана» Веселовский обнаружил (1885 г.) «арабскую надпись, на которой совершенно ясно сохранился дважды 329 год гиджры (941 г. по Р. Х.) и имя саманидского эмира Насра, сына Ахмедова»¹⁸⁵.

В процессе историко-архитектурных экспедиций 1895—1896 и 1898—1899 гг. Веселовский осуществлял копирование надписей в Гур-и Эмире¹⁸⁶.

В публикации, посвященной мавзолею Гур-и Эмир¹⁸⁷, Н. И. Веселовский отметил наличие имен мастеров на строениях, разновременных настенных надписей внутри и снаружи мавзолея, констатировал наличие частичной путаницы в коранических текстах, явившейся следствием неоднократных ремонтов здания. Веселовский издал в извлечениях и надписи на нефритовом и внутрисклеповом надгробиях Тимура, причем предостерегал от некритического отношения к данной в надписях генеалогии Тимура, содержащей явные измышления; родословную эту и дату кончины «железного хромца» Веселовский сопоставил с данными персидских, чагатайских и китайских авторов. Правда, работа Весе-

¹⁸³ Веселовский Н. И. Дагбид.—ЗВОРАО, т. III, 1889, с. 85—95 (к статье приложен «План дахмы, где похоронен Махдуми-Аазем»).

¹⁸⁴ Крачковская В. А. Эпиграфика Средней Азии (Пионеры эпиграфики. Туркестанский кружок любителей археологии).—«Эпиграфика Востока», VII, М.—Л., 1953, с. 51.

¹⁸⁵ ОАК за 1885 год... с. XXII—XXIII.

¹⁸⁶ Архив ЛОИА, ф. 18, д. 12. По поводу хранящихся в архиве копий надписей В. А. Крачковская замечает, что некоторые из них не принадлежат руке Веселовского и имеют пометку «от Махсума» и высказывает предположение, что данные копии «списаны каллиграфически одним из местных жителей» (по этому поводу см. у А. А. Семенова, который сообщает данные об одном из хранителей-приживальщиков мавзолея Гур-и Эмир «Мирзе Абу Саиде Масуме», который лично рассказывал Семенову, что в числе его клиентов был Н. И. Веселовский и другие: Семенов А. А. Надписи на надгробиях Тимура и его потомков в Гур-и-Эмире.—«Эпиграфика Востока», II, М.—Л., 1948, с. 50). Разъяснение вопроса см.: Лунин Б. В. Самаркандский любитель древностей и каллиграф Абу Сайд Махзум.—История материальной культуры Узбекистана, вып. 7. Ташкент, 1966, с. 176—184.

¹⁸⁷ Веселовский Н. И. Надгробный памятник Тимура в Самарканде.—Труды VII археологического съезда в Ярославле. 1887, т. II, 1891, с. 67—72.

довского в этом направлении носила предварительный характер, а предложенные им переводы с текстов тимуровских надгробий были неточны¹⁸⁸. «Можно только сожалеть,— пишет В. А. Крачковская,— что Н. И. Веселовский не углубил и не завершил эту работу»¹⁸⁹.

В 1895 г. Веселовский опубликовал статью с описанием могилы Ходжи Ахрара в селении, прилегающем к Самарканду (по дороге в Карши)¹⁹⁰. Указывая на то, что «Ходжа Наср ад-Дин Убайдулла («Ходжа Ахрар»), несомненно, одна из самых выдающихся личностей среднеазиатского ислама» и дав краткий биографический очерк о нем, Н. И. Веселовский описал могилу Ходжи Ахрара¹⁹¹, место которой «обозначено большой мраморной плитой, утвержденной в стоячем положении» и которая находилась близ более позднего здания медресе, носившего имя того же Ходжи Ахрара¹⁹². К статье был приложен прекрасный снимок с плиты, испещренной надписями, скопированный с фотографии из «Туркестанского альбома». В статье воспроизводились также тексты надписей на плите и переводы, просмотренные и исправленные В. А. Жуковским (с персидского) и Н. А. Медниковым (с арабского). Время смерти Ходжи Ахрара — февраль 1490 г. (895 г. хиджры). Хронограмма в надписи на медресе позволила датировать постройку 1040 г. хиджры, временем правления Имам-Кули-Мухаммед-Бахадур-хана. Переводы текстов снабжены научным комментарием.

Веселовский издал также текст надписи с надгробного камня Шейбани-хана и ее перевод, сделанный В. А. Жуковским и просмотренный В. Р. Розеном¹⁹³.

1 мая 1903 г. Н. И. Веселовский выступил в ВОРАО с сообщением о надгробии Тимура¹⁹⁴, уточнив данные Н. В. Ханькова

¹⁸⁸ Новейший полный перевод см.: Семенов А. А. Надписи на надгробиях Тимура и его потомков в Гур-и Эмире.—«Эпиграфика Востока», II. М.—Л., 1948, с. 49—62.

¹⁸⁹ Крачковская В. А. Эпиграфика Средней Азии... с. 51.

¹⁹⁰ Веселовский Н. И. Памятник Ходжи Ахрара в Самарканде.—Восточные заметки. Сборник статей и исследований профессоров и преподавателей факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета. СПб., 1895, с. 321—335.

¹⁹¹ Речь идет о шейхе Ходжа Ахраре (1404—1490), который, умело пользуясь своим религиозным авторитетом и обладая незаурядными способностями дельца, сумел с течением времени стать крупнейшим феодалом-землеладельцем и обладателем огромного состояния. Ходжа Ахрар был близок ко двору тимуридов. Из новейшей литературы см.: Чехович О. Д. [Введение к кн.:] Самаркандские документы XV—XVI вв. (О владениях Ходжи Ахрара в Средней Азии и Афганистане). М., 1974, с. 14—34. Также: Мукминов Р. Г. К истории аграрных отношений в Узбекистане в XVI в.—В кн.: «Вакф-наме» Ташкент, 1966.

¹⁹² Как и в статье «Дагбид», Веселовский неточно именует «дахмой» террасообразное облицованное камнем возвышение, в пределах которого располагалась могила Ходжи Ахрара.

¹⁹³ Труды VIII археологического съезда, т. II, М., 1897, с. 298—299.

¹⁹⁴ Веселовский Н. И. О надгробии Тимура.—ЗВОРАО, т. XVI, 1906, с. XI—XIII.

о том, что «Надир-шах при взятии Самарканда велел привезти к себе надгробный камень Тимура и при этом случае его раскололи надвое»¹⁹⁵. Веселовский установил, что «надгробие всегда состояло из двух половин, плотно пригнанных друг к другу. Это очевидно из того, что ширина обеих половин не одинакова, одна чуть-чуть шире другой. Цвет также несколько различен: один кусок совершенно одноцветный, другой с коричневыми прожилками».

Предположение об увозе надгробия по повелению шаха Надира подтверждалось и преданиями, слышанными Веселовским в Самарканде и припиской на полях рукописи «Тухфат ал-ханий».

Н. И. Веселовский дал краткое описание хранившихся в мечети Ахмеда Ясеви в Туркестане котла с надписями, подсвечников и мраморного надгробия 1485 г. (890 г. х.) «дочери Улуг-бека, бывшей замужем за Шах-Будаг султаном, княгини Рабиа-Султан»¹⁹⁶.

При этом помыслы Веселовского в области эпиграфики шли гораздо дальше, нежели это отражено в его публикациях и рукописях. Он мечтал подготовить к изданию согрус надписей на всех памятниках зодчества в Самарканде. «Следы этого грандиозного плана имеются в архивных материалах покойного исследователя. Но самое намерение, к сожалению, не было осуществлено»¹⁹⁷.

Известно, какое видное место среди памятников древности Средней Азии и Казахстана¹⁹⁸ принадлежит древнетюркским руническим надписям¹⁹⁹.

«Средняя Азия,— писал в связи с этим Н. И. Веселовский,— в последнее время обогащает нас выдающимися открытиями. В 1877 г. найден знаменитый амударынский клад, давший возможность сблизить наши скифские древности с среднеазиатскими. В 1885 г. открыты в Семиречье два несторианских кладбища,

¹⁹⁵ Ханыков Н. В. Описание Бухарского ханства. Спб., 1843, с. 102.

¹⁹⁶ ИРКИСВА, № 6, декабрь 1906 г., с. 24—26.

¹⁹⁷ Крачковская В. А. Указ. соч., с. 53. Заметим, что, интересуясь так называемым «Кораном Османа», Н. И. Веселовский снял в архивах копии с препроводительной записки туркестанского генерал-губернатора 24 октября 1869 г. на имя министра народного просвещения о препровождении Корана в дар Императорской публичной библиотеке и составленной А. Л. Куном «Записки о Коране Османа... со слов улемов мечети Ходжа Ахрара», а также сделал выписки из дела «О розыскании древностей в Зеравшанском округе» (1869, № 3). Материалы эти были использованы А. Ф. Шибунинным в его работе, посвященной описанию Корана (Шибунин А. Ф. Куфический коран Императорской С.-Петербургской публичной библиотеки.— ЗВРАО, т. IV, 1892, с. 69—133).

¹⁹⁸ Точнее — памятников древности Северной Монголии, долины Енисея, ленско-прибайкальских, алтайских, восточнотуркестанских, среднеазиатских (Семиречье и Фергана) и восточноевропейских.

¹⁹⁹ Из новейших исследований см.: Кляшторный С. Г. Древнетюркские надписи как источник по истории Средней Азии. М., 1964, 215 с. Историю открытия и изучения древнетюркских рунических текстов на территории Туркестанского края см.: Лукин Б. В. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Туркестанский кружок любителей археологии. Ташкент, 1958, с. 142—146.

пролившие новый свет на судьбу [христианства] несторианского толка в Средней Азии. В 1889 г. сделались известными орхонские надписи. Теперь интересуют ориенталистов всплывающие на свет древности Восточного Туркестана, куда следовало бы снарядить обстоятельную экспедицию.

Открытие надписей в Монголии повело к очень важным и неожиданным результатам, значение которых мы пока еще не можем и оценить в полной степени. Об этом открытии, имеющем уже целую литературу, мы и дадим здесь краткий отчет ввиду того, что в русской печати об этом сообщалось очень мало». Так появилась в свет научно-информационная статья Н. И. Веселовского «Орхонские открытия»²⁰⁰. То был первый из наиболее обстоятельных обзоров истории нахождения «и изучения тюркоязычных рунических» надписей енисейского и орхонского круга, в частности знаменитой надписи в честь Кюль-Тегина. По словам Н. И. Веселовского, обнаружение орхонских надписей стало «приобретением великой важности»²⁰¹, их «изъяснение займет одно из выдающихся мест в области научных завоеваний, сделанных... в Азии как подвиг человеческого ума»²⁰².

Интересовали Н. И. Веселовского и изыскания в области нумизматики. Широкий характер носила, в частности, его собирательская деятельность, многие ценные нумизматические собрания по Средней Азии поступили в центральные музеи при прямом посредстве и участии Веселовского.

Подобно В. Г. Тизенгаузену и А. К. Маркову, Н. И. Веселовский не раз занимался определением монет, поступающих из Средней Азии в адрес Императорской археологической комиссии в Петербурге²⁰³.

В архиве Н. И. Веселовского хранятся перечни приобретающихся им в Средней Азии «образцов туземных денежных знаков (тилла разных достоинств)»²⁰⁴.

Изучение историко-архитектурных памятников Средней Азии

Свою научную деятельность Н. И. Веселовский тесно связал также с изучением, научной фиксацией, охраной и проектами реставрации всемирно известных историко-архитектурных сооружений Средней Азии, особенно памятников древнего зодчества в Самарканде.

²⁰⁰ ЖМНП, Седьмое десятилетие. Ч. ССХСII, вып. IV, отд. 3, 1894, с. 59—72.

²⁰¹ Там же, с. 72.

²⁰² Там же,

²⁰³ Ср.: Лукин Б. В. К топографии и описанию древних монетных кладов и отдельных монетных находок на территории Узбекистана (по архивным данным). — История материальной культуры Узбекистана, вып. 8. Ташкент, 1969, с. 169—170.

²⁰⁴ ЦГАЛИ, ф. 118, оп. I, д. 330, л. 5.

Судя по всему, интерес к историко-архитектурным объектам возник у Веселовского уже во время его первой поездки в Среднюю Азию. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что 7 марта 1886 г. Н. И. Веселовский сделал сообщение в заседании Восточного отделения РАО об архитектурном ансамбле Шахи-Зинды в Самарканде. Обратив внимание на «архитектурные особенности этого здания (точнее было бы: комплекса строений.— *Б. Л.*), представляющего сложную систему сооружений, предназначенных для того, чтобы служить усыпальницами родственников Тимура, докладчик прочитал в русском переводе мусульманские надписи, которыми испещрены стены.., и представил несколько образцов разноцветной кафельной орнаментики»²⁰⁵.

Остановимся на важнейших начинаниях Веселовского в области изучения историко-архитектурных памятников.

На первом плане стоят здесь работы возглавленной Веселовским специальной историко-архитектурной экспедиции, работавшей в Самарканде в 1895—1896 и 1898—1899 гг.

Обстоятельства, вызвавшие к жизни данную экспедицию, достаточно полно характеризуются материалами архива Императорской археологической комиссии, содержащими обширную переписку по снаряжению экспедиции²⁰⁶. Из переписки явствует, что мысль о такой экспедиции явилась следствием письма непрямого секретаря Академии наук Н. Ф. Дубровина на имя председателя Археологической комиссии А. А. Бобринского 17 февраля 1895 г. «По поручению конференции Академии препровождаю при сем... копию с письма министра финансов (С. Ю. Витте.— *Б. Л.*) с приложением на имя августейшего президента, с тем, что не признает ли комиссия возможным при будущем командировании лиц в Туркестан принять меры к сохранению памятников старины этого края»²⁰⁷.

Речь шла о письме С. Ю. Витте от 1 февраля 1895 г., в котором он сообщал о получении им письма состоящего при Королевском археологическом и историческом музее в Стокгольме шведского ученого Мартина²⁰⁸ о печальном положении исторических памятников, «которыми так богата вся Средняя Азия и, в частности, Туркестанский край». Витте писал, что «во время поездки, совершенной... в Среднюю Азию в 1890 г., [он] вынес такое же, как и названный ученый, грустное впечатление о печальном положении, в коем находятся в обилии и повсеместно разбросанные там памятники старины»²⁰⁹.

²⁰⁵ ЗВОРАО, т. I 1887, с. IX.

²⁰⁶ Архив ЛОИА, ф. I, оп. I, д. 69 (ч. I на 353 л.; ч. II на 523 л.).

²⁰⁷ Там же, л. 3.

²⁰⁸ В деле копия письма Мартина на немецком языке; л. 5,5 об.

²⁰⁹ Там же, л. 4. С. Ю. Витте посетил Среднюю Азию в качестве директора департамента железнодорожных дел вместе с министром финансов И. А. Вышнеградским. По словам С. Ю. Витте, они «были в Мерве, Чарджуе, осматривали закаспийскую дорогу. После были в Самарканде, Ташкенте, Фергане, а затем вернулись обратно» (Витте С. Ю. Воспоминания, т. I, М., 1960, с. 220).

А. А. Бобринской в ответном письме на имя Дубровина сообщал, что хотя главнейшие памятники охраняются местной администрацией, «но какие бы меры ни предпринимало русское правительство в этом отношении, добиться полного успеха невозможно, здания все-таки будут медленно разрушаться от землетрясений, от выпадения изразцов, выветривания. Некоторые здания достались нам прямо в развалинах». Исходя из этого Археологическая комиссия «полагала существенно необходимым теперь же приступить к ученому описанию среднеазиатских памятников и тем увековечить их»²¹⁰.

В личной беседе с Бобринским Вигте обещал «материальное содействие по снаряжению ученой экспедиции для описания» памятников.

Конференция Академии наук «избрала академиков В. П. Васильева, В. В. Радлова, К. Г. Залемана и В. Р. Розена с тем, чтобы они вместе с членами Археологической комиссии приняли участие в обсуждении означенного вопроса»²¹¹. К обсуждению этому были привлечены также В. А. Жуковский и М. П. Боткин. 11 апреля 1895 г. «совещание пришло к убеждению, что, помимо мер, клонящихся к охране строений в их настоящем виде, крайне желательно увековечить их научным изданием, в которое вошло бы, с возможною полнотою, детальное их описание»²¹².

«Лица, присутствовавшие в заседании, просили [А. А. Бобринского] принять на себя общее руководство всем предприятием, ближайшее же исполнение его возложить на профессора Н. И. Веселовского, который в качестве археолога и ориенталиста уже имел случай изучать самаркандские памятники прежде», в помощь ему выделены архитектор и фотограф-художник»²¹³.

На работу экспедиции было отпущено 4000 р., затем еще 3000 р. и т. д. (всего 10000 р.— сумма весьма ограниченная).

В июне 1895 г. в Самарканд были командированы архитектор-академик Петр Петрович Покрышкин и художник Самуил Мартинович Дудин. 18 августа 1895 г. в Самарканд прибыл Н. И. Веселовский²¹⁴.

К делу были привлечены материалы «Археологической части Туркестанского альбома» в двух папках, содержащие 134 фотографии и 10 планов²¹⁵.

Работы с самого начала ограничились Самаркандом. «На первое время были избраны две мечети, Гур-Эмир и Биби-Ханым»²¹⁶.

²¹⁰ Архив ЛОИА, ф. I, оп. I, д. 69, л. 5, 5 об.

²¹¹ Там же, л. 7.

²¹² Там же, л. 12, 12 об.

²¹³ Там же, л. 14, 14 об.

²¹⁴ Ср.: Археологическая экспедиция.— «Правительственный вестник», 12 сентября 1895 г., № 190; Раскопки близ Самарканда.— Там же, 19 октября 1895 г., № 229.

²¹⁵ Архив ЛОИА, ф. I, оп. I, д. 69, л. 53.

²¹⁶ Там же, л. 61. Часть работ по мечети Биби-Ханым была выполнена, но осталась не доведенной до конца.

Велась работы, как сказано, на протяжении нескольких лет²¹⁷. Из письма ИАК на имя С. Ю. Витте 25 января 1899 г. явствует, что к этому времени «по изготовлению чертежей и рисунков самаркандских мечетей сделано следующее: вполне окончен альбом рисунков с мечети Гур-Эмир., затем сделаны обмеры и черновые чертежи, ныне изготавливающиеся набело, с соборной мечети Биби-Ханым, и эта работа к весне будущего года будет закончена; начаты работы по изготовлению архитектурных чертежей мечети Шах-Зинда... Это здание, составляющее целую систему отдельных мавзолеев, представляет особенный интерес по разнообразию орнаментов и по художественному исполнению цветных изразцов. Нынешним летом предвидится возможность окончить описание и этой мечети»²¹⁸.

В феврале 1899 г. правительством было ассигновано 13 000 руб. на издание «Описания самаркандских мечетей»²¹⁹.

3 марта 1899 г. состоялось совещание по изданию самаркандских древностей с участием А. А. Бобринского, Н. И. Веселовского, А. А. Спицына, Ф. А. Брауна, М. П. Боткина, К. Г. Залемана, В. В. Радлова, В. А. Жуковского, академиков-архитекторов Н. П. Покрышкина, Суслова и Померанцева. Н. И. Веселовский информировал совещание о ходе работы по подготовке к изданию первого выпуска; совещание выработало ряд рекомендаций²²⁰.

С именем Веселовского связано составление и выпуск в свет в 1905 г. альбома, посвященного мавзолею Гур-и Эмир²²¹, полиграфического шедевра своего времени, издания, добротного по научной фиксации данного архитектурного сооружения, своеобразного памятника Веселовскому, П. П. Покрышкину, А. В. Щусеву и их сотрудникам.

²¹⁷ В 1896 г. по поручению Н. И. Веселовского «живописные работы с мечетей» не только Самарканда, но и Мерва осуществлял, в частности, «живописец Станислав Мержневский» (Архив ЛОИА, ф. 18, д. 343, л. 1. Юб. 1896 г.). Вообще же в работах 1895—1899 гг. в разное время участвовали также Н. И. Щербина-Крамаренко, А. В. Щусев, фотограф Чистяков и другие.

²¹⁸ Архив ЛОИА, ф. 1, оп. I, д. 69, ч. II, л. I. Заметим, что в личном фонде Н. И. Веселовского хранится оригинал неопубликованной записки архитектора А. Полелука (?) (23.IV—1903 г.) «Определение устойчивости и прочности мечети Гур-Эмир с достаточной для практических целей точностью. Введение I. Устойчивость и прочность наружного купола. II. Устойчивость и прочность внутреннего купола. III. Устойчивость и прочность перемычного паруса. IV. Устойчивость и прочность перекрытия в нишах. V. Устойчивость и прочность устоев». Архив ЛОИА, ф. 18, д. 479 л. 1—7 (имеется перевод на французский язык, л. 8 сл.).

²¹⁹ Там же, л. 11. Ср.: Редкое издание.—«Петербургская газета», 25 февраля 1899 г., № 55; Издание описания мечетей гор. Самарканда.—«Московские ведомости», 27 февраля 1899 г., № 58; Ив. Лазаревский. Заметки.—ИАК, Прибавление к вып. 22-му. СПб., 1907, с. 35—36 («Слово», 8 июня 1907 г., № 169).

²²⁰ Архив ЛОИА, ф. 1, оп. I, д. 69, ч. II, л. 14—15.

²²¹ Мечети Самарканда. Вып. I. Гур-Эмир. СПб., 1905. Сообщение Веселовского о выходе альбома в свет см.: ЗВОРАО, т. XVII, 1907, с. 181—184; также: [Веселовский Н. И.] Издание Самаркандских мечетей Имп. Археологической Комиссии. — ОАК за 1895 г., с. 48—49.

Альбому предпослан на русском и французском языках крагкий текст, принадлежащий перу Веселовского и содержащий общие данные о самаркандских архитектурных сооружениях эпохи Тимура, в первую очередь о мавзолее Гур-и Эмир (история сооружения, первоначальный вид, объемные замеры). Альбом содержит восемнадцать (в большинстве своем многокрасочных) таблиц²²², причем особенно ценно, что они фиксировали не только общий вид ансамбля (ворота со стороны главного фасада, главный фасад и т. п.), но и его детали (разрез ворот, деталь ставни северного окна в пристройке, деталь барабана и ребер купола в развертке, деталь плана сталактитов, деталь наружной панели и т. д.). Таблицы содержали также «план sklepa и надгробных плит, план наружного купола», общий план «мечети Гур-Эмир» и пр. Заключительная таблица (XVIII) содержала «Определение устойчивости здания». В тексте альбома были даны рисунки: «Кок-Таш — мраморный трон Тамерлана», «Нефритовое надгробие Тамерлана», «Погребальный склеп».

На выход в свет альбома «Мечети Самарканда» откликнулся, в частности, известный коллекционер и знаток художественных изданий И. И. Лазаревский. Отмечая, что «вообще бедная наша художественная литература почти совершенно не имеет больших монографий, посвященных тому или иному интересному архитектурному сооружению», Лазаревский считал, что поэтому «с особым вниманием должны быть встречены... первые выпуски роскошнейшего издания... «Мечети Самарканда»²²³.

Рецензент отмечал, что «все рисунки и чертежи исполнены художниками-архитекторами Щусевым и Покрышкиным с большим вниманием, точностью, мастерством и художественностью. Они великолепно воспроизведены и замечательно тонко и точно передают оригинал. По ним воочию можно убедиться в монументальной красоте этого замечательного памятника архитектуры и искусства Средней Азии».

Наряду с подобного рода отзывами раздавались и критические замечания в адрес составителей альбома. На неправильное применение Н. И. Веселовским термина «мечеть» к мавзолею Гур-и Эмир тогда же указал самаркандский археолог В. Л. Вяткин, отмечавший, что Веселовский «вообще все самаркандские памятники древности именует мечетями, хотя в числе их есть усыпальницы и медресе»²²⁴.

²²² Таблицы I—III, V имеют пометку: «Исполнял с натуры А. В. Щусев», таблицы VI—VIII, X—XIV: «Исполнял с натуры П. П. Покрышкин», таблица IX («северная внутренняя ниша»): «Исполнял с натуры и рисунки реставрировал П. П. Покрышкин», таблица XV: «Исполнял с натуры А. Миненко». В архивном фонде Н. И. Веселовского хранится записка архитектора А. В. Щусева от 15 июня 1898 г. «Описание памятника: Гробница Тамерлана (Гур-Эмир) и ворота, ведущие к ней, в Самарканде» (Архив ЛОИА, ф. 13, л. 490, л. 1—4).

²²³ Лазаревский Ив. Заметки. — «Слово», 8 июня 1907 г., № 169 (ср.: ИАК, Прибавление к вып. 22-му, СПб., 1907, с. 35.).

²²⁴ Вяткин В. Л. Гури-Эмир (Библиографическая заметка). — Справочная книжка Самаркандской области на 1906 год, вып. VIII. Самарканд, 1906,

Много позднее взыскательный Бартольд не преминет заметить по поводу альбома «Гур-Эмир», что на полноте описания этого замечательного архитектурного сооружения также отразилось недостаточное изучение литературных источников, без привлечения которых Бартольд считал невозможным дать «научное описание построек эпохи Тимура и тимуридов», что в известной мере сознавал и сам Веселовский. Впрочем, Бартольд тут же констатировал, что решение такой задачи может быть результатом «не только единоличного, но и коллективного труда». Бартольд подчеркивал, что выполнением такого труда «был бы поставлен лучший памятник Николаю Ивановичу [Веселовскому]»²²⁵.

Так или иначе, но альбом «Гур-Эмир» занял почетное место в литературе по одному из замечательных архитектурных сооружений Самарканда²²⁶. Этим изданием было положено «хорошее начало важнейшей задаче — сохранению памятников для нужд науки путем монографического исследования каждого из них»²²⁷. Работы же 1895 и следующих годов, проведенные архитекторами А. В. Шусевым, П. П. Покрышкиным, фотографом С. М. Дудиным и другими во главе с Н. И. Веселовским, справедливо считаются началом систематического изучения историко-архитектурных памятников Самарканда, а курс, взятый Археологической комиссией под руководством Н. И. Веселовского по отношению к самаркандским памятникам, «на том этапе правильным»²²⁸.

Мавзолей Гур-Эмир был отнюдь не единственным историко-архитектурным объектом, привлечшим к себе внимание Н. И. Веселовского²²⁹.

На заседании Восточного отделения РАО 14 марта 1896 г. Н. И. Веселовский сообщил сведения о мазаре Кутби-Чаардегум, «построенном Тимуром в Самарканде и ныне совершенно уничтоженном артиллерийско-инженерными взрывами (при сооружении

с. 291; Ср. с указанием В. А. Крачковской на то, что Н. И. Веселовского можно упрекнуть «за неправильное применение... термина «мечеть» вместо правильного «усыпальница», «мавзолей» («Эпиграфика Востока», VII. М. — Л., 1953, с. 52).

²²⁵ ЗВОРАО, т. XXV, 1921, с. 352. В связи с этим позднее и А. Ю. Якубовский отметил, что Н. И. Веселовский, «написавший к нему (альбому. — Б. Л.) историческое введение, не ознакомился с письменными источниками, которые помогли бы разобраться в самой постройке, не поставил этой проблематики, которая даже в научных условиях этого времени сама собой напрашивалась» (Якубовский А. Ю. Из истории археологического изучения Самарканда..., с. 295).

²²⁶ Ср. у Бартольда: предпринятое по почину Н. И. Веселовского «такое издание, как альбом «Самаркандские мечети», которому, по замечанию самого Николая Ивановича, из заграничных изданий соответствовали только «*Momentos arquitectonicos de España*» (Сочинения, т. IX. М., 1977, с. 652).

²²⁷ Якубовский А. Ю. Из истории археологического изучения Самарканда..., с. 229.

²²⁸ Там же, с. 294—295.

²²⁹ Косвенно с мавзолеем Гур-и Эмир связан и сделанный Н. И. Веселовским 22 января 1904 г. доклад о первоначальном месте погребения Тимура (ЗВОРАО, т. XVI, 1906, с. XX).

крепостных построек) и предъявил фотографический снимок означенного памятника»²³⁰.

Самодовлеющую ценность являют опубликованные Н. И. Веселовским в качестве приложения к изданию «Самарийя» фотография, чертеж и план самаркандского мазара Нур ад-Дина Басира, взорванного в июле 1880 г. в связи со строительством новой цитадели для царских войск. Фотография, сделанная перед разрушением мазара, была заимствована Веселовским из материалов известного «Туркестанского альбома», а чертеж и план извлечены при содействии И. Т. Пославского из дел Джизакской инженерной дистанции Туркестанского военного округа. Этим рисункам в предисловии Веселовского к книге «Самарийя» сопутствует выписка из дневника Низам ад-Дина-ходжи с рассказом о переносе им останков Нур ад-Дина Басира в новое место погребения, снабженная переводом на русский язык, выполненным В. А. Жуковским.

После землетрясения 5 октября 1897 г. Веселовский представлял туркестанским властям проект поддержания в сохранности соборной мечети Биби-Ханым²³¹.

29 января 1905 г. Н. И. Веселовский внес в Русский комитет для изучения Средней Азии²³² предложение об ассигновании средств на увековечение в чертежах и рисунках мечети Ходжи Ахмеда Ясеви в городе Туркестане «подобных тем, которые сделаны для мечети Гур-Эмир»²³³. Ввиду очевидной опасности,— писал Н. И. Веселовский,— для туркестанских мечетей, построенных Тамерланом, подвергнуться разрушению вследствие разных неблагоприятных обстоятельств, на нас лежит долг сохранить память о них в архитектурных чертежах и рисунках... Время не ждет. В 1897 г. от землетрясения рухнули ворота мечети Биби-Ханым; в 1903 г. свалился последний минарет у мечети Гур-Эмир. К счастью, и ворота и минарет были уже зарисованы архитекторами и спасены для целей изучения, иначе пришлось бы довольствоваться фотографиями, которые ни в каком случае не могут заменить архитектурных чертежей. Чтобы избежать в ближайшем будущем подобных, ничем не вознаграждаемых, утрат, я предлагаю комитету... на свои средства оборудование какого-либо от-

²³⁰ ЗВОРАО, т. X, 1897, с. XIV; ср.: Археологические известия и заметки, т. IV, № 5—6, М., 1896, с. 177.

²³¹ Веселовский Н. И. Мечеть Биби-Ханым.— «Туркестанские ведомости», 31 января 1899 г., № 9 (1725); ср. ответ на заметку Веселовского в № 16 газеты от 25 февраля 1899 г. за подписью «Самаркандский хроникер». Ответ последнему Веселовского: Веселовский Н. И. О самаркандских древностях (Письмо в редакцию).— «Туркестанские ведомости», 18 апреля 1899 г., № 80 (1746). Дополнение В. В. Бартольда к статье Н. И. Веселовского в «Туркестанских ведомостях» см.: Мечеть Биби-Ханым.— «Русский Туркестан», 24 марта 1899 г., № 34.

²³² Из новой литературы о деятельности комитета см.: Люстерник Е. Я. Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии.— «Народы Азии и Африки», 1975, № 3, с. 224—232.

²³³ ИРКИСВА, № 5, Май, 1905, с. 16—17. На эти цели Н. И. Веселовский испрашивал 3000 руб.

дельного здания, и с именем комитета была бы связана судьба этого здания. Таким достойным затраты памятником является мечеть Ахмеда Ясави в г. Туркестане».

В том же году под общим руководством Н. И. Веселовского была осуществлена на средства Русского комитета экспедиция в город Туркестан для научной фиксации мавзолея Ахмеда Ясави²³⁴.

В Туркестане работали с этой целью художники-архитекторы А. И. Горохов (Казань) и А. М. Гуржиенко (Петербург). В июле 1905 г. в Туркестан прибыл Н. И. Веселовский, осмотревший составленные членами экспедиции чертежи мечети (план, фасад, разрезы). «По прибытии на место я взял на себя,— сообщал Н. И. Веселовский,— разбор надписей как на мечети, так и на отдельных предметах и проверку надписей, скопированных художниками. Я поручил художникам исполнить несколько дополнительных рисунков, а именно: резных дверей перед усыпальницей хазрета Ахмеда Ясави, большого бронзового котла, двух бронзовых подсвечников и наконечника от стяга. Все это в настоящее время упомянутыми художниками и приводится в исполнение. Между прочим, г. Гороховым исполнен в чертежах михраб... Гуржиенко занят в настоящее время изготовлением планов, фасадов и разрезов мечети»²³⁵.

В заседании Русского комитета 30 ноября 1905 г. был доложен отчет Н. И. Веселовского о работах по исследованию мечети Ахмеда Ясави²³⁶.

И в последующем Веселовский не упускал случая, чтобы просить ассигнования на продолжение работ по научной фиксации историко-архитектурных памятников Средней Азии. Так, на заседании 13 ноября 1908 г. Русский комитет по предложению Н. И. Веселовского постановил ассигновать 400 рублей «на окончание начатых С. М. Дудиным рисунков с самаркандских мечетей»²³⁷. На заседании Русского комитета 20 апреля 1909 г. В. В. Бартольд сообщил о просьбе Н. И. Веселовского назначить некоторую сумму на продолжение работ архитектора К. К. Романова в Самарканде²³⁸, которая и была ассигнована.

Не ограничиваясь всем этим, Веселовский возбудил перед Русским комитетом вопрос о мерах по сохранению архитектурных памятников Самарканда.

Комиссия, избранная 10 ноября 1907 г., «обсудив вопрос о мерах к сохранению самаркандских мечетей...», пришла к заключению, что и по существу дела, и по задачам нашего комитета имеется только одно доступное средство, это — продолжение начатого уже дела по снятию чертежей, рисунков, фотографий с мечетей и производству точных обмеров зданий. Подобная задача испол-

²³⁴ Веселовский Н. И. Экспедиция в г. Туркестан для снятия планов и зарисовок в красках местной мечети.—ИРКИСВА, № 6, Декабрь, 1906, с. 23—26.

²³⁵ Там же, с. 24.

²³⁶ Там же, с. 8.

²³⁷ ИРКИСВА, № 10, Март, 1910, с. 5.

²³⁸ Там же, с. 16.

нена относительно древнейших и главнейших мечетей (Биби-Ханым, Гур-Эмир, Шах-Зиндэ) и заканчиваются чертежи мечети Ахмеда Ясави в г. Туркестане на средства, отпущенные комитетом; следующая очередь была бы за мечетями на Регистане (Тиллякарн, Ширдор и Улугбек) и за мечетью... Рухабад»²³⁹.

Расход на упомянутые цели был определен в сумме 3000 руб., но изыскать эту сумму не удалось.

Вообще не будет преувеличением сказать, что Н. И. Веселовский ратовал за сохранение историко-архитектурных памятников Средней Азии при каждом удобном случае и не только в печатных, но и устных выступлениях, чаще всего, однако, встречая полное на сей счет равнодушие тех, от кого зависел отпуск необходимых средств. В этом отношении характерно выступление Н. И. Веселовского в 1911 г. с сообщением «О мерах к охране памятников древности» на вечере в политическом салоне у графа А. А. Бобринского в присутствии членов Государственного Совета. Веселовский пытался посетовать на расхищение памятников древности в Самарканде, в ответ на что «генерал Веретенников заметил профессору, что... не дело русского правительства заботиться о мусульманских мечетях, ему впору думать о своих церквях»²⁴⁰.

М. Е. Массон свидетельствует в качестве очевидца, что при осмотре высшими чинами колониальной администрации (1909 г.) прославленных архитектурных памятников Самарканда и в ответ на слова сопровождавшего им В. Л. Вяткина о необходимости в средствах на их поддержание последовала реплика генерал-губернаторского адъютанта, что «самое лучшее поставить четыре взвода артиллерии и всю эту рухлядь расстрелять»²⁴¹.

Еще один современник воспроизводит по другому случаю слова самого генерал-губернатора, который, прочитав обращение о принятии мер к охране древних мусульманских памятников, заметил: «Чем скорее разрушится все это, тем лучше для [нашей] государственности»²⁴².

Известно, что на широкую и подлинно научную почву дело изучения, охраны и реставрации архитектурных памятников Средней Азии было поставлено уже в новую историческую эпоху, в годы Советской власти. Это не умаляет, конечно, заслуг Н. И. Веселовского, приложившего много сил, энергии и инициативы в деле научного обследования, охраны и фиксации жемчужин древнего зодчества Средней Азии²⁴³.

²³⁹ ИРКИСВА, № 9, Апрель, 1909, с. 2.

²⁴⁰ А. Э.-н. В политическом салоне.— «Новое время», 7 декабря 1911 г., № 1238 (ср. ИАК, Прибавление к вып. 44, 1912, с. 169).

²⁴¹ Массон М. Е. Три эпизода, связанные с самаркандскими памятниками старины. Ташкент, 1972, с. 20.

²⁴² Гартвельд В. Н. Путевые очерки Туркестана. М., 1914, с. 131.

²⁴³ Были и ошибки на этом пути. Так, например, Веселовский недооценил высокого научного значения руин самаркандского мавзолея Ишратхана и, основываясь на современном неприглядном состоянии здания и его архитектур-

Что касается научных выводов Н. И. Веселовского по историко-архитектурным памятникам Туркестана, то, по справедливому замечанию Бартольда, «в этой части своей деятельности Н. И. был несколько менее счастлив, чем в своих раскопках; его догадки о происхождении и назначении построек основывались на недостаточном материале и не всегда были удачны»²⁴⁴.

Говоря о заботе Веселовского об охране выдающихся памятников зодчества в Самарканде, в том числе памятников, связанных с именем Улугбека, надо подчеркнуть также, что вместе с В. В. Бартольдом Н. И. Веселовский поддерживал идею увековечения памяти Улугбека. 23 декабря 1908 г. Бартольд писал Веселовскому: «Председатель Русского астрономического общества был у меня и сообщил мне, что обществу высочайше разрешено приступить к возведению памятника Улугбеку, для чего оно отчасти уже располагает необходимыми средствами. Мы сошлись с ним, во-первых, на том, что лучшим памятником была бы сама обсерватория, приведенная в такой вид, чтобы она могла сохраниться для потомства; во-вторых, что из учреждений им достаточно обратиться к Среднеазиатскому комитету²⁴⁵, к Археологической комиссии и к Археологическому обществу; в-третьих, что было бы лучше всего, если бы комитет командировал на соответствующие заседания [в Петербурге] Цейля, комиссия — Вас, Археологическое общество — меня»²⁴⁶.

«Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве» и другие историко-востоковедческие работы

Переходя к характеристике историко-востоковедческих работ Н. И. Веселовского о Средней Азии, мы должны и по времени выхода в свет, и по научному значению остановиться прежде всего на его историко-географическом очерке Хивинского ханства²⁴⁷.

В основу очерка легла работа Н. И. Веселовского, защищенная им на получение степени магистра истории Востока.

ного декора, дал в 1905 г. заключение, что охрана остатков Ишратханы не является необходимой, что повлекло за собой последующую утрату некоторой части здания (ср. Массон М. Е. Самаркандский мавзолей, известный под названием Ишратхана. Историко-археологический очерк. — В кн.: Мавзолей Ишратхана. Ташкент, 1958, с. 45—46).

²⁴⁴ Бартольд В. В. Указ. соч., с. 813.

²⁴⁵ Имеется в виду Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии (Петербург).

²⁴⁶ ЦГАЛИ, ф. 118, оп. I, д. 794, л. 9 об. Как известно, до революции намечавшимся планам увековечения памяти Улугбека не суждено было совершиться и только в наши дни территория, примыкающая к остаткам самаркандской обсерватории, была благоустроена и сооружен памятник Улугбеку.

²⁴⁷ Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего. Н. И. Веселовского. Спб., 1877, 364 с. По словам автора, советами и указаниями по данной работе он обязан В. В. Григорьеву и П. И. Лерху, «обязательно руководившим меня при составлении этого очерка» (с. VII).

В архиве сохранилось заключение проф. В. В. Григорьева по этой работе Веселовского, содержащее, в частности, рекомендацию о публикации ее «на счет факультета». Оно гласит: «Рассмотрев по поручению факультета труд Веселовского под заглавием «Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего», представленный для получения степени магистра по кафедре истории Востока, нахожу я этот труд соответственным своему назначению. Автор перечитал все, что было известно мне о предмете, и дорылся до некоторых сведений, даже для меня новых, хотя я сам специально занимался тем же предметом. Таким образом, со стороны полноты собранного материала работа г. Веселовского представляется мне безупречною. Не могу, к сожалению, отозваться с такою же похвалою относительно обработки этого материала: она могла и должна бы быть гораздо более тщательною. Автор, видимо, спешил представлением труда своему факультету и не отделявал его частей с одинаковой внимательностью. Но и в том, далеко не отделанном, виде, в каком представлен факультету труд г. Веселовского, он не только может быть допущен к защищению как написанный сообразно научным требованиям, но и заслуживает напечатания на счет факультета как представляющий первый и единственный доселе опыт систематического свода наших сведений о Хивинском оазисе, могущий быть полезным даже для практических целей.

Таковое заключение свое честь имею представить на усмотрение факультета. В. В. Григорьев. 5 апреля 1877 г.»²⁴⁸.

Для своего времени очерк Веселовского был заметным явлением в русской востоковедческой литературе.

По духу и характеру книга Веселовского частично может быть поставлена в один ряд с известной публикацией Н. Н. Муравьева, долго остававшейся основным пособием по событиям начала XIX в. в Хиве²⁴⁹, В. В. Григорьева²⁵⁰ и особенно работой П. И. Лерха²⁵¹, которой «отчасти воспользовался» (слова В. В. Бартольда) в своей книге и Н. И. Веселовский.

Правда, в отличие от работы Лерха в очерках Веселовского чисто географической стороне дела уделено значительно меньшее внимание. Кроме того, если внимание Лерха приковано прежде

²⁴⁸ ЛГИА, ф. 14, оп. 3, л. 15576, т. 24—25. Заметим дополнительно, что представление факультета восточных языков на имя Совета Петербургского университета об утверждении Н. И. Веселовского в степени магистра было подписано такими выдающимися востоковедами, как В. Ф. Гиргас, В. В. Григорьев, К. П. Патканов, В. Р. Розен, Д. А. Хвольсон и др. (Там же, л. 15622, л. 15—16).

²⁴⁹ Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819—1820 гг. гвардейского генерального штаба капитана Николая Муравьева, посланного в сии страны для переговоров. М., 1822, ч. I, 179 с.; ч. II, 144 с.

²⁵⁰ Григорьев В. В. Описание Хивинского ханства и дороги туда из Сарайчиковой крепости.—Записки ИРГО. 1861, с. 105—138.

²⁵¹ Lerch P. Khiva oder Kharezmi. Seine historischen und geographischen Verhältnisse. St. P., 1873.

всего к давнему прошлому Хорезма, то Веселовский изучает историю Хивинского ханства, главным образом начиная с XVI столетия, в чем и заключается новизна этого исследования. Веселовский широко привлек к делу материалы из сообщений русских посланников в Хиву и путешественников по ней. Пользовался Веселовский и такими источниками, как Мирхонд, Ибн ал-Асир и другие восточные авторы.

В. В. Бартольд правильно отметил, что появление «хивинских» работ Лерха и Веселовского находилось в прямой связи с приготовлениями к известному хивинскому походу 1873 г. и результатами его²⁵² — обстоятельство для своего времени вполне закономерное. Связь между правительственными замыслами и появлением научных работ была довольно обычной. Вспомним, например, что появлением известного труда Бичурина (Иакинфа) мы обязаны тому, что в 1846 г. Бичурин получил от Академии наук задание написать сочинение на заданную тему, ибо «в 1847 г. русские войска начали наступление на Среднюю Азию, и для Академии наук составление такого труда имело особо актуальное значение»²⁵³.

Заметим также, что хивинский же поход вызвал к жизни принадлежащую перу П. И. Лерха и составленную им по поручению Русского географического общества обстоятельную инструкцию для русских офицеров, участников похода 1873 г. Инструкция эта ориентировала на самое разностороннее изучение Хивинского оазиса, но особое внимание уделяла отысканию, описанию и сохранению археологических, нумизматических, эпиграфических и этнографических памятников²⁵⁴.

Своей работе Веселовский предпослал довольно обширный общий очерк древней истории Хорезма (с. 1—80).

Учитывая уровень тогдашних знаний по древней истории Хорезма, следует признать, что этот очерк являл собою некоторый шаг вперед в обобщении разрозненных и разнохарактерных дан-

²⁵² Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России. Издание второе. Л., 1925, с. 259 (Сочинения, т. IX, М., 1977, с. 444). Год окончания Н. И. Веселовским университета был годом Хивинского похода (1873), стоявшего в центре внимания широкой общественности и будоражившего воображение ученых возможностями познания этой мало изведанной части огромной среднеазиатской территории. Несомненно, что именно этим объясняется выбор темы магистерской диссертации Веселовского: «Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего». Небезынтересно отметить, что защита эта нашла отклик на страницах газеты «Туркестанские ведомости», сообщившей биографические данные о Веселовском и о благоприятном исходе защиты («Туркестанские ведомости», 29 ноября 1877 г., № 47).

²⁵³ Бернштам А. Н. Н. Я. Бичурин (Иакинф) и его труд «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена». — Вступительная статья в кн.: «Бичурин (Иакинф). Собрание сведений...», т. 1, М.—Л., 1950, с. XXVI.

²⁵⁴ Вопросы, предлагаемые Императорским Русским географическим обществом при исследовании Хивинского ханства и сопредельных с ним стран в географическом, этнографическом и культурно-историческом отношениях. — Записки ИРГО, 1873, т. IX, № 2, с. 43—73.

ных и материалов: от «клинообразных надписей» с именем Хорезма и известий греческих, китайских, византийских и арабских авторов до сведений русских и иностранных путешественников, исследований современных западноевропейских и русских ученых. Веселовского интересовал этнический состав населения древнего Хорезма. С сожалением отмечал Веселовский утрату местных (хорезмийских) рукописных источников, уничтоженных в период арабского завоевания по велению Кутейбы. Особое внимание уделил он истории Хорезма под властью саманидов, не без оснований отмечая, что «правление саманидов было самое благодетельное для стран, им подвластных». Характерно, однако, что, освещая многие стороны жизни Хорезма этого времени (территория, города и селения, оросительная система, династическая борьба и т. д.), Веселовский в значительно меньшей степени прослеживает внутреннее общественное устройство страны, далеко не в полной мере используя прямые или косвенные свидетельства изучаемых им древних авторов²⁵⁵.

То же касается и последующих разделов очерка (Хорезм под властью газневидов, сельджукидов, хорезмшахов, нашествие татар)²⁵⁶.

Вместе с тем, основной упор в книге Веселовского делается не на древнейшую историю Хорезма, а на историю Хивы с начала XVI в. Веселовский отмечает в связи с этим: «Древняя история Хорезма более обращала на себя внимание ученых, чем новая. Три года тому назад профессор арабского языка в Вене Э. Захау изложил древнюю историю Хорезма до нашествия на него татар²⁵⁷. Его изложение отличается такой обстоятельностью и такой полнотой, какой мы дать не можем, потому, между прочим, что не имеем тех источников, какие имелись в распоряжении у г. Захау. Поэтому я... обратил особенное внимание на новую историю Хивы, именно с начала XVI столетия, с утверждения в ней узбеков. Источниками служили для меня, главным образом, те отрывочные известия о Хивинском ханстве, которые оказываются почти исключительно у нас (в России.— Б. Л.). Эти известия рассеяны в разных путешествиях, журнальных и газетных статьях. Сбирать их приходилось капля по капле, склеивать и проверять попадавшие сказания было делом не трудным, но кропотливым.

²⁵⁵ При ближайшем рассмотрении окажется, впрочем, что при тогдашнем уровне знаний истории Хивинского оазиса Н. И. Веселовский вообще не мог дать обстоятельного и обширного обозрения его древнейших судеб. Было нелегко, по тем временам, осветить последовательно и средневековую историю ханства.

²⁵⁶ Отметим, что «древняя» история Хорезма была доведена Веселовским до середины XV в., т. е. до времени «образования в Средней Азии союза узбеков».

²⁵⁷ Статья его носит заглавие «Zur Geschichte und Chronologie von Khwārizm»; помещена она в *Sitzungsberichte der philosophisch-historischen Classe der Kaiserlichen Academie der Wissenschaften, zu Wien*, 1873 (в апрельской книжке помещена 1-я часть, в июньской — 2-я). Есть и отдельные оттиски. — *Примечание Н. И. Веселовского.*

Само собой разумеется, что наши известия для одного времени полнее, для другого скуднее или вовсе их не имеется, а потому и у меня местами события в Хиве изложены подробно, местами кратко. Сокращать подробности в видах пропорциональности я не считал себя вправе, так как мне хотелось показать, что мы знаем о Хиве»²⁵⁸.

История Хивы, начиная с XVI в. («Узбеки в Хорезме», «Правление инаков», «Кунградская династия»), освещается Веселовским преимущественно в плане политической истории, сводимой главным образом к смене одних властителей другими, показу междоусобной брани, что неизбежно придавало его исследованию односторонний характер и шло в ущерб освещению социально-экономической истории²⁵⁹.

Мы отнюдь не хотим сказать при этом, что данное обстоятельство лишало труд Веселовского научного значения. Приводимые им сводные данные об образовании узбекского и казахского союзов, об их племенном и родовом составе, о конкретных событиях политической истории (которые Веселовский стремился изложить с наибольшей степенью полноты и хронологической последовательности), несомненно, представляли самодовлеющий интерес.

Особенно ценными были попытки Веселовского уточнить годы правления того или иного властителя путем критического сличения данных различных источников и пособий (включая данные нумизматики), установить наиболее правильную русскую транскрипцию имен политических деятелей.

Обильный научный аппарат книги, широко охватывающий современную автору русскую и иностранную литературу, использование им известий древних авторов и частично (что особенно важно) восточных рукописей более позднего времени с комментариями («Родословное древо тюрок» Абу-л-Гази, хана хивинского, «Записки» Мирзы Шемса Бухари о некоторых событиях в Бухаре, Коканде и Кашгаре, «Тарих-и Муким-хани» Мухаммеда Юсуфа Мунши и др.) свидетельствуют об эрудиции автора. И несмотря на то, что в наши дни многие из приводимых им данных устарели или должны быть признаны неточными, а то и просто неверными, книга Н. И. Веселовского в качестве первого сводного, в широком плане выполненного очерка истории Хивы не потеряла известного значения и сейчас²⁶⁰.

²⁵⁸ Веселовский Н. И. Указ. соч., с. VII.

²⁵⁹ Не без некоторых, впрочем, исключений. Для XIX в. Веселовский приводит некоторые данные о торговле, финансовом состоянии ханства, его доходах и расходах.

²⁶⁰ Для того, чтобы представить себе, как далеко ушли наши сведения о том же древнейшем прошлом Хивы (Хорезма) со времени появления в свет работы Н. И. Веселовского, достаточно напомнить об итогах работы Хорезмской экспедиции АН СССР во главе с С. П. Толстовым (см. его книги: Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М., 1948; По следам древнехорезмийской цивилизации. М.—Л., 1948; По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962; и др.). О более поздней истории Хорезма, в частности после XVI в., см.: Бартольд В. В. К истории Хорезма в XVI веке (Сочинения,

Во всяком случае поставленная Веселовским цель — показать, «что мы знаем о Хиве» — была в значительной степени достигнута, хотя читатель книги и оказывался недостаточно посвященным во внутреннюю жизнь ханства, систему социальных отношений, в судьбы и борьбу его народных масс²⁶¹.

В связи с этим поучительно, например, сопоставить работу Н. И. Веселовского с очерками по истории Хивинского и Бухарского ханств, принадлежащими перу известного историка-востоковеда П. П. Иванова. Дело здесь не только в том, что в распоряжении Иванова находилась сумма материалов, которой не располагал, да и не мог еще располагать Веселовский. Речь идет о том, что если основное внимание буржуазного ученого Н. И. Веселовского сосредоточено преимущественно на «голой» политической истории ханства, то советский ученый П. П. Иванов, отнюдь не игнорируя политической канвы событий, стремится выяснить их социально-экономический смысл и подоплеку, уделяет пристальное внимание хозяйственному образу жизни местного населения. Не менее характерно, что если в глазах Веселовского узбеки выглядели как некая единая масса с особенностями, присущими ей в целом, то П. П. Иванов отделяет «верхи узбекского общества», «влиятельную знать узбекских племен» от массы населения, рассматривает причины и цели покровительства узбекских ханов наиболее авторитетным кругам местного духовенства и т. п.

П. П. Иванов не просто констатирует наличие той или иной налоговой системы в ханстве, но выясняет характер форм и категории землевладения, сущность отдельных видов налогов, более широко, чем Веселовский, интересуется влиянием оседлоземледельческой культуры на социально-экономическую жизнь кочевой или полукочевой части узбекского народа и пр.²⁶²

Конечно, такое сопоставление работ Веселовского и Иванова возможно прежде всего в плане сравнения методологических принципов, методики исследования и освещения исторического материала. Было бы наивно упрекать задним числом Веселовского за то, чего он не сумел, да во многом и не смог бы сделать не только при своих индивидуальных качествах и особенностях исследователя, но еще и при современном ему уровне и характере знаний и представлений о Средней Азии. Разумеется, будь Веселовский более вооружен знанием подлинников уже тогда в той или иной степени доступных ученым письменных источников (восточных рукописей) и будь он человеком более широкого кругозо-

т. III. М., 1965, с. 257—259); Он же, Хорезм (там же, с. 544—552); Он же. Новый источник по истории Хорезма (Сочинения, т. VIII. М., 1973, с. 575—578) и др. Ср.: [Лукин Б. В.] Краткий вспомогательный указатель литературы по истории Хорезма.— В кн.: История Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1976, с. 306—315.

²⁶¹ Более подробная характеристика некоторых сторон этой работы Веселовского по Хивинскому ханству содержится в главе III настоящей книги.

²⁶² Ср.: Иванов П. П. Очерки по истории Средней Азии (XVI—середина XIX в.). М., 1958, 247 с.

ра и прогрессивных взглядов, он и в рамках своего буржуазного мировоззрения мог бы проявить большее внимание к социально-экономической стороне дела.

При оценке работы Н. И. Веселовского по Хиве следует учитывать также замечания В. В. Бартольда. По его словам, выбор Веселовским этой темы последовал, «вероятно, не без влияния Лерха, о котором он (Веселовский) упоминает в предисловии как о своем руководителе, наравне с проф. Григорьевым». Зависимость эта сказывается и в том, что «в тексте книги повторена ошибка Лерха, полагавшего, что с конца XIV до второй половины XV в. мы не имеем о Хорезме никаких сведений. По плану работа Николая Ивановича,— продолжает Бартольд,— существенно отличается, однако, от работы Лерха. Вопреки заглавию... автор говорит в предисловии, что «избегал, по возможности, всяких географических исследований», тогда как в работе Лерха географическим вопросам отведено значительное место. Для Лерха «Хива» была прежде всего старым культурным «Хорезмом»; Николай Иванович обращает внимание не столько на этот Хорезм..., сколько на «новую историю Хивы именно с начала XVI столетия, с утверждения в ней узбеков», причем главным источником для него были сообщения русских послов и путешественников.

Этим в значительной степени определяются достоинства и недостатки не только магистерской диссертации Николая Ивановича, но и других его трудов по истории культурной жизни Средней Азии. Подробное ознакомление с восточными источниками было в этом случае еще более необходимо, чем при изучении истории кочевников»²⁶³.

Не следует, однако, забывать известного ленинского указания, что «исторические заслуги судятся не по тому, чего не дали исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому, что они дали нового сравнительно со своими предшественниками»²⁶⁴. Это применимо и в отношении деятелей науки. Будет справедливо признать, что как очерки по истории Хивы, так и другие публикации Н. И. Веселовского по истории Средней Азии в определенной степени вносили новое сравнительно с трудами его предшественников.

И хотя работа Н. И. Веселовского не давала «полного описания ханства» и «для изучения Хивинского ханства при русском владычестве сделано [было] столь же мало, как для изучения Бухарского»²⁶⁵, все же надлежит признать, что книга Веселовского долгое время оставалась основным и во многом единственным сводом исторических сведений по Хиве, особенно XVI—XIX вв.

²⁶³ Бартольд В. В. Н. И. Веселовский как исследователь Востока и историк русской науки.— ЗВРАО, т. XXV, 1921, с. 347—348 (Сочинения, т. IX. М., 1977, с. 656—657).

²⁶⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 178.

²⁶⁵ Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России. Сочинения, т. IX. М., 1977, с. 444.

В 1878 г. Веселовский выступил с исторической справкой по мангытской династии правителей Бухары, содержащей данные об обстоятельствах воцарения мангытов в Бухаре (со времени атаклыка Даниял-бия). В справке содержались краткие биографии Шах-Мурада (1789—1801), Мир-Хайдара (1801—1826), Сайид-Эмир-Хусейна (1826), Омара (1826—1827), Насруллы (1827—1860), Эмира Музаффера (с 1860 г.)²⁶⁶.

В 1879 г. Н. И. Веселовский опубликовал большую статью о русских невольниках в Средней Азии²⁶⁷. Последние фигурируют уже в известиях арабских писателей X в. (славяне в числе продававшихся в Средней Азии рабов). С XVI в. число русских невольников здесь растет еще более приметно и к началу XIX в. доходит до двух тысяч. Это были пленники, захваченные казахами на уральской казачьей линии, калмыками за Волгой, туркменами на Каспийском море, иногда каракалпаками и башкирами. Невольников доставляли на главный рынок рабов в Хиве, отчасти в Бухаре.

Веселовский подробно рассматривает время с XVIII до начала XIX в. со ссылками на Дженкинсона, русских путешественников, современных авторов, выясняет условия содержания русских в неволе, их занятия (полевые работы, расчистка арыков, невольники-умельцы). Особый экскурс составляет рассмотрение мер русского правительства (начиная с XVII в.) по возврату невольников.

В архиве Веселовского содержится немало копий с документов, характеризующих дипломатические, торговые и другие связи России с Средней Азией по теме «Русские невольники в Средней Азии»²⁶⁸. Несомненный интерес представляют многочисленные выписки и библиографические заметки Веселовского по теме «Русские пленные»²⁶⁹, также его «Записка о необходимости издать сборник рассказов русских пленных»²⁷⁰.

Как историк-востоковед Н. И. Веселовский оставил нам крайне ценное и обширное печатное наследство по посольским связям Российского государства с Средней Азией, особенно с Бухарой и Хивой. Этот материал и сейчас служит существенным, хотя и требующим критического к себе отношения, подспорьем при изучении вопроса об исторических корнях торгово-экономических и

²⁶⁶ Н. [Веселовский]. Мангытская династия, ныне царствующая в Бухаре. — «Туркестанские ведомости», 18 июля 1878 г., № 28.

²⁶⁷ Веселовский Н. И. Русские невольники в среднеазиатских ханствах. — «Туркестанские ведомости», 28 августа и 4 сентября 1879 г., № 34, 35 (также в кн.: Материалы для описания Хивинского похода 1873 года. Под редакцией генерал-лейтенанта В. Н. Троцкого. Ташкент, 1881).

²⁶⁸ См., например, писарский «Список с привезенного из Хивы бухарским купцом Гарифом Атаганиевым письма от некоторых находящихся там пленников на имя его сиятельства Господина Оренбургского Военного Губернатора» от 15 августа 1832 г. (ЦГА.П.И, ф. 118, оп. I, д. 290, л. 1—6); Дело дальнейших исследований — установить, что из этих материалов было полностью или частично опубликовано и что нет.

²⁶⁹ ЦГА.П.И, ф. 118, оп. I, д. 289, л. 95.

²⁷⁰ Там же, д. 522, л. 1—1 об.

политических связей Средней Азии с Россией, в частности вопроса о предпосылках присоединения Средней Азии к России.

Веселовский объяснял причину своего внимания к материалам о посольствах России в Среднюю Азию тем, что «статейные списки наших посланцев в Среднюю Азию представляют драгоценный источник для изучения внутреннего состояния среднеазиатских ханств в XVII и XVIII столетиях».

В 1882 г. была напечатана статья Веселовского о посольстве в Хиву И. М. Федотова (1669—1670)²⁷¹, «список» которого, по мнению автора, наиболее ценен для изучения внутреннего положения Хивы конца XVII в. Статья Веселовского содержала извлечение из отписок государю астраханских воевод о посольстве в Хиву Ивана Федотова (Федотьева) и перевод с фарси на русский язык послания хивинского Ануш-хана 7 февраля 1670 г. на имя царя Алексея Михайловича об отправлении в Москву обратного посольства и о создании обоюднo благоприятных условий для торговли между Хивой и Россией²⁷².

В 1891 г. Н. И. Веселовский выступил со статьей, освещавшей по документам Главного архива министерства иностранных дел жизнь и деятельность казанца Ивана Даниловича Хохлова, дважды ездившего на Восток с дипломатическими поручениями: в Персию, а затем в Бухару (1620). Веселовский выяснил обстоятельства поездок Хохлова, в частности его поездки в Бухару к Имамкули в качестве посланника царя Михаила Федоровича, прокомментировал ранее опубликованный статейный список Хохлова («Сборник князя Хилкова», Спб., 1879), выяснил задачи посольства (торговые дела, «размен» пленными и т. п.). В статью Веселовский включил тексты челобитной Хохлова к царю Михаилу Федоровичу (1622) и текст «рописи» убытков, причиненных Хохлову разными несчастными обстоятельствами²⁷³.

Еще раньше, в 1884 г. появилась одна из наиболее важных публикаций Веселовского, посвященная посольским связям России с Средней Азией в XVII—XVIII вв.²⁷⁴.

Эта работа Веселовского основывалась на документальных материалах архива министерства иностранных дел. Особенное внимание автор уделил хивинским делам «потому собственно, что бухарские уже извлечены из архива» («Архив Калачева», «Сборник

²⁷¹ Веселовский Н. И. Посольство в Хиву Ивана Матвеева Федотова и его статейный список пребывания в Хиве. 1669—1670.— «Туркестанские ведомости», 25 мая 1882 г., № 20.

²⁷² О Федотове см. также: Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Материалы по истории народов СССР, вып. 3. Л., 1932, с. 282—283, 333—336.

²⁷³ Веселовский Н. И. Иван Данилович Хохлов (Русский посланник в Персию и в Бухару в XVII веке).— ЖМНП, ч. XXIII, 1891, январь, с. 48—72.

²⁷⁴ Веселовский Н. И. Прием в России и отпуск среднеазиатских послов в XVII—XVIII столетиях. По документам Московского главного архива Министерства иностранных дел.— ЖМНП, ч. CCXXIV, 1884, июль, с. 68—105; также: Веселовский Н. И. Татарское влияние на посольский церемониал в московский период русской истории. Спб., 1911.

кн. Хилкова») и потому, что именно хивинские дела «до сих пор оставались архивною тайною».

Своей целью Веселовский ставил показать, «с одной стороны, как происходил у нас прием послов и их отпуск, с другой — каким характером отличались сношения русских государей с среднеазиатскими ханами»²⁷⁵.

Веселовский воспроизвел с комментариями документальный текст с данными о приезде в Москву посольства Нарбуты Аваз-Бахадура от хана Асфендиара в 1636 г. и подробно изложил по документам посольство Артык-Батыра от хана Ильбарса в 1739 г.

По словам автора, он избрал объектом своего внимания посольства, отделенные более чем столетием, чтобы показать значительные изменения за это время в приеме Москвой послов: «В XVIII столетии мы усвоили много европейских обычаев в деле международных сношений с Востоком»²⁷⁶. Важными и меткими были замечания Веселовского касательно того, что в XVI и XVII вв. в наказах русским послам «с удивительной тонкостью предугадывались все вопросы, которые могли быть предложены послу в чужой земле и тут же давались на них ответы. Такое глубокое понимание Азии происходило главным образом из того, что послам нашим вменялось в непременную обязанность представить, по возвращении, подробный отчет о положении тех стран, которые они посещали, — и это главная польза от наших посольств в Среднюю Азию. А кроме того, при отправлении посланника знакомили со всем тем, что было сделано его предшественниками и что ими было достигнуто. Относительно Западной Европы мы во многих отношениях пребывали в неведении, писали грамоты к государям, уже умершим; но Азию знали превосходно»²⁷⁷.

Веселовский указывал, что с 1616 по 1744 г. из Хивы в Москву прибыло до 27 посольств, «не считая дополнительных к некоторым из них гонцов, приезжавших с многочисленными свитами особо. Средним числом одно хивинское посольство на 4½ года». По тем временам, при дальности расстояний и при неустойчивом характере политических и экономических связей между Россией и Средней Азией, такое количество посольств было немалым.

К сожалению, констатируя этот факт, Веселовский не пытался найти ему всестороннее объяснение, и здесь перед нами предстает теневая сторона как этой, так и других родственных по теме публикаций Веселовского.

Данные публикации, ценные своим фактическим материалом, научными комментариями, интересными авторскими наблюдениями, не отличаются, однако, глубиной анализа природы сношений России с Средней Азией. Не пытаясь, например, установить раз-

²⁷⁵ Веселовский Н. И. Прием в России..., с. 70. В архиве В. В. Бартольда хранится писанное рукой Н. И. Веселовского краткое содержание его сообщения «О посольстве в Крым столыника Б. А. Пазухина в 1679 г.» (ф. 68, д. 429, л. 115—116).

²⁷⁶ Веселовский Н. И. Прием в России..., с. 81.

²⁷⁷ Там же.

меров и характера торговых связей России с Бухарой и Хивой в отдельные периоды времени, Веселовский строит свои выводы соответственно принятой им общей схеме: хотя посольские отношения в XVII и первой половине XVIII в. «происходили самые оживленные», они были для России «довольно убыточны». Везде и повсюду Веселовский держится мысли, что все конкретные предложения ханов, делавшиеся Москве через их послов, были «однообразными» и «пустыми», оживленность же сношений была больше внешней и т. п.

Здесь сказалась некоторая недооценка Н. И. Веселовским подоплеки и предпосылок русско-среднеазиатских дипломатических связей того времени. Вопрос рассматривался им преимущественно в общеполитическом аспекте с преувеличенным вниманием к так называемым «любительским поминкам», в которых Веселовский усматривал не более, чем средство одностороннего испрашивания среднеазиатскими представителями у русских царей даров в пользу своих властителей. Это соответствовало и общему взгляду Веселовского в данном вопросе, согласно которому Москва не проявляла якобы заинтересованности в посольствах из Средней Азии, видела в них некую обузу для себя, что сама инициатива такого рода посольств не принадлежала Москве, а исходила от Бухары и Хивы. В глазах московских царей представители последних приезжали «без всякой надобности», и прием и отпуск их по определенному дипломатическому церемониалу являл собою не более чем «неизбежное зло». По мысли Веселовского, «главная, сокровенная, так сказать, цель всех этих посольств заключалась в выуживании... подарков»²⁷⁸.

Советские исследователи не без оснований критикуют эту упрощенную постановку вопроса²⁷⁹.

Можно, конечно, спорить, какая из сторон — Россия или Бухара и Хива — была на том или ином этапе развития дипломатических связей более в них заинтересована. К тому же несколько не удивительно, что Бухара и Хива, как правило, проявляли больше заинтересованности в развитии торговых и иных связей с обширным и крепнувшим российским государством. И все-таки не приходится сбрасывать со счетов наличия прямой и естественной заинтересованности московских властей в установлении нормальных экономических, а тем самым и политических отношений с Бухарой и Хивой.

Что же касается «поминков», то в наши дни М. Ю. Юлдашев высказал мнение, что, по сути дела, они в свою очередь были «ни чем иным, как торговлей между царем и ханом «заповедными»

²⁷⁸ Там же, с. 25.

²⁷⁹ Юлдашев М. Ю. Некоторые документальные данные о связях Средней Азии с Россией (XVI—XVII вв.). — Изв. АН УзССР, Серия общественных наук, 1958, № 4, с. 17—19; Также: Юлдашев М. Ю. К истории торговых и посольских связей Средней Азии с Россией в XVI—XVII вв. Ташкент, 1964, с. 28—30; из других публикаций см. еще: Зияев Х. Средняя Азия и Сибирь. XVI—XIX вв. Ташкент, 1962, с. 1—44.

монопольными товарами, которыми они беспощадно обменивались»²⁸⁰. Как бы ни были ограничены размеры и значение тогдашних торговых операций между Россией и Средней Азией и других дел (например, возврат русских пленных из Бухары и Хивы), посольские связи этих стран являлись исторически обусловленными и взаимополезными. Они олицетворяли собою начальный и по многим причинам экономического, политического и географического характера еще довольно неустойчивый, но закономерный этап будущих уже более широких и значительных связей России с Средней Азией, связей, которым было суждено сыграть для обеих сторон положительную роль.

Этой стороны дела Н. И. Веселовский недооценивал²⁸¹. При всем том его публикации по истории посольских связей Средней Азии с Россией внесли в свое время немало нового в литературу вопроса, да и сейчас не утратили известного научного значения²⁸².

Заслуживает, в частности, внимания вывод Н. И. Веселовского, что при осуществлении дипломатических связей московским правительством «каждый шаг определялся очень строго, взвешивалось каждое слово; все было направлено к тому, чтобы не потупить честь царскую и неразрывно связанную с ней честь государства. Формальной стороне дела придавалось такое значение, что за нею нередко ступевывалась сущность. Казалось, лучше отказаться от всего дела, чем согласиться на церемонию, несогласную с нашим этикетом. Для исполнения посольских поручений выбирались люди способные, надежные и более или менее заслуженные, смотря по важности поручения и степени могущества иностранного государства. Назначались: великие послы, послы, посланники, гонцы, гончики. Посольство состояло из трех или двух лиц, которые вели посольство вместе, нераздельно; свита их была многочисленна — иногда до сотни человек. Гонец ехал один или с подъячим, необходимым членом посольств для канцелярских работ; свита гонцов не отличалась многолюдством, и размер ее зависел от степени безопасности пути. В мелкие государства послов не отправляли, полагая, что довольно с них было и простых посланников из лиц еще не выслужившихся и не совсем знатного происхождения. Но все они — как послы, так и посланники и гонцы — одинаково отстаивали честь царскую и усерд-

²⁸⁰ Юлдашев М. Ю. К истории..., с. 28.

²⁸¹ С нашей точки зрения, новейшая критика Веселовского в данном вопросе (М. Ю. Юлдашев) все же не лишена известного преувеличения в оценке значения ранних посольских связей России с Бухарой и Хивой.

²⁸² Заметим, что в архиве Н. И. Веселовского, хранящемся в ЦГАЛИ (Москва), много черновых набросков, копий документальных материалов, относящихся к его работе по истории посольских связей России со Средней Азией и Востоком вообще. Таковы, например: «Черновые записи, заметки и выдержки о послах и дипломатических отношениях Московского государства с Востоком» (ф. 118, оп. 1, д. 280), копии и выдержки из дел о приеме в России и отпуске среднеазиатских послов» (д. 281), «Статейный список Пазухиных» (д. 283), «Черновые записи и заметки о русских пленных в Средней Азии» (д. 289, 290, 291 и др.).

но, не щадя живота своего, служили «государству и земскому делу». Все они, за очень немногим лишь исключением, вызывают уважение к своей непоколебимой твердости, выносливости, сознанию долга, которым не жертвуют ни для каких благ земных, терпеливо перенося всякие притеснения и в своей земле от воевод, всегда несправных в снаряжении посольства, и на чужбине от местных властей, стремившихся обидеть наших послов ради своекорыстных целей»²⁸³.

В том же 1884 г. Н. И. Веселовский отозвался статьей на «недавно состоявшееся добровольное подчинение российскому скипетру туркмен мервского оазиса, текинцев»²⁸⁴.

Говоря о стремлении туркмен перейти в русское подданство «без всяких поощрений к тому со стороны нашего правительства», Веселовский пытался выяснить предпосылки такого положения дел (переселение в Астрахань туркмен с Мангышлака в начале XVIII в. перед лицом натиска со стороны «их северных соседей» — волжских калмыков, грабивших шедшие из Хивы туркменские караваны с хлебом).

В связи с этим в центре внимания статьи лежит списанная Веселовским копия с прошения туркмен астраханскому губернатору И. В. Якоби от 26 июля 1778 г. касательно наложения на них ямской повинности в 1777 г. Прощение это было обнаружено Веселовским в главном архиве министерства иностранных дел в Москве. «Памятник чрезвычайно интересный, — замечает Веселовский. — Он с точностью определяет время прихода туркмен в Россию, что еще не было известно в печати. В нем перечислены все походы, в которых туркмены принимали участие». Результат прошения остался неизвестным²⁸⁵.

Далее в статье воспроизводится полный текст упомянутого прошения туркмен («мы, нижеподписавшиеся Туркменские Татары, напредь сего деды наши и отцы назад тому сто лет пришли добровольно из Мангышлака, а последние, уже тому 70 лет, блаженной и вечно достойной памяти государю императору Петру Великому в подданство служить»). В документе этом действительно очень интересен перечень походов, в которых принимали участие туркмены-переселенцы из Мангышлака («поход за каракалпаками», действия на Кубани и в Кабарде против ногайцев, в составе «легкой полевой команды», действовавшей против Пуга-

²⁸³ Веселовский Н. И. Иван Данилович Хохлов..., — ЖМНП, ч. XXIII, 1891, Январь, с. 48—49.

²⁸⁴ Веселовский Н. И. Первое подданство туркмен России. — Исторический вестник, Год V, Май 1884 г., с. 300—306. Из новой литературы вопроса см.: Тихомиров М. Н. Присоединение Мерва к России. М., 1960, 239 с.

²⁸⁵ Веселовский отмечает также обращение в 1741 г. к России с просьбой о хлебе туркмен, ушедших на Мангышлак из Хивы и Бухары вследствие нашествия на эти ханства шаха Надира. В 1803 г. после приема в Петербурге в 1802 г. депутатов мангышлакских туркмен они были приняты под покровительство России. Веселовский останавливается кратко и на последующих по времени фактах переселения туркмен (до середины XIX в.).

чева). Само прошение было составлено, очевидно, русским чиновником.

В статье опубликовано и вызванное прошением туркмен донесение Якоби от 15 декабря 1778 г. в государственную коллегия иностранных дел, «не соизволит ли [она] повелеть, по склонности их (туркмен) к прежней [кочевой] жизни.., оставить их на кочевье с калмыками»²⁸⁶.

К циклу работ Веселовского о связях России со Средней Азией примыкает и его критика ошибок и неточностей, допускавших отдельные исследователями при издании документальных материалов, характеризующих эти связи.

В процессе работы над изучением и публикацией документальных материалов о сношениях России с Средней Азией Н. И. Веселовский штудировал, естественно, уже возникшую по сему поводу литературу, отмечая неточности, допускавшиеся издателями документов и обусловленные тем, что «наши ориенталисты мало принимали участия в издании архивного богатства по сношению России с азиатскими народами, в большинстве случаев этот труд принимали на себя историки, специально Востоком не занимавшиеся и потому не стоявшие на высоте положення»²⁸⁷. К тому же «восточные грамоты переводились языком, и без того очень трудным для понимания, так как наши толмачи редко могли одолеть особенности восточного канцелярского языка».

С течением времени у Веселовского скопился ряд записей по таким неточностям. Наиболее существенные из них и нередко доходившие до курьезов были сведены в специальной статье²⁸⁸, в которой эти неточности не только указываются, но и комментируются и исправляются. Замечания Н. И. Веселовского касались неверного чтения собственных имен, отдельных слов и чтения целых фраз.

Конкретными объектами такого критического анализа служили ногайские дела, опубликованные Н. И. Новиковым в «Продолжении древней Российской Вивлиофики» (кн. VII—XI, Спб., 1791—1801), работа Г. Ф. Карпова «Сношения с Крымскою и Ногайскою ордами и с Турцией с 1474 по 1502 г. и с 1508 по 1521 г.» (Сборник Русского исторического общества, т. 41, Спб., 1895), изданные Ф. Ф. Лашковым «Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI—XVII вв.» (Известия Таврической Ученой архивной комиссии, вып. IX—XII), напечатанный А. И. Маркевичем «Список с статейного списка подъячего Василия Айтемирава, посланного в Крым с предложением мирных договоров. 1692—1695» (Записки Одесского Общества истории и древностей, т. XVIII, XIX).

Заметим, что данная статья Н. И. Веселовского если не опровергает полностью, то, во всяком случае, существенно уточняет довольно распространенное мнение, что «разбросанность» и эн-

²⁸⁶ Веселовский Н. И. Первое подданство.., с. 306.

²⁸⁷ «Живая старина», вып. II—III, год XVIII, Спб., 1909, с. 236.

циклопедичность научных интересов Н. И. Веселовского мешала глубине и серьезности изучения им рукописей. Чтобы подметить многочисленные неточности в упомянутых работах и правильно истолковать неверно переведенные и неточно трактуемые слова и термины «восточных грамот», требовались, конечно, не только широкая эрудиция и знание материала, но и кропотливое штудирование соответствующих публикаций. Н. И. Веселовский по-прежнему сличал, например, печатные тексты в работе Карпова с листами оригиналов, причем «не нашел ни одной страницы без ошибок, более или менее существенных»²⁸⁹.

Заключая свою статью, Н. И. Веселовский писал: «Надеюсь, что мне удалось доказать читателю, насколько еще несовершенно стоит у нас дело издания памятников дипломатических сношений с азиатскими народами и как было бы важно на будущее время не повторять старых ошибок и погрешностей»²⁹⁰.

В целом следует полностью согласиться с мнением В. В. Бартольда, что «дело собирания и критического исследования рассказов русских послов и путешественников выполнялись им (Веселовским) в совершенстве. В этом отношении как исследователь истории Средней Азии, так и русские историки еще долго будут находиться в зависимости от работ Николая Ивановича, не только от изданных им архивных материалов, но и от подробных и тщательных комментариев к летописным и другим известиям»²⁹¹.

В соответствии с специфической задачей нашей работы мы оставляем здесь в стороне многочисленные труды Н. И. Веселовского по различным аспектам истории монголо-татар. Ограничимся указанием, что эти работы Веселовского в известной степени облегчили ему изыскания в области истории Средней Азии.

Добавим, что в рамках нашей книги нет возможности остановиться на всех работах Н. И. Веселовского по истории Средней Азии и сопредельных местностей, тем более, что те или иные сведения по ней содержались не только в работах специально среднеазиатской тематики, но и в других публикациях ученого.

В подтверждение сказанного и для привлечения внимания читателей к этой части наследия Веселовского приведем несколько примеров.

Так, Н. И. Веселовскому принадлежали предисловие и примечание к тексту рассказа петровского дипломата капитана И. Унковского о его посольстве к ойратам в 1722—1724 гг.²⁹² В 1899 г.

²⁸⁸ Веселовский Н. И. Погрешности и ошибки при издании документов по сношению русских государей с азиатскими владельцами. — «Живая старина», вып. II—III, год XVIII, 1909, с. 237—268.

²⁸⁹ Там же, с. 253.

²⁹⁰ Там же, с. 268.

²⁹¹ Бартольд В. В. Н. И. Веселовский как историк Востока — ЗВРАО, т. XXV, 1921, с. 348 (Сочинения, т. IX. М., 1977, с. 657).

²⁹² Записки ИРГО по отделу этнографии, т. X, вып. 2, Спб., 1887. «Записки И. Унковского стали известны русской научной общественности благодаря тому, что их изданию содействовали член РГО Ф. А. Бюлер и редактор Н. И. Веселовский» («Русские путешественники и исследователи о киргизах», Фрунзе, 1973, с. 7).

Н. И. Веселовский опубликовал рассказ кокандского кушбегИ Мирзы Ахмеда о событиях в Кокандском ханстве и о Якуб-беке, записанный И. М. Оранским²⁹³.

Н. И. Веселовскому принадлежит экскурс в этимологию топонима Арбат (части старой Москвы), название которого, по его мнению, происходит от «рабат» — торгово-ремесленное предместье (арабское «рабат», по словам Веселовского, не было известно татарам и для их городов). Более вероятно значение рабат — странноприимный дом²⁹⁴.

В числе других востоковедов касался Веселовский и злободневного для его времени вопроса, в какой мере могут сказаться экономические выгоды от присоединения Туркестана к России²⁹⁵.

Все это, повторяем, не более чем отдельные примеры, призванные показать, какое большое количество различных данных и сведений по Средней Азии и сопредельным местностям содержится в публикациях Н. И. Веселовского, а также в его рукописном наследии, ждущем своего подробного описания и изучения.

Одной из последних по времени опубликования явилась статья Н. И. Веселовского о так называемых «каменных бабах», представлявшая значительный интерес для дальнейшего изучения статуарных изваяний этого типа на территории Семиречья и всей Средней Азии²⁹⁶.

Этой работе предшествовала статья «Статуи воинов из категории каменных баб»²⁹⁷ и нескольких других публикаций о «каменных бабах». Кроме того, Н. И. Веселовским было осуществлено «капитальное исследование о балбабах («мнимых каменных бабах». — Б. Л.), в котором был собран колоссальный материал и которое представляло плод его многолетних изысканий... [но] этот труд оказался похищенным у Н. И. вместе с багажом на... железнодорожной станции во время одного из его последних путешествий на Кавказ»²⁹⁸.

Н. И. Веселовский связал понимание культового значения «каменных баб» с содержанием текстов орхонских надписей, пы-

²⁹³ ЗВРАО, т. XI, 1899, с. 90—103.

²⁹⁴ Веселовский Н. И. О названии «Арбат». — Древности Восточные, т. II, вып. I, 1896, Протоколы, с. 67. В. В. Бартольд отмечает, что арабское «рибат», или «рабат» не следует «смешивать со словом «рабад» в Туркестане» («История культурной жизни в Туркестане». — Сочинения, т. II, ч. I, М., 1963, с. 202—203).

²⁹⁵ ЗВРАО, т. VI, с. 344 и др.

²⁹⁶ Веселовский Н. И. Современное состояние вопроса о «каменных бабах», или «балбабах». — Записки Одесского Общества истории и древностей, т. XXXII, 1915, с. 408—444. В статье описано также собрание «каменных баб» Одесского музея.

²⁹⁷ Известия Таврической ученой архивной комиссии, Вып. 45. Симферополь, 1911, с. 27—30.

²⁹⁸ Фармаковский Б. В. Н. И. Веселовский — археолог. — ЗВРАО, т. XXV, с. 375.

тался установить ранние и поздние хронологические рамки их распространения и т. п. Статья сразу же обратила на себя внимание специалистов и краеведов-любителей как дающая правильные ориентиры понимания сложного вопроса о времени бытования и семантике «каменных баб» — вопроса, который «долгое время был загадкой для ученых» (слова В. В. Бартольда) и оброс множеством самых различных, нередко произвольных толкований. При тогдашнем уровне знаний статья Веселовского приобретала характер этапной публикации, сохраняя эту роль на протяжении нескольких десятков лет, пока не появились в свет капитальные исследования советских археологов Л. А. Евтюховой²⁹⁹, А. Д. Грача³⁰⁰, Л. А. Плетневой³⁰¹ и других, уточнившие и развившие положения Н. И. Веселовского и других ученых и существенно расширившие на основе изучения большего и нового фактического материала наши представления о различных и разновременных типах «каменных баб». Но и до сих пор сохраняет значение определение Н. И. Веселовским ряда изображавшихся на «бабах» предметов быта, в частности, деталей одежды и др.

Отметим также, что появление в свет работы Н. И. Веселовского побудило В. В. Бартольда выступить со статьей, цель которой «только дополнить статью Н. И. Веселовского некоторыми данными, во-первых, о последнем по времени кочевом народе, ставившем каменные бабы, т. е. о половцах, во-вторых, о народе, который из всех кочевников достиг наибольшего политического могущества и о котором мы поэтому имеем больше всего известий, т. е. о монголах»³⁰².

Публикация письменных источников по истории Средней Азии

Остается добавить, что Н. И. Веселовскому-востоковеду мы обязаны также публикацией рукописных источников по истории Средней Азии, причем, действуя в этой сфере, Веселовский не пренебрегал и таким специфическим видом исторических источников, как воспоминания современников о тех или иных исторических событиях или народные предания о них и т. п., что также нельзя не поставить ему в заслугу.

В 1904 г. увидел свет подготовленный к печати Н. И. Веселовским таджикский текст рукописи Мир Абу-Тахир садр Самар-

²⁹⁹ Евтюхова Л. А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии. — Материалы и исследования по археологии СССР, № 24. М., 1959, с. 72—120.

³⁰⁰ Грач А. Д. Древнетюркские изваяния Тувы. По материалам исследований 1953—1960 гг. М., 1961, 95 с.

³⁰¹ Плетнева С. А. Печенеги, тюрки и половцы в южнорусских степях. — Труды Волго-Донской археологической экспедиции, т. I. М.—Л., 1958, с. 151—226 (Материалы и исследования по археологии СССР, № 62).

³⁰² Бартольд В. В. К вопросу о погребальных обрядах турков и монголов. — ЗВРАО, т. XXV, 1921, с. 57 (Сочинения, т. IV. М., 1966, с. 379).

кандского (30-е годы XIX в.) «Самарийя»³⁰³, содержащей важное для историков и археологов описание древностей и мусульманских святынь Самарканда³⁰⁴.

Веселовский так объяснил свое стремление выпустить в свет таджикский текст этой рукописи: «Вяткин для своего перевода пользовался тремя списками, которые в общем оказались полнее моей рукописи. Таким образом, русским читателям представлена полная возможность пользоваться этим сочинением. Оставалось только еще обнародовать подлинный текст. В 1895 г. мне удалось приобрести в Самарканде от мирзы Абу Саида Магсума, одного из самых начитанных в мусульманской литературе туземцев, список Самарийи, едва ли не самый близкий к оригиналу, так как отец Магсума, Мулла-Карн, занимавший должность мудarrisа при медресе Шейбани-хана, был учеником Абу Саида-ходжи (в честь его и дал имя своему сыну) и списал для себя рукопись Абу Тахира в мухарреме 1292 (1875) г., что и отметил на последней странице своей книги.

Я тогда же задумал издать этот текст вместе с переводом, который уже приготовил в черновом виде, но появление перевода г. Вяткина сделало мой уже излишним, поэтому я ограничился печатанием только текста.

Для сравнения и вариантов я имел еще две рукописи: одну, находящуюся в Азиатском музее Академии наук, другую мне доставил г. Вяткин; последняя обозначена у меня третьей рукописью»³⁰⁵.

Список «Самарийи» Веселовский получил от Абу Саида в со-
путствии со следующим посланием: «Эта книга, сладостью пре-
восходящая сахар, в подарок Вам из Самарканда пришла; в ней
собраны все следы и признаки времен, и в действительности, как
посмотришь, весь Самарканд к Вам прибыл». Личность Абу Саида
Махзума заслуживает внимания историкографа»³⁰⁶. По представ-

³⁰³ Самарийя. Сочинение Абу Тахир-ходжи. Таджикский текст, подготов-
ленный к печати проф. Н. И. Веселовским (с предисловием и приложением
рисунков). Спб., Издание факультета восточных языков Санкт-Петербургского
университета, № 21, 1904, XII+81 с. Корректурные листы книги читались
В. А. Жуковским.

³⁰⁴ О рукописи «Самарийя» см.: Собрание восточных рукописей Академии
наук Узбекской ССР, т. 1, Под редакцией А. А. Семенова. Ташкент, 1952,
с. 306—307. Существует также не только перевод «Самарийя» с таджикского
на русский язык, выполненный В. Л. Вяткиным (Самарканд, 1899), но и край-
не редко встречающийся и мало известный перевод: Самарийя. Сочинение
Абу-Тагир-ходжи. Переведено с персидского на тюркский Мирза-Баратом.
Издано Н. П. Остроумовым. Ташкент, 1884. Согласно любезной справке
Б. А. Ахмедова, имеется также перевод с таджикского на узбекский язык, осу-
ществленный 'Абд ал-Му'мином Саттари (ум. в 1925 г.), отредактированный и
подготовленный к печати Садриддином Айни в 1925 г. (хранится в Институте
Востоковедения АН УзССР, инв. № 600). Подготовлен к печати в 1970 г., но
пока не опубликован.

³⁰⁵ Самарийя..., с. III.

³⁰⁶ Лунин Б. В. Самаркандский любитель древностей и каллиграф Абу
Сайд Махзум. — История материальной культуры Узбекистана, вып. 7, Таш-
кент, 1966, с. 176—184.

лению В. В. Бартольда, он был премирован Русским комитетом для изучения Средней Азии за заслуги, оказанные им русским ученым, особенно при раскопках в Самарканде. Абу Саид Махзум изготовлял для ученых выписки из старинных восточных рукописей, помогал собирать и приобретать их, участвовал в раскопках, снимал копии с надгробных камней и т. п. «Я, кажется, Вам не писал о том,— сообщал В. Л. Вяткин в письме В. В. Бартольду 10 декабря 1910 г.,— что умер Абу Саид... Весной на раскопки цитадели (Афраснаба.— *Б. Л.*) он раза два-три приезжал.., но был уже крайне плох»³⁰⁷.

Н. И. Веселовский собирал и издавал также более поздние рукописные воспоминания, в частности те, которые относились к периоду присоединения Средней Азии к России.

По словам Веселовского, во время своего пребывания в Средней Азии он «не упускал из виду и задач исторических. В числе последних меня заинтересовал вопрос: какое впечатление на умы туземного населения произвели наши завоевания в Средней Азии, как смотрели туземцы на это... событие в то время и как смотрят теперь? Что думали туркестанцы во время недавней борьбы с нами о себе, о нас; чего ждали и чего опасались со стороны пришлых завоевателей? Мне казалось, что такое событие, как завоевание... Туркестанского края, не могло не отразиться в туземной литературе тем или иным образом... А для полного уяснения обстоятельств борьбы необходимо выслушать и другую сторону, в данном случае потерпевшую, иначе мы, с одними официальными донесениями и с рассказами своих только участников, можем впасть в односторонность и составить неверный взгляд на местное население, на его взгляды и деятельность в то время»³⁰⁸.

С помощью известного любителя старины и собирателя древностей Акрама Аскарова (Ташкент) в руки Веселовского попали две рукописи. Одна (неоконченная, на узбекском языке) неизвестного автора, другая, изданная Веселовским в тексте и переводе на русский язык³⁰⁹, была писана на «киргизском»³¹⁰ (приташкентском) наречии», принадлежала перу казаха Акджарской волости 29-летнего муллы Халибая и представляла собою запись воспоминаний 82-летнего отца Халибая — участника военных действий во время продвижения царских войск от Ак-Мечети до Ташкента³¹¹.

Надо заметить, что цветисто-восточному сочинению Халибая присуща и религиозная оболочка, стремление приукрасить деяния

³⁰⁷ Архив АН СССР, ф. 68, оп. 2, д. 55, л. 39.

³⁰⁸ Веселовский Н. И. Киргизский рассказ о русских завоеваниях в Туркестанском крае. Текст, перевод и приложения. СПб., 1894.

³⁰⁹ Там же, с. 5—40.

³¹⁰ Казахском.

³¹¹ «Язык Халибая,— замечает Веселовский,— не чисто киргизский (казахский.— *Б. Л.*), а значительно искаженный городским или семейным влиянием. Иногда он пишет по-киргизски, иногда по-сартовски и даже последние формы встречаются у него чаще, чем первые» (с. VII).

воспеваемых им участников борьбы с русскими войсками, брошенными царизмом на завоевание Туркестана, увлечение внешним ходом событий в явный ущерб освещению их внутреннего содержания, притом событий, далеко не всегда точно изложенных.

Все же внимательный исследователь черпает из этого своеобразного сочинения отдельные, весьма ценные для историка данные, помогающие лучше понять причины относительно легких успехов царского оружия в Туркестане. Так, например, описывая как мулла Алимкул (тогдашний фактический правитель Кокандского ханства, прибывший с отрядом своих войск в Ташкент для защиты его от царских войск) поносил на все лады представителей иканцев (жителей Икана) за их пассивность, за небрежение к интересам мусульманской веры и приговорил их к сселению, Халибай сообщает, что «иканцы, стар и млад, просили пощадить их как не имеющих *ни кола, ни двора*» (курсив наш.— Б. Л.). Описывая смерть Алимкула, убитого в ходе боев за Ташкент 9 мая 1865 г., Халибай рассказывает, что когда население Ташкента оповестили, что преемником Алимкула становится кокандский военачальник Султан Саид-хан, то «многочисленная толпа с дубинами в руках подступила к тюре Ходже Казию» (представителю клерикальной верхушки), заявляя: «Мы недовольны этим правителем... Да будет он изгнан из города!... Если же пожалеем его, то... ваши души расстанутся с телом, ваше имущество подвергнется разграблению, сады и дворы будут расхищены» (с. 55). Толпа требовала, чтобы Ходжа Казий отправился в Бухару и сообщил эмиру «о положении многочисленных бедняков» (курсив наш.— Б. Л.). Султан Саид-хан был изгнан из Ташкента.

Таким образом, опубликованный Н. И. Веселовским рассказ Халибая интересен в качестве одного из немногочисленных письменных свидетельств представителей местного населения о событиях, связанных с завоеванием Туркестана царизмом³¹².

В этой же книге Н. И. Веселовский опубликовал в виде приложения полученные им от Н. Ф. Катанова (и в его переводе) две песни, записанные Катановым в 1891 г. в укреплении Бахты Семиреченской области со слов узбека Эмир-хана из Самарканда («Песня Худояр-хана» и «Приход русских»), а также песню о казахском батыре Джан-ходже («Хвала Хан-Ходже»), записанную И. В. Аничковым в 1893 г. в Казалинске со слов джирау (играющего на домбре певца и рассказчика) Мусабая.

В «Песне Худояр-хана» и «Приходе русских» также есть небыстринтересные места. Так, в уста стенающего по поводу своего

³¹² Русский перевод рассказа Халибая Веселовский осуществил (его указание) «с помощью молодых туркологов Н. Ф. Катанова и П. М. Мелноранского». Отклик на публикацию Веселовского см.: Бартольд В. В. «Окраина», 25 февраля 1895 г., № 16; см. также: Бартольд В. В. Туземцы в русском завоевании.— «Туркестанские ведомости», 1898, № 13, 14, 35. Опубликованный Н. И. Веселовским «Киргизский рассказ...» и поныне используется различными авторами как ценный исторический источник (ср. например: Плоских В. М. Киргизы и Кокандское ханство. Фрунзе, 1977, с. 297 и др.).

поражения Худояр-хана певец вкладывает его признание, что, обзаведясь садом и дворцом и

«Назначив в нем рабов и рабынь
И еще несколько красавиц,
Я увлекся сильно ими
И забыл Господа своего».

В песне «Приход русских» заслуживает внимания историка сообщение, что Алмкула якобы застрелили «собственные солдаты».

Н. И. Веселовскому мы обязаны публикацией интересных данных о правителе Кашгарии Якуб-беке, записанных по просьбе Веселовского Н. М. Оранским со слов проживавшего в Ташкенте кокандца Мирзы Ахмеда, бывшего кушбеги, «близко стоявшего к Якуб-беку и к событиям его времени»³¹³.

Сейчас, когда историки и востоковеды обращают такое усиленное внимание на отыскание, перевод и издание восточных рукописей, отражающих события, предшествующие присоединению Туркестана к России и последующий период, взгляды авторов на эти события, уместно отметить, что «на необходимость выполнения этой работы» (важность которой не подлежит сомнению) «впервые обратил внимание проф. Н. И. Веселовский, справедливо полагавший, что при пользовании одними русскими источниками мы можем впасть в односторонность и составить неверный взгляд на местное население, на его взгляды и деятельность в то время»³¹⁴.

Из работы В. В. Бартольда по истории деятельности восточного факультета Петербургского университета мы узнаем также, что в 1872 г. Н. И. Веселовский под руководством В. В. Григорьева занимался «переводом с арабского и комментированием» описания Мавераннахра из сочинения Истахри³¹⁵.

Н. И. Веселовский — этнограф, историограф, редактор, рецензент

По словам В. В. Бартольда, «интерес к этнографии, по-видимому, проявился у Николая Ивановича [Веселовского] раньше,

³¹³ Веселовский Н. И. Бадаулет Якуб-бек, аталык Кашгарский.—ЗВОРАО, т. XI, 1899, с. 87—103 (Вступление Веселовского и текст «Рассказа Мирзы Ахмеда о себе самом и о кокандских событиях» и «Рассказа Мирзы Ахмеда об Якуб-беке»). Отметим, что в архиве В. В. Бартольда (Архив АН СССР, ф. 68) хранится «рукопись из бумаг Н. И. Веселовского. Историческая компиляция на персидском языке, 352 листа». Автограф с выписками из рукописи на персидском языке. Заглавие *بدائع التاريخ* (Туманович Н. Н. Описание архива академика В. В. Бартольда, с. 291—292).

³¹⁴ Бартольд В. В. События перед хивинским походом 1873 года по рассказу хивинского историка.—«Кауфманский сборник». М., 1910 (Сочинения, т. II, ч. 2. М., 1964, с. 400—401).

³¹⁵ Протоколы заседаний совета Императорского Санкт-Петербургского университета, № 7 (Бартольд В. В. Сочинения, т. IX. М., 1977, с. 171).

чем к археологии»³¹⁶. В рамках нашей книги мы лишены возможности проанализировать подробно все этнографические данные и наблюдения в трудах Веселовского.

Ограничимся здесь указанием, что Н. И. Веселовским составлен очерк с описанием традиционных мусульманских верований и обычаев: рамазана (поста) и курбан-байрама (праздника жертвоприношения). Первый из них Веселовский наблюдал в июне 1885 г. в Самарканде, второй в том же году, когда ему пришлось «быть в Бухаре... еще при прежнем эмире Музаффаре».

В очерке Веселовский приводит общие сведения об отмеченных «праздниках» в связи с установлениями Корана, а затем передает свои живые впечатления о виденном³¹⁷.

Интересовался Веселовский амулетами, бытовавшими среди населения Средней Азии, и выступал по этому поводу с сообщениями и рефератами³¹⁸.

Не ограничиваясь общими сведениями об амулетах, Н. И. Веселовский издал отрывок одного из так называемых бозбендов, или бозубендов (амулетов-молитв) в виде свитка «длиной 8 аршин, шириной 2 вершка», копию с которого он снял в бытность свою в Самарканде. Кроме молитв (на арабском языке), рукопись содержала предисловие «на таджикском наречии» с объяснением «благодетельных свойств [молитв]». Веселовский издал текст предисловия с русским переводом³¹⁹.

23 декабря 1891 г. Н. И. Веселовский прочитал на заседании Восточного отделения РАО реферат о плясовых песнях сартов³²⁰.

Под редакцией Веселовского вышли Записки Русского географического общества по отделу этнографии: том XVII, вып. I (1890) и вып. II (1891), том XXIV (1895).

Советами Н. И. Веселовского пользовался А. А. Боголюбов при подготовке к изданию роскошного альбома ковровых орнаментов закаспийских туркмен (салор и номуды)³²¹. Веселовский отозвался на эту книгу рецензией³²².

В поле зрения этнографических интересов Н. И. Веселовского входили туркмены, узбеки и каракалпаки, о чем свидетельствуют

³¹⁶ ЗВОРАО, т. XXV, 1921, с. 344.

³¹⁷ Н. И. В. Рамазан в Самарканде и курбан-байрам в Бухаре. — «Исторический вестник», год IX, т. XXXIII. Июль 1888 г., с. 141—147.

³¹⁸ ЗВОРАО, т. I, 1887, с. 7, XIX—XXX (заседания 13 декабря 1885 и 18 декабря 1886 г.). Некоторые обычаи, суеверия и предрассудки населения Средней Азии зафиксированы Веселовским в его записных книжках и путевых записях (дневниках). Мы находим здесь данные об обряде обрезания, о местном кукольном театре и т. п. (ЦГАЛИ, ф. 118, оп. I, д. 1205). Со слов Акрама Аскаророва Веселовский записал обряд поминок (там же, л. 85 об.—86).

³¹⁹ Веселовский Н. И. Бозбенд. — ЗВОРАО, т. I, 1887, с. 161—168.

³²⁰ ЗВОРАО, т. IV, 1892, с. XII. См.: Отчет о реферате Н. И. Веселовского о сартских плясовых песнях, читанном в заседании Восточного отделения Русского археологического общества. — «Новое время», 1891, № 5660.

³²¹ Ковровые изделия Средней Азии из собрания, составленного А. Боголюбовым, вып. I, СПб., 1908; вып. II, СПб., 1909 (Предисловие, с. II).

³²² ЗВОРАО, т. XX, с. 39—93.

некоторые материалы из его архива: письма Попова (1876 г.) с описанием орудий рыбного промысла у каракалпаков³²³, «Коллекция костюмов жителей Амударьинского оазиса (номера по порядку; наименование вещей, стоимость в рублях и копейках)», «Одежда узбекской женщины» (16 предметов), «Одежда мужчины узбека» (7 предметов), «Одежда туркменской женщины» (11 предметов), «Одежда мужчин туркмен» (7 предметов), «Одежда каракалпакского мужчины» (8 предметов), «Одежда каракалпакской женщины» (11 предметов)³²⁴. Имеется также аналогично составленная опись — «Образцы туземных изделий Аму-Дарьинского оазиса»: «Шелк» (5 наименований), «Шелковые местные изделия» (7 наименований), «Полушелковые изделия» (3 наименования), «Кокон» (3 наименования), «Бумажные изделия» (5 наименований), «Шерсти» (2), «Шерстяные изделия» (10 наименований)³²⁵.

Посмертно было напечатано большое историко-этнографическое исследование Н. И. Веселовского о роли и символическом значении стрелы в обрядах, в котором разъяснен, в частности, шаманский характер некоторых тюркских обычаев, связанных с культом стрелы³²⁶. Заметим, что эта поздняя работа Веселовского с новой силой показала широкую эрудицию ученого и умение аналитически подходить к письменным источникам, фольклорным данным, этнографическим наблюдениям, литературным пособиям и мастерски обобщать материал.

Быть может, не случайно Веселовский (по словам И. А. Орбели) «очень дорожил» этой работой и, будучи уже тяжело больным и учитывая трудное для издательских возможностей время (1917—1918 гг.), «высказывал уверенность, что не увидит в печати этой своей последней работы. Предположения Н. И. оправдались,— пишет И. А. Орбели,— он успел просмотреть и вернуть мне корректуру только первых четырех гранок³²⁷, смерть помешала ему довести до конца эту работу»³²⁸.

³²³ Напечатаны: Лунин Б. В. Из неопубликованных материалов к описанию народного промысла каракалпаков (По данным архива Н. И. Веселовского).— Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР, 1967, № 3, с. 113—119.

³²⁴ ЦГАЛИ. ф. 118, оп. 1, д. 330, л. 1—2 об (фото с писем было снято в архиве по просьбе Х. Зияева).

³²⁵ Там же, л. 3, 4. Описи содержат, видимо, перечень вещей, приобретенных по поручению Н. И. Веселовского. См. также д. 339 (копии и выдержки из сказаний о калмыках, каракалпаках и киргизах).

³²⁶ Веселовский Н. И. Роль стрелы в обрядах и ее символическое значение.— ЗВРАО, т. XXV, 1921, с. 273—292. В связи с отмеченным Веселовским казахским обычаем поднятия с молодой покрывала см.: Гордлевский В. А. Элементы культуры у касимовских татар.— Гордлевский В. А. Избранные сочинения, т. IV. М., 1968, с. 199.

³²⁷ Статья представляла собою текст доклада Н. И. Веселовского в сентябре 1917 г. на заседании Восточного отделения РАО и была сдана для опубликования в XXV томе его «Записок», у которого тоже была своя сложная и причудливая судьба: 10 печатных листов тома были набраны в 1917—1918 гг., затем набор был прерван с июля 1918 г. по апрель 1920 г., остальные 19 листов были набраны в 1920—1921 гг., а печатание начато в 1920 г. и закончено 3 июля 1921 г. (см. справку на 4-ой странице обложки XXV тома).

³²⁸ Примечание И. А. Орбели к печатному тексту статьи Н. И. Веселовского (ЗВРАО, т. XXV, с. 273).

В 1885 г. Н. И. Веселовский осуществил записи по языку ягнобцев, дополнившие аналогичные по характеру записи А. Л. Куна при участии Мирзы Абд ар-Рахмана («Материалы для исследования ягнобского языка», 1870), а также записи Ш. Акимбетова (1880), А. Г. Арендаренко (1885), а несколько позже (1887) Е. Ф. Каля.

Записи Н. И. Веселовского, как и других названных лиц, поступили в распоряжение академика К. Г. Залемана и вошли в III главу его «Ягнобских этюдов» («Материалы, собранные Уйфальви, Ш. Акимбетовым, Г. А. Арендаренко и Н. И. Веселовским»), уже прошедших корректуру, но оставшихся неизданными³²⁹.

Ценен и составленный Н. И. Веселовским дополнительный указатель литературы по этнографии казахов и киргизов³³⁰.

* * *

Мы должны признать значительными заслуги Н. И. Веселовского и в качестве исторнографа. Широко известны такие капитальные его работы, как «Сведения об официальном преподавании восточных языков в России», «История Императорского Русского Археологического Общества за первое пятидесятилетие его существования», «В. В. Григорьев по его письмам и трудам» и другие. «Историком русского востоковедения» назвал Веселовского И. Ю. Крачковский³³¹.

В некоторых из этих работ Н. И. Веселовского также имеются материалы, имеющие прямое или косвенное отношение к Средней Азии.

Интересно отметить, что своими исторнографическими изысканиями Веселовский продолжал дело, начатое его учителем Григорьевым, который создал капитальную работу о своем ученом друге и сотоварище по университету, востоковеде-нумизмате П. С. Савельеве³³², в которой (говоря словами современного исследователя) «научная биография Савельева излагается на фоне истории петербургского востоковедения того времени» и которая («живая, глубокая, остроумная») вошла наряду с другими био-

³²⁹ Ср.: Периханян А. Г. Карл Германович Залеман.— Очерки по истории русского востоковедения, IV, М., 1959, с. 90—91. Рукопись последней редакции «Ягнобских этюдов» хранится в архиве АН СССР (ф. 87, оп. 1, д. 208); ср. также «Ягнобские словарные материалы» (там же, д. 217).

³³⁰ Веселовский Н. И. Дополнение к библиографическому указателю статей, касающихся этнографии киргизов и каракиргизов, составленному А. Н. Харузиным.— «Этнографическое обозрение», 1891, вып. XI, № 4, с. 285—289; вып. XIII—XIV, № 2—3, с. 71—75.

³³¹ Крачковский И. Ю. Очерки по истории русской арабистики, М., 1950, с. 89.

³³² Григорьев В. В. Жизнь и труды ориенталиста-нумизмата П. С. Савельева, преимущественно по воспоминаниям и переписке с ним. СПб., 1861, 306 с.

графическими публикациями Григорьева «в золотой фонд источников и пособий по истории русского востоковедения»³³³.

Н. И. Веселовскому же принадлежит капитальное исследование жизни и деятельности В. В. Григорьева³³⁴. Правда, публикация Н. И. Веселовского о Григорьеве в некоторых отношениях уступает книге В. В. Григорьева о Савельеве. В работе Веселовского суше и бледнее авторское перо, более скупы выводы. И все же по богатству тщательно собранных и хорошо систематизированных данных монография Веселовского и поныне остается основным источником к характеристике жизни и деятельности В. В. Григорьева.

Говоря словами Бартольда, этой книгой Веселовский «поставил своему учителю памятник, какого не имеет до сих пор ни один из других русских ориенталистов. В этой книге ясно очерчено, со всеми своими достоинствами и недостатками, то научное направление (в востоковедении.— *Б. Л.*), главным представителем которого был Григорьев»³³⁵.

Поскольку научная деятельность В. В. Григорьева в значительной мере была посвящена Средней Азии, в работе Веселовского о Григорьеве немало ценного материала об этом.

То же можно сказать и о ряде некрологов, принадлежащих перу Веселовского. Таковы, например, биографические очерки «одного из замечательнейших наших ориенталистов» Николая Владимировича Ханыкова (1819—1878) — участника хивинской экспедиции 1839—1840 гг. и поездки в Бухару с посольством Бутенева в 1841 г.³³⁶, обстоятельный некролог В. В. Вельяминова-Зернова, в котором Веселовский характеризовал его заслуги и в области изучения истории-культурного прошлого Средней Азии³³⁷.

В специальном докладе Н. И. Веселовский осветил жизнь и деятельность известного русского туркестановеда, питомца факультета восточных языков Петербургского университета и одного из близких учеников В. В. Григорьева Николая Николаевича Пантусова (1849—1909)³³⁸.

В публикациях Н. И. Веселовского также освещен жизненный путь и научные заслуги востоковедов, в чьих трудах находила отражение и среднеазиатская тематика: А. К. Казембека,

³³³ Кононов А. Н. Некоторые вопросы изучения.... с. 18.

³³⁴ Веселовский Н. И. В. В. Григорьев по его письмам и трудам. 1816—1881. Спб., 1887, 288+105 с.

³³⁵ ЗВОРАО, т. XXV, 1921, с. 337.

³³⁶ Веселовский Н. И. Ханыков Николай Владимирович.— Энциклопедический словарь «Брокгауз—Ефрон», т. XXXVII, Спб., 1903, с. 56—57; Он же. Н. В. Ханыков.— В кн.: Русский биографический словарь. Том «Фабер—Цявловский». Спб., 1901, с. 279. Из новейшей литературы: Халфин Н. А. и Рассадина Е. Ф. II. В. Ханыков — востоковед и дипломат. М., 1977, 278 с. (рец.: Лунин Б. В.— «Народы Азии и Африки», 1978, № 5, с. 239—241).

³³⁷ Веселовский Н. И. В. В. Вельяминов-Зернов (1830—1904). Некролог.— ЖМНП, ч. CCCLII, 1904, Март, с. 197—212.

³³⁸ Известия Археологической комиссии, Прибавление к вып. 34. Спб., 1910, с. 6; Крачковский И. Ю. Очерки по истории русской арабистики. М.—Л., 1950, с. 191.

П. И. Лерха (совместно с В. Г. Тизенгаузенем), В. Р. Розена и др.

Среди биографических очерков, написанных Н. И. Веселовским, есть и такие, в которых он первым или одним из первых воскрешал из забвения и возвращал науке имена и труды некоторых исследователей Востока. Так, к примеру, ему (а также М. И. Сухомлинову и С. К. Буличу) принадлежит заслуга освещения плодотворной деятельности первого русского китаевода И. К. Рассохина³³⁹. Другой очерк Веселовского посвящен китаеведу К. А. Скачкову³⁴⁰.

Веселовский же опубликовал и «Записки без названия» китаевода Софрония Грибовского³⁴¹ и «Выписку из замечаний» Феодосия Сморгжевского о Пекинской духовной миссии³⁴².

В известной степени родственна очерку В. В. Григорьева по истории Петербургского университета за первую половину столетия его существования³⁴³ работа Н. И. Веселовского, посвященная истории преподавания восточных языков в России³⁴⁴.

Веселовскому «принадлежит,—свидетельствует в наши дни А. Н. Кононов,—единственное в своем роде исследование, к сожалению, никем не продолженное, «Сведения об официальном преподавании восточных языков в России» (СПб., 1879)»³⁴⁵.

Широкой известностью пользуется составленный Н. И. Веселовским очерк деятельности Русского археологического общества за 50 лет (1846—1896), в котором его члены-востоковеды объединились в Отделении восточной археологии³⁴⁶.

Основному тексту этой книги Н. И. Веселовского предпослана обстоятельная историография вопроса. Особенно ценен раздел «Первые археологи в России» с биобиблиографическими сведе-

³³⁹ См. Скачков П. Е. Очерки истории русского китаеведения. М., 1977, с. 52.

³⁴⁰ ЖМНП, 1883, № 6, с. 98—103.

³⁴¹ Материалы для истории Российской духовной миссии в Пекине. Под редакцией Н. И. Веселовского. СПб., 1905, с. 59—64.

³⁴² Там же, с. 65—71. Вообще Н. И. Веселовский не был чужд и китаеведению (ср.: Скачков П. Е. Очерки истории русского китаеведения, М., 1977, с. 9, 52, 84, 185 и др. по указателю имен). Общий курс истории Востока Веселовский читал на китайско-маньчжурском, китайско-японском и китайско-маньчжурско-монгольском разрядах кафедры китайской словесности восточного факультета Петербургского университета.

³⁴³ Императорский Санкт-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. Историческая записка, составленная... В. В. Григорьевым. СПб., 1870, 432+96 с.+СХХII с.

³⁴⁴ Веселовский Н. И. Сведения об официальном преподавании восточных языков в России.—Труды III Международного съезда ориенталистов в Санкт-Петербурге в 1876 году, т. I. СПб., 1879—1880, с. 99—256, 605—606.

³⁴⁵ Кононов А. Н. Предисловие [к т. IX сочинений В. В. Бартольда].—Бартольд В. В. Сочинения, т. IX, М., 1977, с. 6. О книге Н. И. Веселовского «Сведения...» см. также: Базиянц А. П. Историография Лазаревского института восточных языков.—В кн.: Современная историография стран зарубежного Востока, М., 1975, с. 142.

³⁴⁶ История Императорского Русского Археологического Общества за первое пятидесятилетие его существования. 1846—1896. Составил действительный член Н. И. Веселовский. СПб., 1900, 514 с.

ниями о многих деятелях на поприще зарождавшейся в XVIII — начале XIX в. русской археологии. Столь же интересны подобного рода справки о членах-учредителях Общества.

Подробно рассказывая, как зародилась и была осуществлена идея основания Общества, Н. И. Веселовский детально исследует его полувековую научную и издательскую деятельность. В отдельные разделы книги сведены данные о научных премиях Общества, об археологических раскопках, реставрации памятников древности, экспедициях, о работе отделений Общества (I. Отделение русской и славянской археологии. II. Отделение восточной археологии. III. Отделение археологии древнеклассической, византийской и западно-европейской). Даны также сведения о библиотеке и музее Общества. Обширен справочный отдел книги (устав Общества, помещение, средства, личный состав и др.).

Современного читателя составленная Веселовским история РАО разочаровывает в том отношении, что в ней главенствует чисто фактический материал, история этого крупного научного учреждения дана в отрыве от социально-экономической характеристики своего времени и за самым малым исключением рисует конкретных деятелей Общества в аполитичном плане. Порой, к тому же, фактический материал мелкого, сугубо второстепенного значения (движение членских взносов, расходы Общества, мельчайшие, чисто редакционные изменения в проекте устава Общества и т. п.) идет в ущерб полноте освещения более значительных событий в жизни Общества. Стиль изложения как бы свидетельствует, что книга писана пером «беспристрастного» летописца, творившего, «добру и злу внимая равнодушно»³⁴⁷. Если говорить о борьбе идей, то она представлена в книге Веселовского почти исключительно данными о том, как сторонники так называемой «русской партии» вели линию на освобождение «из-под опеки иностранцев, главным образом, немцев... попытку противопоставить западному, т. е. немецкому, влиянию, свою самобытность». Отмечая, что возникшая в связи с этим борьба приводила «к крайностям, к увлечениям, а отсюда, и к несправедливостям всякого рода» (и что уход из Общества иностранцев «несомненно причинил ущерб научным занятиям его»), Н. И. Веселовский явно сочувственно относился к тому, что «в литературе и в науке русская народность начала приобретать право на существование» и «небольшая горсть русских людей, умных, талантливых и патриотичных, сгруппировалась тогда около Д. А. и Н. А. Милютиных» и повела борьбу против «нравственного гнета, в каком их держала немецкая партия».

³⁴⁷ В этом отношении работа Веселовского о Григорьеве производит более благоприятное впечатление. В ней гораздо больше материала к пониманию политической обстановки и социальной среды, в которых протекали жизнь и деятельность Григорьева и формировались его взгляды. В значительной мере, однако, это объясняется самим характером излагаемого материала, поскольку Григорьев широко сочетал научную деятельность с общественно-политической, журналистской, административной и т. д.

Суть, однако, на «аполитичность» книги Веселовского, не следует забывать, вместе с тем, что он выступал в данном случае в трудной роли историка императорского научного учреждения, чья деятельность проходила под покровительством или при участии многих именитых особ. Уже одним этим обуславливалось преобладание в книге тона «бесстрастной летописи».

Кроме того, нельзя не признать, что по богатству материала, почерпнутого Веселовским из многочисленных документальных и литературных источников и сведенного (иногда по крупицам) в довольно стройную и последовательную систему, составленная им фундаментальная история Русского археологического общества служит и долго будет служить ценным и единственным в своем роде историографическим пособием, освещающим деятельность этого крупного научного учреждения.

* * *

Большое место в жизни и деятельности Н. И. Веселовского занимала работа в качестве редактора различных научных изданий³⁴⁸. В плане нашей книги надо отметить особо, что именно под редакцией Н. И. Веселовского было выпущено первое посмертное собрание сочинений известного путешественника и историка, этнографа и фольклориста Чокана Чингисовича Валиханова (1835—1865), видного просветителя-демократа, чье имя и труды по праву являются национальной гордостью казахского народа³⁴⁹.

Предложение редактировать сборник сочинений Валиханова Веселовский получил от Г. Н. Потанина и, как пишет об этом сам Веселовский, «несмотря на свои сложные занятия, не решился уклониться от этого дела, находя его безусловно полезным и необходимым как в память Чокана Валиханова, так и в интересах востоковедения»³⁵⁰.

Во вступительной заметке к книге Веселовский тепло отозвался о Валиханове, который, «как блестящий метеор, промелькнул над нивой востоковедения... Русские ориенталисты,— писал Веселовский,— единогласно признали в лице его феноменальное явление и ожидали от него великих и важных откровений о судьбе тюркских народов; но преждевременная кончина Чокана лишила нас этих надежд»³⁵¹.

Как редактор сочинений Валиханова Веселовский осуществил большую и инициативную работу. Он нашел в бумагах В. В. Григорьева две тетрадки с записями валихановского текста сказания об Эдиге и просил П. М. Мелиоранского подготовить текст сказа-

³⁴⁸ Частично о ней см.: ЗВОРАО, т. XXV, 1921, с. 354—355.

³⁴⁹ Сочинения Чокана Чингисовича Валиханова. Под редакцией Н. И. Веселовского.— Записки РГО по Отделению этнографии, т. XXIX, 1904. 530+32 с.

³⁵⁰ Сочинения Ч. Ч. Валиханова, Предисловие [Н. И. Веселовского], с. II.

³⁵¹ Там же, с. I.

ния к печати³⁵². Трудоемкой и кропотливой была работа Веселовского над оставшимися после Валиханова бумагами и черновиками рукописей. От Потанина он получил копии этих материалов, не сверенные с оригиналами. Пришлось разыскивать оригиналы, причем при посредстве Потанина Веселовскому удалось заполучить еще ряд бумаг частных лиц. Много усилий приложил Веселовский к отысканию оригинала работы Валиханова «О состоянии Алтышара, или шести восточных городов... Малой Бухарии в 1858—1859 гг. Извлечение из отчета штабс-капитана Валиханова». Между тем первое издание этой работы в Записках Русского географического общества (1861, кн. третья) было небрежным, изобиловало опечатками. Уже в ходе издания сочинений Валиханова Веселовскому удалось ознакомиться с рукописными экземплярами произведений в архиве министерства иностранных дел. Эта писарская копия имела исправления, сделанные рукою Валиханова, и Веселовский приложил к собранию сочинений выявленные им добавления и разногласия в рукописи³⁵³.

По инициативе Веселовского написали свои воспоминания о Валиханове Г. Н. Потанин и Н. М. Ядринцев, воспоминания, и поныне остающиеся драгоценным материалом к характеристике жизни и деятельности Валиханова³⁵⁴.

Кроме того, Веселовский обратился к известному русскому востоковеду, генеральному консулу в Кашгаре Н. Ф. Петровскому с просьбой просмотреть упомянутый неудовлетворительный текст географической части отчета Валиханова и сделать по нему свои замечания и поправки, которые также были напечатаны в издании сочинений Валиханова (с. 486—488).

Заботе Веселовского мы обязаны и первым по времени опубликованием ряда черновых бумаг Валиханова, его писем к Г. А. Колпаковскому и К. К. Гутковскому, извлечений из архивных материалов о Валиханове и т. п.

Нельзя, далее, не отметить хотя бы кратко, что под редакцией Н. И. Веселовского были изданы 17 и 24-й тома Записок Русского географического общества, тома I—III Записок разряда воен-

³⁵² Веселовскому мы обязаны также тем, что на заседании Восточного отделения РАО 21 марта 1902 г. он доложил текст отрывка из эпической поэмы «Манас» («Смерть Куко-тай-хана и его поминки») в переводе Ч. Ч. Валиханова, свидетельствующем, «как превосходно усвоил Валиханов русский язык и до какой степени силы и образности умел передавать по-русски сжатую киргизскую речь». Было отмечено присутствие в этом отрывке «завешания» Куко-тай-хана, параллели которой нет в известной радловской записи (ЗВОРАО, т. XV, 1904, с. VIII—XV).

³⁵³ Сочинения Ч. Ч. Валиханова... («Исправления и дополнения к напечатанному тексту», с. 388—403).

³⁵⁴ Сочинения Ч. Ч. Валиханова..., с. IV—XXXIX. Здесь же было опубликовано «Воспоминание о Чокане» И. И. Ибрагимова (с. XL—XLVI), довольно близкого в определенное время к Валиханову и его семье (ср.: Лунин Б. В. Среднеазиатский этнограф Шахимардана (Иван) Ибрагимов.— «Общественные науки в Узбекистане», 1960, № 5, с. 38—49).

ной археологии и археографии Русского военно-исторического общества, этнографическое исследование В. О. Серошевского «Якуты» и др. Особо должно быть отмечено трехтомное издание «Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией» (тома I—III, 1890—1898)³⁵⁵.

Был Веселовский и «фактическим редактором «Биографического словаря профессоров и преподавателей Императорского С.-Петербургского университета» за 1869—1894 гг.; им же редактировался третий (биографический) том «Материалов для истории факультета Восточных языков»; он же, наконец, взял на себя редактирование биографического материала по истории отдельных кафедр для сборника, который предполагалось издать к столетию Петроградского университета»³⁵⁶.

* * *

Для полноты характеристики Н. И. Веселовского как исследователя Средней Азии необходимо коснуться его научных рецензий, занимающих видное место в общем перечне его печатных трудов и относившегося, по словам В. В. Бартольда, «с полным уважением к каждому добросовестному исследованию или собранию материалов; только если автор ясно обнаруживал свое незнание с предметом, о котором говорил, тон рецензента становился резким, иногда слишком резким»³⁵⁷.

Следует особо подчеркнуть, что перу Веселовского принадлежит ряд рецензий на туркестановедческие издания, особенно на работы, вышедшие из-под пера местных деятелей. Внимательно

³⁵⁵ В наши дни отмечено, что предпринятая Н. И. Веселовским публикация «Памятников дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией» имела «недостатки, свойственные иранистике тех лет» (Халфин Н. А., Володарский М. И.—«Народы Азии и Африки», 1977, № 3, с. 214). В то же время трехтомник Веселовского оказался, к примеру, весьма полезным и был использован в числе других материалов при издании новейшим автором обобщающего исторического труда по данной проблеме: Бушев П. П. История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1586—1612 гг. (По русским архивам). М., 1976, 478 с.

³⁵⁶ Бартольд В. В. Н. И. Веселовский как исследователь Востока..., с. 354. Остается невыясненной судьба рукописи третьего тома «Материалов для истории факультета восточных языков» Петербургского университета (биографический словарь воспитанников факультета). Ср.: Бартольд В. В. Н. И. Веселовский как исследователь Востока..., с. 663; Умняков И. И. Аннотированная библиография трудов В. В. Бартольда..., с. 68. Из некролога Н. А. Медникова, принадлежащего перу И. Ю. Крачковского (ЗВРАО, т. XXV, 1921) известно, в частности, что и Медников «редактировал биографический словарь бывших студентов факультета восточных языков за 50 лет его существования, не законченный еще печатанием» (курсив наш.—Б. Л.). Следовательно, том уже находился в печати, но, как оказывается, и рукопись и верстка III тома («Биографический словарь окончивших курс Факультета восточных языков за полвека его существования») погибли во время пожара в петроградской типографии М. М. Стасюлевича в 1917 г. (Кононов А. Н. Предисловие [к IX тому Сочинений В. В. Бартольда] М., 1977, с. 5).

³⁵⁷ ЗВРАО, т. XXV, с. 348.

следил Веселовский за новыми изданиями и реагировал на их выход в свет обстоятельными и вдумчивыми отзывами в печати. Заметим, что в этом деле Веселовский не только не был одинок, но следовал определенной и крайне полезной традиции русского востоковедения (вспомним о многочисленных рецензиях на местные и другие издания по Средней Азии В. Р. Розена, В. В. Бартольда, С. Ф. Ольденбурга, А. Н. Самойловича и др.).

Практически ни одна сколько-нибудь приметная по содержанию, по своим положительным (или, наоборот, отрицательным) качествам работа, посвященная истории, археологии, этнографии, фольклору Средней Азии, не проходила мимо их внимания и находила оценку в пространных рецензиях или хотя бы в кратких рефератах и сообщениях. Одно из убедительных тому свидетельств — страницы Записок Восточного отделения Русского археологического общества.

Мы специально вспоминаем об этом; своими взыскательными, но благожелательными отзывами виднейшие русские востоковеды оказывали большую и серьезную помощь периферийным труженикам на поприще востоковедения, туркестановедения в частности. Было бы весьма целесообразно возродить эту традицию и в наши дни. Можно, конечно, возразить и указать, что времена переменялись, что сейчас и периферия страны, в частности такие города Средней Азии, как Ташкент, Ашхабад, Душанбе и другие, сами располагают многочисленными квалифицированными кадрами востоковедов, в том числе крупными специалистами. И все же такое возражение отнюдь не устраняет, как нам кажется, желательности того, чтобы ученые-востоковеды Москвы, Ленинграда и других центров чаще и более систематически рецензировали новинки востоковедческой литературы на местах.

В. В. Бартольд указывал, что Н. И. Веселовский был рецензентом «вообще очень строгим к трудам туркестанских деятелей»³⁵⁸.

Но тут же следует добавить, что наиболее суровым в своих оценках Веселовский был в тех случаях, когда речь шла о проявлении невежества, к тому же нарочито прикрытого оболочкой внешней компетентности.

В рецензии на книгу П. С. Васильева об Ахал-Текинском оазисе³⁵⁹ Веселовский, отметив наличие в литературе «живых, увлекательных очерков, данных нам инженером П. М. Лессаром», констатировал полную беспочвенность наивных исторических вымыслов Васильева о прошлом оазиса. «Не часто,— писал Весе-

³⁵⁸ Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана. Л., 1929, с. 131 (Сочинения, т. II, ч. I, М., 1963, с. 305).

³⁵⁹ Васильев П. С. Ахал-Текинский оазис, его прошлое и настоящее. Историко-географические и оро-геологические очерки Закаспийской области. СПб., 1880, 100 с. (Рецензия Н. И. Веселовского: ЗВОРАО, т. III, 1889, с. 131—133).

ловский,— приходится встречать так много промахов в такой небольшой книжке, как упоминаемая. Перечислять их нет и надобности, тем более, что и самым подробным разбором всех недочетов нельзя устранить появление упущений, никому не нужных и только напрасно загромождающих нашу литературу»³⁶⁰.

В другой рецензии, на книгу очерков П. Шубинского о Бухаре³⁶¹, Веселовский с удовлетворением констатировал, что в отличие от прежних времен «европейцы и особенно русские употребили столько усилий... на изучение Азии, что теперь-то мы можем отличить действительно полезное от ненужного хлама». В этом свете Веселовский подверг книгу Шубинского самому жесткому разбору, установив, что автор, «не имея ни малейшей подготовки, чтобы понимать представляющиеся на каждом шагу своеобразные явления среднеазиатского мира без знакомства с историей Средней Азии вообще и Бухары в частности... задумал представить нам по случайно попавшимся под руку книжкам и обитателей Бухарского ханства, и его историю. Нас всегда удивляло... что всякий турист, побывавший в Азии, незнакомый с восточными языками, непременно сочтет своей обязанностью дать описание своего путешествия, в котором не только изложит свои впечатления, но еще будет поучать. При некоторой доле беззащитности этим путем иные добились звания «знаменитых» путешественников и приобрели авторитет в вопросах, касающихся Азии.

Бороться с этим злом трудно и неприятно, но, с другой стороны, и молчать неудобно. Высказать свое мнение о книге Шубинского мы считаем нужным еще и потому, что «Очерки Бухары» печатались предварительно в «Историческом вестнике», журнале, пользующемся известным значением».

Уничтожающей критике подверг Н. И. Веселовский во многом исторически невежественную книжку Ф. Шварца о походах Александра Македонского в Туркестан³⁶².

Отмечая, что автор — известный астроном, пробывший в Туркестанском крае 15 лет и принимавший участие в целом ряде экспедиций для исполнения задач по своей специальности, Веселовский указал, что, следовательно, он имел возможность изучить физические особенности Туркестана и сопредельных стран во всех подробностях, что давало ему большое преимущество перед кабинетными учеными. Автор не только ознакомился со страной, но и мог бы воспользоваться, если захотел, трудами своих предшественников — Герцберга, Дройзена, Григорьева, отчасти Гутшмида. «Ведь мало сказать: «Я так полагаю» (как постоянно

³⁶⁰ Там же, с. 133.

³⁶¹ Шубинский П. Очерки Бухары. СПб., 1892, 107 с. (Рецензия Н. И. Веселовского: ЗВООАО, т. VIII, 1894, с. 157—165).

³⁶² Alexander des Grossen Feldzüge in Turkestan. Kommentar zu den Geschichtswerken des Flavius Arrianus U. Q. Curtius Rufus auf Grund vieljähriger Reisen im Russischen Turkestan und den angrenzenden Ländern von Franz v. Schwarz. München, 1893, 103 p. (Рецензия Н. И. Веселовского: ЗВООАО, т. VIII, 1894, с. 375—376).

делает г. Шварц), а надо еще сперва доказать, почему другие полагали неверно. Ничего подобного в книге г. Шварца не видно... Оказывается, что название «скифы» находит объяснение в русском глаголе «скитаться» и происходит от существительного скиталец или в сокращенной форме: скитец (как читатель — чтец), стр. 57. Туркмены, *noch meiner Ansicht*, — говорит автор, — представляют смесь массагетов с огузами (стр. 70), поэтому в параграфе о массагетах речь идет о туркменах. У автора все разрешается очень просто и очень легко, никаких затруднений он не встречает, но он не принимает в расчет, какие изменения могли произойти в Туркестане в течение 2200 лет».

Другим примером может служить критика Веселовским предисловия, которым местный туркестановед Н. С. Лыкошин снабдил свой перевод так называемой «Автобиографии Тамерлана», изданный в 1894 г. в Ташкенте. Видимо, искренне полагая, что он действует в интересах русской науки, Лыкошин сетовал на слабое внимание, проявленное в России, в отличие от Запада, на то, что, скажем, «известные записки султана Бабура в России были только изданы, а во Франции были переведены и снабжены прекрасным словарем», а «История Абул-Гази (Хивинского хана) тоже только начата была в России»³⁶³.

«Нельзя не потребовать [от Лыкошина], — писал Веселовский, — знания того предмета, о котором он берется говорить». И в подтверждение своих слов указывал, что «Записки Бабура были переведены на английский язык не только раньше французского перевода, но и задолго раньше издания текста их покойным Ильминским»; «что касается истории Абуль-Гази, то текст ее издан в России и притом дважды, а первый перевод (немецкий) и последний (французский) печатались в России»³⁶⁴.

Говоря о переводе, исполненном Лыкошиным, Веселовский отмечал, что он сделан по изданному в 1891 г. Н. П. Остроумовым (Ташкент) переводу тамерлановской «автобиографии», осуществленному в 1836 г. ходжентским жителем Набиджаном Хатифом по приказу кокандского Мадали-хана. «Но перевод Набиджана, во-первых, неполон, а во-вторых, Тамерлан писал автобиографию на языке, который литературно принято называть джагатайским и который у нас в Туркестане известен под именем сартского. Но на этом языке автобиография Тамерлана до нас не дошла, мы знаем ее только в переводе на таджикское наречие, на котором имеется много хороших списков этого произведения. Совершенно естественно поэтому, что для того, чтобы дать перевод «Автобиографии», надо обратиться к таджикскому тексту. Приемы, как это осуществить, достаточно выработаны для предприятий подобного рода.

³⁶³ Автобиография Тамерлана. Перевод с тюркского Лыкошина. Ташкент, 1894. с. 3—6.

³⁶⁴ Веселовский Н. И. [Рецензия]. — ЖМНП, ч. СССIII, Январь 1896, с. 225.

Г. Лыкошин поступил, однако, иначе: он взял для перевода не таджикский текст, а сартский перевод с него... Таким образом, труд Лыкошина пропал на этот раз даром»³⁶⁵.

Но и здесь Веселовский отнюдь не сводил дела к личной ошибке Лыкошина, а видел в ней отражение более широкого положения дел. «Ведь вот,— заключал свою рецензию Веселовский,— есть знание местных языков и местных обстоятельств, есть трудолюбие.., но недостает школы, которая дала бы направление ученым работам, которая научила бы, как надо работать, показала бы, над чем трудиться не стоит».

Столь же суровой критике подверг Н. И. Веселовский сочинение Л. Лянглэ о Тимуре, изданное в Ташкенте в русском переводе Н. Суворова³⁶⁶.

Отмечая, что доброе намерение Суворова — познакомить русских читателей с личностью Тимура — оказалось невыполненным из-за недобросовестности избранной для перевода публикации (Лянглэ «сделал свою работу просто: он только сократил Шереф-эд-Диново Зефер-намэ по переводу Пети де ла Круа, прибавил кое-что из других доступных ему источников и для своего времени дал, что мог.; теперь такую работу может сделать любой гимназист старшего класса, да еще и лучше»), Веселовский писал вместе с тем: «Мы вовсе не стали бы говорить об этой... книжке молодого начинающего деятеля, если бы она не свидетельствовала об одном, чрезвычайно отрадном обстоятельстве, а свидетельствует она о том, что среди нашей интеллигенции в Туркестане существует, и, как видно, все более и более усиливается интерес к местной истории и местной старине, а вместе с тем является желание чем-нибудь, по мере сил, удовлетворить потребности в руководствах и пособиях всякого рода. Но чтобы такая деятельность была плодотворной, нужно выработать для нее некоторые принципиальные положения и установить правильные направления».

В данном случае делу могли бы помочь местные ориенталисты, которые указали бы, что важно, а что нет, и которым самим открыто обширное поле для работы. В их распоряжении есть такие важные и в то же время в высшей степени заманчивые задачи, которые могут иметь большое влияние на развитие наших исторических сведений о Средней Азии»³⁶⁷.

Вслед за этим Веселовский перечислил ряд восточных рукописей, заслуживающих, по его мнению, внимания исследователей,

³⁶⁵ Веселовский не разделял сомнений о принадлежности биографии самому Тимуру (Ср.: ЗВОРАО, т. VI, с. 345; ЖМНП, ч. 303, с. 226—227). По этому поводу см. соображения В. В. Бартольда (Сочинения, т. VII, М., 1971, с. 657). См. также: Стори Ч. А. Персидская литература. Библиографический обзор. Перевод с английского, ч. II, М., 1972, с. 791—797, № 675 («Автобиографические воспоминания» Тимура).

³⁶⁶ Жизнь Тимура. Сочинение Л. Лянглэ. Перевел с французского Н. Суворов. Ташкент, 1890, V+72+II с. (Рецензия Н. И. Веселовского: ЗВОРАО, т. VI, 1892, с. 343—346).

³⁶⁷ Там же, с. 343—344.

издания и популяризации и давал каждой из них краткую характеристику («Приказы»³⁶⁸ Тимура, «Записки» султана Бабура, «Абдулла-намэ», вступление к «Зафар-намэ» и др.).

Насколько ревностно относился Н. И. Веселовский к нарушению принципов научного подхода, в частности, к чтению старинных текстов, может служить также его заметка «Развенчанный перстень» (Известия ИАК, вып. 37, 1910, с. 87—88), в которой он едко высмеивал Н. И. Троицкого за публикацию «Перстень Юф-бон-Амын-хана»³⁶⁹, на щитке которого, как оказалось, было начертано по-русски: «Перстень Софрона».

«Хотя востоковедение,— говорил по этому поводу Н. И. Веселовский,— и не стоит у нас на той высоте, как бы следовало по важности этого предмета для России в прошлом, настоящем и будущем, все же в этом отношении сделано не мало, по крайней мере столько, чтобы подобные рассуждения не могли появляться в ученом издании».

Быть может, несколько излишне суровой, но вместе с тем вполне обоснованной критике подверг Н. И. Веселовский известную книгу туркестановеда В. П. Наливкина по истории Кокандского ханства³⁷⁰. Веселовский справедливо указывал, что эта интересная работа много проигрывает от того, что, пользуясь при ее написании несколькими восточными рукописями разного времени (в основном, впрочем, относящимися ко второй половине XIX в.) и разного качества и достоинства, Наливкин, излагая почерпнутые из них данные, не делает ссылок на конкретные рукописи. Столь же обоснован упрек в отсутствии критического обзора источников: «Ничего не [сказал Наливкин] о внутреннем достоинстве этих сочинений и о степени их достоверности»³⁷¹.

Очевидно, недостаточным знакомством Наливкина с научной литературой вопроса было обусловлено его указание о почти полном отсутствии в русской и иностранной литературе сочинений, освещающих новейшую историю Ферганы. Веселовский ссылаясь на публикации Н. В. Ханыкова, В. В. Григорьева, В. В. Вельяминова-Зернова, отчасти Х. Френа и других, а равно на известия о Кокандском ханстве русских путешественников и т. п.

Известно, что Наливкин пытался ответить в своем сочинении на такие важные вопросы, как вопрос о пунктах древней оседлости Ферганы, о причинах, по каким та или другая народность заняла «то или другое относительное положение в ханстве», и т. п. Заметим, что само по себе такое стремление делало честь Налив-

³⁶⁸ «Уложение».

³⁶⁹ Археологические известия и заметки, IV, М., 1896.

³⁷⁰ Наливкин В. П. Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886, 215 с.

³⁷¹ Веселовский Н. И. Новые материалы для истории Кокандского ханства.— ЖМНП, ч. ССXI, VIII, 1886, Январь, с. 175—195. Известна также сокращенная редакция рецензии Веселовского на книгу Наливкина (Н. В. Краткая история Кокандского ханства. Составил В. Наливкин. Казань, 1886, IV+215 с.—ЗВОРАО, т. I, 1883, 1887, с. 227—228).

кину. Однако Веселовский был прав, упрекая Наливкина в чрезмерном привлечении материалов, содержащихся в восточных рукописях, ибо «эти предания интересны тем, что выражают позднейшие взгляды туземцев» на события далекого времени и «извлекать отсюда исторические факты надо с крайней осторожностью»³⁷². Ненадежными представлялись Веселовскому суждения Наливкина о времени возникновения Коканда и других городов Ферганы.

Проявляя солидную осведомленность в истории Кокандского ханства, Веселовский критиковал Наливкина и по целому ряду других вопросов его сочинения, а также за неточности в переводе мусульманского летоисчисления на наше время, за полное отсутствие сведений о такой примечательной личности, как Якуб-бек и т. п.

Тут же, однако, Веселовский оговаривал, что он считал «нужным высказать эти замечания ради того глубокого уважения, которое питал к автору этой книги, впервые вступившему на поприще истории Востока, поприще весьма нелегкое, где и опытный исследователь не всегда может избежать промахов, а новичку и тем более это трудно»³⁷³.

Суровая критика в адрес Наливкина как автора «Краткой истории Кокандского ханства» не помешала Веселовскому с высокой похвалой отзываться о другой работе Наливкина (точнее уже четы Наливкиных), содержащей описание жизни и быта женщин Ферганы³⁷⁴.

«Получил я от Вас из Казани,— писал Н. И. Веселовский Остроумову 19 сентября 1886 г.— книгу Наливкиных. Книга оказалась хорошей, не в пример «Истории»³⁷⁵.

Как бы следуя словам Бальзака, что за мужеством критики должно следовать мужество похвалы, Веселовский отмечает многочисленные достоинства книги Наливкиных, в которой «представлен не только быт женщины, но и вся жизнь оседлых обитателей Средней Азии». Все же самой интересной частью книги «является освещение положения женщин, которое,— по словам Веселовского,— на мусульманском Востоке и печально и безобразно. Там все для мужчин и ничего, или весьма немного, для женщин. Такой порядок установлен и освящен религией, исламом».

Общий вывод Веселовского сводился к тому, что «Очерк быта женщины оседлого населения Ферганы» — «труд добросовестный, в высшей степени полезный, а главное образцовый. Изучать и описывать просто, без всяких претензий на ученость, то, что перед

³⁷² Веселовский Н. И. Новые материалы..., с. 181.

³⁷³ Там же, с. 184.

³⁷⁴ Наливкин В. и Наливкина М. Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы. Казань, 1886, 224 с. (Рецензия Н. И. Веселовского: ЗВОРАО, т. I, 1887, с. 319—320). Более пространная рецензия: Веселовский Н. И. В. Наливкин и М. Наливкина. Очерк...— ЖМНП. ч. ССЛ, 1887. Апрель, с. 266—285).

³⁷⁵ ЦГА УзССР, ф. 1009, оп. I, д. 39, л. 7.

глазами — вот чего желали бы мы от местных деятелей на далеких окраинах. Для ученых работ там не найдется подчас самых необходимых пособий, без которых нельзя обработать тот или другой предмет как следует, и выйдет из такой работы лишь бесполезная трата времени для себя и для других, труды же вроде настоящего «Очерка» всегда будут ценным вкладом в науку»³⁷⁶.

В рецензии на книгу Наливкиных Веселовский сообщал попутно немало собственных впечатлений о жизни и быте городов Средней Азии и в связи с этим дополнил работу Наливкиных отдельными фактическими данными (жизнь ханских жен в Фергане, наряды и украшения женщины, каркасные строения и их устройство и т. п.).

Заметим в связи с этим, что и другие рецензии Веселовского нередко содержат большое количество ценных познавательных данных, научных сведений и соображений.

По представлению Веселовского Наливкины были удостоены награды Русского географического общества. «Зато я постарался за Наливкиных в Географическом обществе, — писал Веселовский 8 сентября 1887 г. Остроумову. — На этот раз стоило»³⁷⁷.

Подробному разбору подверг Веселовский и работу питомца факультета восточных языков Петербургского университета М. Н. Ростиславова касательно поземельной собственности и поземельного вопроса в Туркестане³⁷⁸.

По словам Веселовского³⁷⁹, Ростиславов («честнейший человек и даровитый труженик») затронул в своей работе «очень важный для края вопрос — поземельный. Обыкновенно мы разрешаем разные вопросы без справок с прошлым, так сказать наугад, и нигде мы так не грешим в этом отношении, как в Средней Азии... Вот почему, думаем, статья о поземельном вопросе в Туркестанском крае должна обратить на себя особое внимание местной администрации.

Автор разобрал все виды поземельной собственности — от амляков «государственных земель» до «вакфов». Он показал все тончайшие отношения прав приобретения и пользования землей в Средней Азии. А пользование там землей — дело очень сложное, хотя основной принцип этого пользования и очень прост»³⁸⁰.

По словам Веселовского, Ростиславов, выяснив «происхождение, особенности и способы приобретения «мильковых» земель, познакомил читателя также с арендной системой владения землей («системой довольно сложной») и с вакфами, хотя и «не

³⁷⁶ Веселовский Н. И. В. Наливкин и М. Наливкина, Очерк., с. 285.

³⁷⁷ ЦГИА КазССР, ф. 649, пакет 39.

³⁷⁸ Ростиславов М. Н. Очерк видов земельной собственности и поземельный вопрос в Туркестанском крае. — Труды III Международного съезда ориенталистов в Санкт-Петербурге, т. 1, СПб., 1879—1880, с. 327—359.

³⁷⁹ Веселовский Н. И. Труды третьего международного съезда ориенталистов в С.-Петербурге. 1876. — ЖМНП, ч. ССХІХ, 1882, Январь, с. 197—223.

³⁸⁰ Там же, с. 211—212.

указал разных уловок или способов обходить закон в вакфной системе».

Не согласился Веселовский с мнением Ростиславова, что некоторые владельцы земли в Средней Азии носили и носят титул сейида произвольно. «Не совсем произвольно, а по родству с сейидами. Обыкновенно сейиды заключают браки только между сейидами, и это правило соблюдается очень строго; только владельцы делают для себя исключение (иногда с грубым даже насилием), а в таком случае право на титул сейида приобретает уже по праву».

Отметил Веселовский и то, что статья Ростиславова составлена все же несколько поспешно, что особенно «проглядывает в перечне местных юридических сочинений, которыми пользовался автор».

В 1889 г. Н. И. Веселовский выступил с рецензией на изданные в Ташкенте Е. Т. Смирновым биографические очерки султана Ахмета Кенисары³⁸¹.

Веселовский подчеркивал значение стремления Е. Т. Смирнова и других туркестановедов побудить коренных жителей Туркестана «самых... повествовать о своих подвигах и о столкновениях с русскими. Таким путем мы получим исторический материал из противоположного лагеря, выслушаем другую сторону и тем избежим односторонности в наших взглядах и ошибок в выводах»³⁸².

Что касается рецензируемого сочинения, то речь шла о жизнеописании Кенисары и Садыка (жившего тогда в качестве «прощенного» русскими властями в Чимкентском уезде). Оно было составлено братом Садыка «султаном Ахметом Кенисариным и потому представляет как бы автобиографические записки, данные по программе, составленной Е. Т. Смирновым».

По мнению Веселовского, труд Ахмета Кенисары разочаровывал, ибо ограничивался главным образом сведениями о «столкновениях с русскими и другими неприятелями» и к тому же был написан небеспристрастно: «Очень уж выдающаяся роль приписана Садыку... Где Садык действует — там успех, где его нет — там неудача».

Веселовский справедливо сетовал, что в рецензируемом сочинении нет никаких сведений «о воспитании Кенисары и Садыка..., об их быте, об их отношениях к народу, о их материальных средствах». И к тому же, «так как сам Садык дневника не вел, повествовал о своих похождениях по памяти, то в рассказе его встречаются неточности, путаница, что вполне понятно».

С тем большей похвалой отозвался Н. И. Веселовский о комментариях Е. Т. Смирнова: «Все неточности отмечены Смирновым в подстрочных примечаниях и в обширном комментарии, составленном на основании официальных документов, как изданных, так

³⁸¹ Султаны Кенисара и Садык. Биографические очерки султана Ахмета Кенисары. Обработано для печати и снабжено примечаниями Е. Т. Смирновым. С портретом Садыка, 5 рисунками и 9 политипажами. Ташкент, 1889 (Рецензия Н. И. Веселовского: «Исторический вестник», т. XXXVIII, 1889, с. 206—208).

³⁸² Веселовский Н. И. Рецензия., с. 206.

и неизданных. Комментарий вышел обширнее даже самого текста... В комментарий вошла, между прочим, записка коканца муллы Юнуса о борьбе его соотечественников с русскими»³⁸³.

Рецензируя другую книгу Е. Т. Смирнова, посвященную описанию Сырдарьинской области, Веселовский отмечает, что она дает понятие о весьма значительной части Средней Азии. В то же время он констатировал наличие курьезных антиисторических попыток автора осуществить ретроспективный обзор далекого прошлого описываемой местности³⁸⁴.

Н. И. Веселовский также подробно изложил критический обзор русского перевода известного путешествия Клавиho в тимуровский Самарканд³⁸⁵. «Чтобы взяться за перевод Клавиho,— писал он,— нужно хорошо знать средневековый испанский язык, нужно изучить средневековую географию и историю Западной Азии и при всем этом нелегко справиться с текстом дневника, так как Клавиho искажал собственные названия и восточные слова в такой степени, как никто, кажется, из других путешественников. Переводчица вышла из затруднения тем, что обратилась за разъяснениями к людям, посвятившим себя изучению Востока, как видно это из предисловия к дневнику. Прием этот заслуживает не только одобрения, но и подражания».

Вместе с тем плодотворная привычка Н. И. Веселовского подмечать неточности и несуразности переводов отразилась и в этой рецензии.

Особенное внимание Веселовский уделял произвольному чтению в переводе некоторых букв в собственных именах, относящихся к территории Средней Азии, что само по себе было весьма ценным для разработки и решения историко-топографических и других вопросов.

Примечательна рецензия Н. И. Веселовского на работу Александра Николаевича Вышнегорского — человека драматической судьбы. Воспитанник историко-филологического факультета Петербургского университета, путешественник по Австралии и Индии, преподаватель Туркестанской учительской семинарии в Ташкенте, Вышнегорский самостоятельно изучил узбекский, киргизский (казахский) и персидский языки³⁸⁶.

³⁸³ Там же, с. 207.

³⁸⁴ Смирнов Е. Т. Сырдарьинская область. Описание, составленное по официальным источникам. Спб., 1887, 355 с. (Рецензия Н. И. Веселовского: ЗВРАО, т. II, 1883, с. 279—280).

³⁸⁵ Рюи Гонзалес де Клавиho. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403—1406 гг. Подлинный текст с переводом и примечаниями, составленными под редакцией И. И. Срезневского. Спб., 1881 (Рецензия Н. И. Веселовского: ЖМНП, ч. CCXXIV, 1882, Ноябрь, с. 123—137).

³⁸⁶ Совместно с З. А. Алексеевым Вышнегорский составил самоучитель узбекского языка (Самоучитель сартовского языка. Чтение, письмо и грамматика сартовского языка. Сочинение З. А. Алексеева с участием А. Вышнегорского. Ташкент., 1884, 74 с.). См. также: Вышнегорский А. Н. Предания из калмыцкого времени у современных каракиргизов Аулиеатинского уезда. — Труды Сыр-Дарьинского областного статистического комитета за 1887—1888 гг. Ташкент, 1889, с. 1—9.

Выполняя поручение губернатора (впоследствии генерал-губернатора Туркестана) Н. И. Гродекова, Вышнегорский (руководствуясь программой, разработанной для этой цели В. П. Наливкиным) провел в 1886 г. семь месяцев в степи Аулиеатинского уезда, добросовестно собрав богатейший и оригинальный материал по обычному праву казахов и киргизов Сырдарьи, использовав также материалы, предоставленные ему в Аулие-Ата туркестановедом В. А. Каллауром³⁸⁷. Материал вошел в книгу Н. И. Гродекова «Киргизы и кара-киргизы Сырдарьинской области»³⁸⁸, составляя (слова В. В. Бартольда) «почти исключительное содержание книги»³⁸⁹.

Веселовский по праву воздал должное не Гродекову, а скромному собирателю фактического материала, талантливому востоковеду-автодидакту А. Ф. Вышнегорскому — «материала по юридическому быту туземцев, собранного непосредственно из уст самого народа, с приведением подлинных выражений». Можно только «удивляться,— писал Веселовский,— что в такой незначительный срок сделано г. Вышнегорским так поразительно много»³⁹⁰.

Веселовский считал «весьма отрадным» появление в свет в Ташкенте столь полезного труда.

Высоко оценил Н. И. Веселовский описание Г. С. Карелиным своей поездки по Каспийскому морю (30-е годы XIX в.). Особенно интересовали Веселовского этнографические наблюдения Карелина по киргизам и туркменам, прежде всего туркменам-иомудам³⁹¹.

Сочувственно отозвался Веселовский о сборнике пословиц, бытующих среди населения Туркестанского края, собранных Н. П. Остроумовым (492 пословицы) и переведенных им с персидского и арабского на русский язык. «В пословицах этих,— замечал Веселовский,— отлично рисуется народ»³⁹².

³⁸⁷ Архив Географического общества СССР, ф. 30, оп. 11, л. 52, л. 40.

³⁸⁸ Гродеков Н. И. Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области, т. I. Юридический быт. Ташкент, 1889, 298+205 с.

³⁸⁹ Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927 (Сочинения, т. II, ч. I. М., 1963, с. 306).

³⁹⁰ Н. В[еселовский]. Рецензия на книгу Н. И. Гродекова...— ЗВОРАО, т. V, 1891, с. 115—122. А. Ф. Вышнегорский не продолжил столь успешно начатых изысканий, отошел вскоре от научной работы, стал «восторженным поклонником мусульманской культуры, особенно суфизма», замкнулся в себе, жил в старгородской части Ташкента, веда образ жизни, свойственный местным жителям, затем отдалился от них. «ни к какому делу он по своему характеру не мог приспособиться и умер (в 1904 г.—Б. Л.) едва ли не в нищете» (Бартольд). О Вышнегорском см. также: Боровков А. К. Узбекское языковедение.— В кн.: 25 лет советской науки в Узбекистане. Ташкент, 1942, с. 282; Лунина Б. В. Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении. Ташкент, 1965, с. 170, 356; Русские путешественники и исследователи о киргизах. Под редакцией Б. В. Лунина. Фрунзе, 1973, с. 172—173; Библиографический словарь отечественных тюркологов Дооктябрьский период. Под редакцией А. Н. Кононова. М., 1974, с. 142.

³⁹¹ Веселовский Н. И. [рец.]. Путешествия Г. С. Карелина по Каспийскому морю.— Записки РГО по общей географии, т. X, Спб., 1883.— ЖМНП, ч. ССXXXI, 1884, с. 421—431.

³⁹² Пословицы туземного населения Туркестанского края. Собрал и перевел Н. П. Остроумов. Ташкент, 1808, VI+748 с. (Рецензия Н. И. Веселовского: ЗВОРАО, т. III, 1889, с. 141).

Отозвался Веселовский и на перевод Н. С. Лыкошиным под редакцией В. В. Бартольда «Истории Бухары» Наршахи, выход которой в свет явился заметным событием в отечественном востоковедении³⁹³.

Справедливо отмечая, что сочинение Наршахи «в высшей степени ценно и по внутреннему содержанию», ибо «открывает нам такие подробности о древней Согдиане, какие нам вовсе не встречаются в других источниках или упоминаются в сильно сокращенном виде, а потому не всегда понятны», Веселовский сосредоточил свое внимание на вопросе о качестве перевода.

Указав, что некоторые места рукописи Наршахи более точно истолкованы П. И. Лерхом (например, слово «мешк», выражение «бе номи гитриф» и др.), Веселовский со своей стороны внес несколько поправок в перевод Лыкошина. В целом Веселовский признавал труд Лыкошина «добросовестным, а комментарий, помещенный в выписках, чрезвычайно полезным для уразумения рассказа Наршахи»³⁹⁴.

В 1900 г. в Оренбурге была издана книга И. И. Крафта «Из киргизской старины», представляющая сборник статей автора, печатавшихся в 1891—1894 гг. в «Тургайской газете» и «Тургайских областных ведомостях». Веселовский приветствовал деятельность Крафта по собиранию образцов народного творчества, но и здесь считал важным, чтобы «собиратель приложил тексты и не ограничился бы более или менее близкою передачей киргизского рассказа вместо точного перевода»³⁹⁵.

В рецензии на альбом ковровых изделий Средней Азии из собрания А. А. Боголюбова³⁹⁶ Веселовский отмечал, что обильная европейская литература о восточных коврах малосодержательна, особенно в отношении коврового орнамента, его смысла и происхождения³⁹⁷.

Подчеркивая значение последнего для разъяснения вопросов «о происхождении туркменской части населения Закаспийской области и взаимной связи населяющих ее туркменских племен», Веселовский рекомендовал узнавать у мастериц-ковровщиц «до мельчайших подробностей названия всех частей рисунка ковра, каждого отдельных черточек, а затем, если возможно, добиться, как они сами представляют себе мотивы, которые изображают на ковре».

³⁹³ Мухаммед Наршахи. История Бухары. Перевел с персидского Н. Лыкошин под редакцией В. В. Бартольда, приват-доцента С.-Петербургского университета. Ташкент, 1897, 123 с. (Рецензия Н. И. Веселовского: ЖМНП, ч. XXXIV, 1897, Декабрь, с. 466—468).

³⁹⁴ Там же, с. 468.

³⁹⁵ ЗВОРАО, т. XII, 1900, с. 128.

³⁹⁶ Ковровые изделия Средней Азии из собрания, составленного А. А. Боголюбовым. Вып. I, Спб., 1908, с. I—II, табл. I—XXIV; Вып. II, Спб., 1909, с. XIII—XXII, табл. XXV—XLIII (Рецензия Н. И. Веселовского: ЗВОРАО, т. XX, 1912, с. 89—93).

³⁹⁷ Там же, с. 90.

Как видим, и здесь сказалось незаурядное научное чутье Веселовского-востоковеда, одним из первых обратившего особое внимание на смысловую сторону ковровых орнаментов. Заметим, что тематика орнаментальных мотивов в изобразительном искусстве народов Средней Азии по праву стоит в центре внимания советских исследователей социальных, культовых и иных истоков среднеазиатского орнамента.

Научной строгостью была отмечена и взыскательно суровая рецензия Н. И. Веселовского на рукопись сводной работы по общественно-политической истории киргизов, принадлежавшей перу столь компетентного автора, каким был Н. А. Аристов³⁹⁸. Рецензент упрекал автора в преобладании в его работе описательного (собираательного), а не аналитического (исследовательского) подхода к использованию источников, что послужило препятствием к публикации рукописи Аристова³⁹⁹.

Отозвался Н. И. Веселовский в своих рецензиях и заметках и на ряд других работ по Средней Азии: Г. А. Арендаренко «Досуги в Туркестане», А. Н. Харузина «Киргизы Букеевской Орды», П. Е. Кузнецова «La lutte des civilisations et les langues dans l'Asie Centrale»⁴⁰⁰.

О том, что Н. И. Веселовский был в своих рецензиях требовательным не только в отношении местных деятелей, свидетельствует, например, его отзыв о работе председательницы Московского археологического общества графини П. С. Уваровой «Могилиньки Северного Кавказа».

По словам современного исследователя, «даже в таком фундаментальном своде материалов по археологии Северного Кавказа, каким является том VIII «Материалов по археологии Кавказа», составленный П. С. Уваровой («Могилиньки Северного Кавказа»), по соображениям, ничего общего не имеющим с наукой, ценнейшие материалы, собранные [краеведом] В. И. Долбежевым, не нашли никакого отражения, что вполне справедливо было в свое время отмечено и осуждено еще Н. И. Веселовским»⁴⁰¹.

Рассматривая известную работу видного специалиста по истории Турции В. Д. Смирнова (плод его докторской диссертации по

³⁹⁸ Аристов Н. А. Западный Тянь-Шань. Усуни и кыргызы, или каракиргизы. Ч. I и II, 1893 (Архив Географического общества СССР).

³⁹⁹ Плоских В. М. Киргизы и кокандское ханство. Фрунзе, 1977, с. 21—22 (Также автореферат докторской диссертации на ту же тему: М., 1978, с. 7).

⁴⁰⁰ П. Е. Кузнецов учился в Сорбонне, по возвращении из-за границы работал в Туркестане, в годы Советской власти преподавал узбекский язык в Туркестанском восточном институте (Ташкент). Названную выше книгу П. Е. Кузнецова читал В. И. Ленин, отметив в своих записях по книге некоторые из содержащихся в ней фактов, «много указаний литературы», но констатировав вместе с тем, что «точка зрения, кажись, казенная» (Ленин В. И. Полное собрание сочинений, т. 28, с. 191; ср.: Лунин Б. В. В. И. Ленин и народы Средней Азии. Ташкент, 1967, с. 22; Хамдамов П. У. Литература о Средней Азии в творчестве В. И. Ленина. Ташкент, 1971, с. 74—86).

⁴⁰¹ Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, с. 35.

истории Крымского ханства)⁴⁰², Веселовский, по словам В. А. Гордлевского, «справедливо находил, что материал, нагруженный бессистемно, критически не процеженный, страдает и сумбурностью изложения и неправильностью освещения»⁴⁰³.

Мы нарочно остановились на содержании ряда рецензий Веселовского. Занимая обширное место в его научно-литературном наследии, они свидетельствуют о разнообразии научных интересов и эрудиции Веселовского как исследователя Средней Азии.

Остается добавить, что с первого приезда в Ташкент и до конца жизни Веселовский не переставал глубоко интересоваться жизнью Туркестанского края, судьбами местных научных начинаний, школьного образования, музейного дела, печати и т. п.

16 февраля 1887 г. Н. И. Веселовский писал Остроумову: «Год провел я в Туркестанском крае и сделался настоящим туркестанцем: все туркестанские события меня живо интересуют. Я постоянно слежу как за переменою в служебном персонале, особенно теперь, так и за мерами администрации в краю. Больше всего меня интересует, конечно, школьное дело. Быстро стали возникать наши школы для туземцев; но дело не в быстроте, а хорошо ли это налажено?»⁴⁰⁴.

Переписка с местными деятелями ярко иллюстрирует живейшую заинтересованность Веселовского «туркестанскими делами»: «Если соберусь написать что-нибудь о Туркестане в газетах, то непременно упомяну и о «Туркестанской газете»... Не можете ли Вы добыть фотографических карточек с вещей Ташкентского музея?... Отчего не высылают план Афрасиабова городища; здесь мы предполагаем учинить большое издание по археологии Средней Азии... Нет ли в Ташкенте чего-нибудь по части надписей или вообще пригодного для предполагаемого издания? Если кто даст какие заметки или сообщения, примем с благодарностью... Насчет Кокандской истории Сатархана⁴⁰⁵ я говорил с Тизенгаузенем... С удовольствием читал в «Туркестанских ведомостях» о Ваших (Остроумова.— Б. Л.) археологических работах. Надо, очень надо, чтобы таковые производились, но еще более надо, чтобы этим занимался не всякий... Вот было бы хорошо достать список Бабур-намэ. У Арендаренко в Самарканде я видел такую рукопись. ...Вероятно, Вы получили из Археологического общества биогра-

⁴⁰² Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII в. Спб., 1881.

⁴⁰³ Гордлевский В. А. Памяти В. Д. Смирнова.— В кн.: Гордлевский В. А. Избранные сочинения, т. IV. М., 1968, с. 409.

⁴⁰⁴ ЦГА УзССР, ф. 1009, оп. 1, д. 39, л. 2 об.

⁴⁰⁵ Саттархан Абдулғафаров (1846—1901) — известный узбекский просветитель, переводчик, не чуждый и научным интересам. Работал над очерком по истории Кокандского ханства. О нем см.: Историография общественных наук в Узбекистане. Биобиблиографические очерки. Составитель Б. В. Лунин. Ташкент, 1974, с. 333—337 (здесь же указатель публикаций Саттархана и литературы о нем).

фню Григорьева? На днях пошло Вам другую работу, напечатанную в Географическом обществе»...⁴⁰⁶

27 февраля 1888 г. Веселовский писал Остроумову: «Давно собирался спросить у Вас: куда девались бумаги и записки покойного Зацепина?»⁴⁰⁷ Попали ли они в хорошие руки или погибли? Нет ли возможности приобрести что-нибудь?»⁴⁰⁸

Просьбам и вопросам подобного рода пестрит вся переписка Веселовского с любителями-туркестановедами⁴⁰⁹.

Н. И. Веселовский охотно давал научные консультации местным краоведам. Известен текст одной из таких консультаций по вопросу о правильной транскрипции восточных имен и слов⁴¹⁰.

Не будет ошибкой сказать при этом, что последующая, еще более обширная и плодотворная деятельность в этом направлении В. В. Бартольда⁴¹¹ по сути дела явилась прямым продолжением того, что было начато здесь Н. И. Веселовским и отчасти В. Р. Розеном⁴¹² и другими русскими востоковедами.

Приметной и вызывающей к себе сочувствие стороной деятельности Веселовского являлось также его доброжелательное отношение к туркестанским собирателям древностей и любителям старины из среды коренного местного населения. Внимательный взор Веселовского верно заметил среди них людей, искренне преданных делу собирания древностей. Это были предшественники будущей узбекской интеллигенции. Условия жизни основной массы местного населения, трудящихся дехкан, исключали появление в их среде собирателей, потому что такое собирательство требовало иной раз затраты средств на приобретение предметов древности. Иное дело — зажиточная часть купечества, нередко с относительно более высоким культурным уровнем и известным образованием.

С 1883 г. установилось знакомство Веселовского с самаркандским любителем древностей, купцом второй гильдии Мирзой Абдуллой Бухари (в русских документах: Мирза Бухарин, Мирза Абдуллин). Веселовский приобрел у Бухари на средства Археоло-

⁴⁰⁶ Из переписки Веселовского с Остроумовым (ЦГИА Казахской ССР, ф. 649). Ср.: Шахматов В., Киреев Ф. Из неопубликованных писем русских востоковедов. Письма Н. И. Веселовского. — Вестник Академии наук Казахской ССР, 1954, № 10 (115), с. 102—105.

⁴⁰⁷ Д. К. Зацепин — военный инженер, археолог-краевед и художник-любитель, запечатлевший в своих акварелях многие памятники древности Туркестана.

⁴⁰⁸ ЦГА УзССР, ф. 1009, оп. 1, д. 39, л. 11 об.

⁴⁰⁹ В архиве Веселовского в ЦГАЛИ (Москва) хранится часть переписки с ним В. В. Бартольда (д. 794), С. М. Дунина (д. 852), А. Д. Калмыкова (д. 872) и ряда лиц из Туркестанского Круга любителей археологии (д. 767).

⁴¹⁰ Смирнов Е. Т. О транскрипции восточных имен и слов. — «Туркестанские ведомости», 2 мая 1899 г., № 33 (1749).

⁴¹¹ Ср.: В. В. Бартольд и Туркестанский Круг любителей археологии. — В кн.: Лукин Б. В. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Ташкент, 1958, с. 206—246.

⁴¹² Ср.: Бартольд В. В., Барон В. Р. Розен и русский провинциальный ориентализм. — ЗВРАО, т. XVIII, 1908, с. 31—38.

логической комиссии большую коллекцию древностей (1202 предмета), поступившую затем в Эрмитаж, где вплоть до Октябрьской революции она и последующие поступления от Бухари составляли один из основных компонентов среднеазиатских собраний Эрмитажа⁴¹³.

Беседы с Н. И. Веселовским, посещение раскопок на Афраснабе пробудили у Бухари не только стремление усилить свою собирательскую деятельность, но и усугубили понимание научного значения предметов древности.

Мирза Бухари посетил Баку, Тифлис, Харьков, Москву, Петербург, ознакомился с местными собраниями. Во время приезда в Петербург (ноябрь 1887 г.) он был радушно встречен Н. И. Веселовским, сопровождавшим Бухари при осмотре им Публичной библиотеки и ее хранилища восточных рукописей, Эрмитажа, где Мирза Бухари получал объяснения не только от Н. И. Веселовского, но и от И. И. Толстого. Бухари был участником заседания Восточного отделения РАО, состоявшегося 1 декабря 1887 г., и отвечал на вопросы, обращенные к нему в связи с сообщением В. В. Радлова о ярлыках Тохтамыша и Тимур-Кутлука.

Посещение Петербурга оставило глубокий след в сознании Бухари. Он все чаще жертвует музеям предметы древности из своей коллекции, следит за возможной паспортизацией случайных археологических и нумизматических находок, переписывается с Н. И. Веселовским и другими туркестановедами, выполняет поручения Веселовского, выступает на страницах «Туркестанской туземной газеты» (Ташкент) с призывами сохранять памятники старины. Он старался, говоря его же словами, «для общей пользы и науки нашей Родины... дабы и прочие из нашего народонаселения имели особенное понятие о древних предметах»⁴¹⁴.

Еще более привлекательную личность являл собою энтузиаст-краевед, любитель-археолог и собиратель древностей ташкентский купец Акрам-Палван Аскарлов — обладатель обширнейшей коллекции древностей и человек, приобретший, в частности, такой навык в собирании древних монет, что, «не будучи грамотным, — как говорил о нем Н. И. Веселовский, — довольно четко определял время их чеканки»⁴¹⁵.

Предметы древности из собрания Аскарлова демонстрировались им, по совету Н. И. Веселовского, на ряде промышленных и других выставок в Ташкенте и некоторых других городах России. Он был незаменимым спутником Н. И. Веселовского в его научных

⁴¹³ Якубовский А. Ю. Среднеазиатские собрания Эрмитажа и их значение для изучения истории культуры и искусства Средней Азии до XVI в. — Труды Отдела истории культуры и искусства Востока Гос. Эрмитажа, т. II. Л., 1940, с. 8.

⁴¹⁴ Подробнее см.: Лунин Б. В. Самаркандский любитель старины и собиратель древностей Мирза Бухари. — «Общественные науки в Узбекистане», 1963, № 6, с. 32—41.

⁴¹⁵ Веселовский Н. И. Киргизский рассказ о русских завоеваниях в Туркестанском крае. СПб., 1894, с. 15.

поездках по Туркестану (Сырдарьинская область, Фергана, Бухарское ханство) и благодаря знанию местных языков и быта, широкой осведомленности о памятниках старины был правой рукой Веселовского⁴¹⁶.

Отношения Аскарлова с Веселовским были теплыми и дружественными. «*Мой приятель* (курсив наш.— Б. Л.) и спутник во время разъездов»,— говорил он об Аскарлове⁴¹⁷. По представлению Веселовского Восточное отделение РАО наградило Акрама Аскарлова малой серебряной медалью за содействие успехам археологии⁴¹⁸.

Характеризуя его деятельность, Веселовский писал, что Аскарлов «сделался ревностным оберегателем случайных находок от невежественного обращения с ними», в Ташкентский музей «он представил... много древних памятников и причем без всякого вознаграждения... Живо интересуясь археологией.., он не только не нажил от нее барыша, но сам еще нес приплаты. Некоторые из его приношений представил я в Археологическую комиссию»⁴¹⁹.

Нет нужды доказывать благотворное влияние и полезность для науки такого рода внимательного отношения Н. И. Веселовского к любителям древности из среды коренного населения Средней Азии. Оно делает ему честь и полностью соответствует тем традициям, которые существовали на сей счет у передовых русских востоковедов второй половины XIX в.

⁴¹⁶ Подробно см.: Лунин Б. В. Узбекский археолог-любитель и собиратель древностей Акрам-Палван Аскарлов.— Известия Академии наук Узбекской ССР. Сер. общественных наук, 1960, № 6, с. 66—76; Он же. О нумизматической коллекции узбекского собирателя древностей Акрама Аскарлова (По архивным данным).— История материальной культуры Узбекистана, вып. 5. Ташкент, 1964, с. 233—246.

⁴¹⁷ Веселовский Н. И. Существуют ли в Средней Азии подделки древностей? — ЗВРАО, т. 1, 1887, с. 111.

⁴¹⁸ Архив ЛОИА, ф. 4, д. 400, л. 1, 8 об. 9.

⁴¹⁹ Там же, ф. 3, д. 79, л. 117, 117 об.

НАУЧНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ ОБЛИК Н. И. ВЕСЕЛОВСКОГО
И ЕГО МЕСТО В ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Советский историограф не вправе, конечно, пройти мимо вопроса о мировоззрении Н. И. Веселовского. Попытаемся охарактеризовать в основных чертах общественно-политический облик Н. И. Веселовского-ученого.

Известная трудность состоит здесь в том, что Веселовский, собственно говоря, не оставил после себя капитальных трудов монографического характера, по которым можно было бы проследить развитие взглядов их автора по соответствующей научной проблеме. К тому же, в отличие от своего учителя В. В. Григорьева, Веселовский ограничивался рамками науки и не выступал со статьями на злободневные общественно-политические темы. В его научных публикациях по истории, археологии, историографии сказалась склонность автора избегать далеко идущих выводов и не высказывать общие суждения по вопросам социально-политического характера. В этих публикациях преобладает, как правило, фактический материал, а выводы носят преимущественно узкоспециальный характер.

Поэтому оценка деятельности и вклада в науку таких ученых, как Н. И. Веселовский, требует учета и обобщения всех сторон их деятельности: собственнонаучной (исследовательской), научно-общественной, литературной, педагогической, организаторской и т. д. Если говорить конкретно о Н. И. Веселовском (главным образом как об исследователе Средней Азии), мы обязаны охарактеризовать его востоковедческую деятельность как археолога, историка, историографа, собирателя и хранителя древностей, педагога, организатора научных работ и руководителя их, постоянного рецензента востоковедческих изданий и редактора многих из них и пр. Только совокупность такого рода материалов позволяет правильно и с достаточной полнотой представить вклад Н. И. Веселовского в отечественное востоковедение.

Не в меньшей мере важно учесть, конечно, и социальную среду, в которой протекала деятельность Веселовского, его научное окружение. В первую очередь внимание должно быть направлено здесь на Восточное отделение Русского археологического общест-

ва, Императорскую археологическую комиссию, особенно на Петербургский университет и его факультет восточных языков, плоть от плоти и кровь от крови которых являл собою Н. И. Веселовский.

В данной книге мы не берем на себя решение задачи в целом. Сейчас, когда обнаружены дополнительные архивные материалы, оставшиеся в наследие от Веселовского, пришло время дать исчерпывающее описание жизни и деятельности Николая Ивановича Веселовского — востоковеда в широком смысле этого слова. В такой работе историограф подметит многие противоречия в общественно-политическом облике Веселовского: его субъективно демократическую натуру ученого, не гнушавшегося самой черновой работы, не избалованного условиями личной жизни и не чуждавшегося дружеского общения с людьми, стоявшими на разных ступенях социальной лестницы, в том числе с иноплеменниками, и в то же время его большую или меньшую близость к сферам петербургской знати или даже к представителям придворных кругов, чему способствовало его активное участие в деятельности Императорской археологической комиссии. Историограф по достоинству оценит патриотические настроения Веселовского¹, его безусловную преданность отечественной науке и защиту ее интересов и одновременно подметит присутствие ноток квасного патриотизма, свойственного аристократическим кругам старого Петербурга.

Наша задача скромнее: рассмотреть социальный облик Веселовского преимущественно в плане среднеазиатских исследований.

Начнем с важнейшего. Известно, что «в буржуазной ориенталистике как в России, так и на Западе наметились две тенденции — гуманистическая, выражавшая уважительное отношение к культуре Востока, и колониалистская, расистская»².

Исходя из этой общей формулировки можно было бы, как нам кажется, выделить еще один аспект во взглядах дореволюционных русских ученых-востоковедов на народы Востока, конкретно — группы видных петербургских востоковедов, начиная с В. В. Григорьева, Н. И. Веселовского, В. Р. Розена и кончая В. В. Бартольдом и другими.

Все они принадлежали к числу ученых, державшихся, вообще говоря, весьма консервативных взглядов в сфере политики и науки или во всяком случае были бесконечно далеки от революционно-демократических идей передовой русской интеллигенции и уж конечно от идей научного социализма. Одни, как В. В. Григорьев, были гораздо ближе к политической жизни, высказывали свои общественные взгляды и защищали свои политические позиции открыто и убежденно, активно участвовали в обсуждении некоторых вопросов общественно-политической жизни страны. Дру-

¹ По словам современника, Веселовского характеризовала «крепкая, как скала, вера в гений русского народа» (ЗВОРАО, т. XXV, 1921, с. 385).

² Брагинский И. С. Востоковедение. — Краткая литературная энциклопедия, т. I. М., с. 1051.

гие,— такие, как, скажем, В. В. Бартольд,— стремились не вносить «политического духа в научные занятия», чуждались активного участия в политике, стремились «достойно» хранить традиции «чисто академического» служения науке в сфере кабинетных изысканий, держаться осторожных, нейтральных или лояльных, умеренных позиций даже в случаях, когда реальная жизнь вносила дыхание политических событий в стены научных учреждений.

Добавим, что внимательное изучение жизни и деятельности представителей этой группы востоковедов приводит к выводу, что все они (конечно, в разной степени) не были полностью свободны от расовых предрассудков и предубеждений. Однако, констатируя эту сторону дела, мы обязаны отметить и другую. Остается фактом и является большим и несомненным достоинством Григорьева и сменившего его поколения русских востоковедов то, что они отрицательно относились к проявлениям в литературе оскорбительных и унижительных суждений о народах Востока³.

Чем объяснить это обстоятельство, тем более странное, что, будучи близкими по своему происхождению или служебному положению и научной деятельности к буржуазно-дворянским или даже придворным или близким к ним кругам Петербурга, к патронировавшим ученые учреждения высокопоставленным особам, названные нами ученые имели, казалось бы, все основания стать носителями реакционных идей в такой области знаний, как востоковедение.

В рамках данной книги мы не берем на себя исчерпывающего ответа на этот существенный для истории отечественного востоковедения вопрос.

В общих же чертах объяснение сказанного лежит, по нашему убеждению, в той атмосфере, какая существовала в свое время в стенах Петербургского университета, который являлся *alma mater* большинства видных русских востоковедов и с которым долгие годы была тесно и неразрывно связана их жизнь и деятельность. Традиции, условия и обстановка Петербургского университета входили в плоть и кровь этой группы ученых, ко многому их обязывали, становились (иногда даже субъективно неосознанной) нормой жизни на службе науке.

³ Мы исходим здесь из общей линии их поведения в этом вопросе, из того главенствующего, что ее определяло. Было бы, конечно, неверно утверждать, что в отдельных случаях и в связи с тем или иным конкретным вопросом дореволюционные русские востоковеды от Григорьева и до Бартольда не высказывали неверных суждений. Как мы увидим ниже, и у Веселовского иной раз прорывались нотки высокомерно-скептических взглядов на прошлое и особенно настоящее народов Востока. Правда, в своей практической деятельности Веселовский внимательно и сочувственно относился к знакомым ему представителям коренного местного населения Средней Азии, поддерживал дружеские отношения с Акрамом Аскарковым, Мирзой Бухари и др. Но это относится скорее к личным чертам характера Веселовского, нежели к его общественно-политическим взглядам.

Было бы ошибочным в какой-то степени идеализировать общую атмосферу Петербургского университета, в которой было немало косного и затхлого и прямо реакционного. Точно так же невозможно не видеть, что среди профессоров и преподавателей университета было немало политических и научных ретроградов, людей, близких к придворным кругам и составляющих, говоря словами А. Ю. Якубовского, среду, «привыкшую преклоняться перед всем иностранным, привыкшую думать, что все культурные достижения идут с Запада, сохранившую в себе крепостнические взгляды с внешним лоском цивилизации Запада» и озабоченную «подавлением русской прогрессивной общественной мысли»⁴.

Но существовал и другой аспект проблемы.

Могучее влияние освободительных идей, вевшее начало от Радищева и декабристов, от декабристских настроений А. С. Пушкина к А. И. Герцену и В. Г. Белинскому, а позднее к Н. А. Добролюбову и Н. Г. Чернышевскому, не могло в какой-то мере не проникать в сознание определенной части деятелей дворянской, а тем паче молодой буржуазной науки России.

Не миновали своим влиянием эти идеи и Петербургский университет. Разночинский период освободительного движения в России был отмечен, как известно, большой политической активностью студенчества, бывшего, по словам В. И. Ленина, «самой отзывчивой частью интеллигенции»⁵.

В стенах Петербургского университета протекала студенческая жизнь видных участников освободительного движения в России: Дмитрия Благосла, Кастуся Калиновского, Германа Лопатина, Е. П. Михаэлиса, М. В. Буташевича-Петрашевского, Д. И. Писарева, П. Н. Ткачева, А. И. Ульянова, Н. И. Утина и многих других, будущих писателей прогрессивного лагеря — П. В. Засодимского, Н. Г. Помяловского, И. С. Тургенева, Г. И. Успенского и будущих передовых ученых России, представленным именами Т. Н. Грановского, Н. И. Миклухо-Маклая, И. П. Павлова, А. С. Попова, А. Н. Пыпина, П. П. Семенова-Тян-Шанского, К. А. Тимирязева. Среди преподавательского состава фигурировали могучие имена А. М. Бутлерова, Д. И. Менделеева, И. М. Сеченова и многих других.

50—60-е годы ознаменовались возрастанием удельного веса разночинной прослойки студентов — выходцев из среды мещан, духовенства, купечества, мелкого чиновничества, значительная часть которой испытывала на себе глубокое воздействие революционно-демократических идей Чернышевского и Добролюбова. От студенческой демонстрации 8 февраля 1861 г. по поводу отмены министром просвещения речи Н. И. Костомарова «О значении критических трудов Константина Аксакова по русской истории»

⁴ Якубовский А. Ю. Из истории изучения монголов периода XI—XIII вв.— В кн.: Очерки по истории русского востоковедения, т. I. М., 1953, с. 45.

⁵ Ленин В. И. Полное собр. соч., т. 7, с. 343—344.

нити потянулись к крупным студенческим волнениям в сентябре—октябре 1861 г., обратившим на себя внимание Карла Маркса и явившимся отзвуком стихийного возмущения крестьянских масс реформой 1861 г. Проявления студенческого свободомыслия, общедемократических, либерально-демократических и даже революционно-демократических тенденций среди различных групп студенчества с особой силой наблюдались в период нового общественного подъема, сменившего полосу реакции 80-х годов. Крупные студенческие волнения происходили в 1884, 1887, 1890, 1894, 1896, 1899 и следующих годах⁶. Напомним, что именно демонстрация студентов в день 80-летия Петербургского университета послужила исходным моментом студенческих волнений в России в начале 1899 г. (о более поздних по времени событиях мы здесь не говорим).

Иными словами, под влиянием борьбы рабочего класса страны «все чаще в студенческой прессе происходят столкновения между передовыми и реакционными элементами, между революционно настроенными студентами и «белоподкладочниками» — рьяными защитниками царской монархии, между приверженцами демократических и либеральных воззрений»⁷. Заслуживает особого внимания то, что в 60—80-х годах отдельные студенты Петербургского университета были лично связаны с Марксом и Энгельсом⁸. Вспомним также индолога П. Я. Петрова (1814—1875), который, будучи профессорским стипендиатом в Петербургском университете, состоял в дружеских отношениях и переписке с В. Г. Белинским⁹, хотя подобные примеры и единичны.

Этим, видимо, и объясняется то, что хотя петербургская школа русского востоковедения и ее ученая среда конца XIX — начала XX в. в целом стояла вне активного участия в общественно-политической жизни страны и была даже враждебна революционному движению, однако ей было чуждо расистско-высокомерное отношение к народам Востока и нигилистически пренебрежительная оценка их исторического прошлого и культурного наследия. Более того. Политически реакционные взгляды на задачи и содержание русского востоковедения приходились явно не по сердцу представителям петербургской востоковедческой школы, коробили их.

⁶ Гуковский Г. А. Петербургский университет в 60—90-х годах XIX века.— В кн.: Ленинградский университет. 1819—1944. М., 1945, с. 43.

⁷ Мавродин В. В., Сладкевич Н. Г., Шолов Л. А. Ленинградский университет (Краткий очерк). Л., 1957, с. 27. Ср.: Калинин А. Ф. и Мандель С. З. В. И. Ленин и Петербургский университет. Л., 1960, с. 5—28 («Первые связи семьи Ульяновых с Петербургским университетом»).

⁸ Сладкевич Н. Г. К. Маркс и передовое студенчество Петербургского университета 60—80-х годов XIX века.— В кн.: Очерки по истории Ленинградского университета, т. I. Л., 1962, с. 106—107.

⁹ Крачковский И. Ю. Востоковедение в письмах П. Я. Петрова В. Г. Белинскому.— В кн.: Очерки по истории русского востоковедения, т. I. М., 1953, с. 7—22.

Мы вовсе не склонны при этом утверждать, что Григорьев, Веселовский, Розен, Бартольд и другие находились под прямым и непосредственным воздействием революционно-демократических идей своего времени. Но здесь, несомненно, действовало сочетание и переплетение сложных факторов. Идея эта в какой-то, пусть отдаленной степени, не прямо, так косвенно, не сразу, но постепенно, субъективно не осознаваемые в качестве именно революционно-демократических идей, так сказать вторично опосредствованные, все же не могли полностью миновать сознания тех русских востоковедов петербургской школы, которые служили науке честно и добросовестно и которым претила «ученая» карьера политических интриганов и честолюбцев. Это конечное влияние передовых идей шло незримо через настроения подавляющей массы студенческих аудиторий, путем общения с передовыми учеными, составляющими красу и гордость русской науки, при посредстве произведений прогрессивной научной, общественно-политической и художественной литературы.

Отсюда и проявление стихийно материалистических взглядов на отдельные стороны процесса общественного развития народов Востока, взглядов, которым не были совершенно чужды даже Григорьев и Веселовский, не говоря о Бартольде.

И уж во всяком случае либерально-оппозиционные настроения проникали в среду тех дореволюционных востоковедов, которые, как сказано, подчеркнуто чуждались политики и отнюдь не были близки к подлинно революционной или даже общедемократической оппозиции к царизму.

Косность, рутинна, консерватизм, подчас элементарное невежество некоторых высших сановников вплоть до министров, придворная атмосфера, исполненная слепого преклонения перед иностранным и внешне благожелательного, а по существу пренебрежительного отношения к русской науке и ее нуждам были слишком очевидны. Это бросалось в глаза и тем субъективно честным ученым, которые при всей своей «академической» аполитичности и общей приверженности к существующему общественному строю, не могли настолько уединиться в тиши рабочих кабинетов, чтобы совсем не замечать окружающей их гнетущей и мертвящей обстановки и не задумываться над смыслом происходящего. Это касалось, в частности, крайностей правительства, разгула реакции, политических преследований малейшего вольнодумия в среде преподавателей и студентов.

Весьма поучительны, например, строки, встреченные нами в архиве столь, вообще говоря, благонамеренного с точки зрения властей предержащих ученого, каким был барон В. Р. Розен.

«Время, которое мы здесь переживаем (время после введения нового университетского устава 1884 г., отменившего университетскую автономию.— *Б. Л.*),— писал В. Р. Розен Н. П. Остроумову в апреле 1901 г.,— так тяжело, что перо валится из рук и голова перестает работать, энергия совершенно исчезает... Я всегда готов служить Вам всей душой, но теперь не имею к тому ни ма-

лейшей возможности. Мой авторитет при том строе центрального управления, которым были призваны на различные посты (десятели? — Б. Л.) типа И. Д. Делянова, равняется... нулю»¹⁰ (курсив наш).

Нам известны также еще более резкие высказывания по адресу правительства, исходившие от В. В. Бартольда (его письма Н. П. Остроумову 3 марта и 23 сентября 1913 г.): «Едва ли в настоящее время торжество грубого невежества было [бы] возможно в какой-нибудь европейской стране... Не думаю, чтобы турецкий министр мог заявить ученому своего народа, как мне заявил [министр] Макаров, что научная литература на отечественном языке вовсе не нужна и что с наукой можно знакомиться по заграничным изданиям... Редко какое правительство вело такую упорную борьбу с наукой и вызывало против себя среди ученых такое *единодушное негодование* (выделено мною.— Б. Л.), как наше»¹¹.

Косвенное подтверждение тому, что отзвуки подобных настроений доходили до Веселовского или, во всяком случае, что и ему, человеку весьма правых взглядов, не были чужды интересы внешнего мира, политические события своего времени, мы видим, в частности, в обнаруженном нами в архиве Н. И. Веселовского листке бумаги, на котором рукой Веселовского запечатлен следующий текст:

«Узрев сумбур российских дел.
Толстой все справить захотел
И взял в помощники правленья
Занку, Плеве, Дурново.
Но и при них Россия не толстееет.
А занкается, плюется и дурнеет»¹².

Перед нами вариант текста политического стихотворения (песенки), ходившего тогда по рукам и связанного с именами царских министров внутренних дел конца XIX в. Толстого, Дурново, Заикина, Плеве, Горемыкина:

«Наше внутреннее дело,
То толстело, то дурнело,
Занкалось и плевалось,
А теперь в долги ввязалось,
И не дай бог, если вскоре,
Будем мыкать только горе!»¹³

¹⁰ ЦГА УзССР, ф. 1009, оп. 1, д. 38, л. 11, 11 об. Делянов — министр народного просвещения, проводник сугубо реакционной политики в области образования, известен как автор циркуляра 18 мая 1887 г. (о «кухаркиных детях»), фактически запрещавшего детям так называемых низших сословий поступать в среднюю школу.

¹¹ Переписка Бартольда с Остроумовым. ЦГА КазССР, Личный фонд Остроумова, папка 1, пакет 21, 1913.

¹² Архив ЛОИА, ф. 18, д. 172, л. 8.

¹³ Ср.: История СССР, ч. III, М., 1946, с. 327.

В этой связи характерны также встреченные нами в записных книжках Н. И. Веселовского записи текстов стихов и песен, имевших хождение в кругах передовой русской интеллигенции Туркестана и представлявших острую сатиру по адресу туркестанских генерал-губернаторов Черняева и Розенбаха¹⁴.

Листая страницы жалобной книги на придорожной станции Джуклус, Веселовский не преминул записать встретившиеся ему стихи некоего Н. Воробьева, который, прощаясь с Туркестанским краем, писал: «Прощай, ты — воров край»¹⁵, а также чью-то саркастическую запись следующего содержания:

«Привет, мой Туркестанский край —
Обстоянная земля!
Но все ж мне очень, очень жаль,
Что нас с тобой судьба свела...
Сумеем так же, как и все здесь —
Прогрессивно тупеть и жиреть»¹⁶.

Нужно быть, конечно, весьма осторожным в суждениях насчет общественно-политических настроений Веселовского. Эпистолярное наследство ученого не собрано и не изучено, так что категорические выводы были бы здесь преждевременными. Вообще Веселовский (это достаточно известно) не был близок к демократическим устремлениям своего времени и в целом был настроен консервативно. Во всяком случае с точки зрения властей, он являлся человеком абсолютно благонадежным и его длительное пребывание в качестве старшего члена в составе Императорской археологической комиссии — учреждения, весьма близкого к придворным сферам, говорит само за себя.

Мы, однако, не случайно сделали выше специальный экскурс для выяснения условий и причин, по которым видные русские востоковеды петербургской школы предпочитали держаться нейтральных позиций, подчеркивать свою аполитичность, в сфере общественной деятельности вели себя весьма сдержанно. Отнюдь не находясь в прямой оппозиции к властям и менее всего симпатизируя происходившему и крепнувшему в стране революционному движению, эта группа ученых, как мы говорили, не была в то же время совершенно чужда либерально-оппозиционным настроениям ученой среды своего времени и не одобряла крайностей самодержавной реакции.

Этой линии поведения в общем придерживался и Веселовский. Здесь нельзя, конечно, подводить под одну рамку всех петербургских ученых-востоковедов. Как бы ни объединяла их линия поведения в вопросах общественной жизни, многое в то же время отличало их друг от друга. Нужно ли доказывать, например, что

¹⁴ ЦГАЛИ, ф. 118, оп. 1, д. 177, л. 41—42.

¹⁵ Там же, л. 59.

¹⁶ Там же, л. 56—57.

ученик Веселовского и Розена, Бартольд проявлял гораздо больше, чем его учителя, внимания и интереса к истории общественных движений в странах Востока, экономическим и социальным коллизиям средневековья в их конкретных проявлениях. Так, Бартольд в одной из неопубликованных рецензий писал о себе как человеке, «принимающем к сердцу не столько чисто государственные интересы, сколько интересы народных масс», и требовал изучать историю и быт населения Средней Азии «без фальшивой идеализации и в то же время без всяких расовых, националистических и религиозных антипатий», помня, что «характер народа образуется под влиянием политических и бытовых условий, причем последние далеко не одинаковы для различных классов населения»¹⁷.

Можно смело утверждать, что такого рода высказывания не могли появиться из-под пера Веселовского. Во всяком случае, если мы попробуем, скажем, сопоставить отношение к народам Востока Веселовского и Бартольда, сравнение не будет в пользу первого. Характерное для Бартольда уважение к народам Востока (в том числе Средней Азии) и их историческому прошлому, отчетливое понимание весомости их вклада в сокровищницу культуры у Веселовского проявлялось в несколько меньшей степени. Если Бартольд предстает перед нами в этом отношении как прогрессивно и во многом стихийно материалистически мыслящий буржуазный ученый, то Веселовский, несомненно, сочетает в себе черты буржуазно-дворянского историка¹⁸.

Уточняя место Веселовского в плеяде видных русских востоковедов второй половины XIX — начала XX в. по их общественно-политическим взглядам, следует признать, что Веселовский стоял гораздо ближе к Григорьеву, чем к Бартольду, был «правее» Бартольда.

Что касается Григорьева, то общезвестно, какая это была сложная и противоречивая в общественном аспекте натура. Убежденный приверженец монархического строя, человек весьма реакционных политических взглядов, ревнитель русского православия, исполнительный и косный чиновник (вспомним о Григорьеве — начальнике управления по делам печати!), представитель правого, чтобы не сказать крайне правого крыла славянофилов. И в то же время мы знаем Григорьева как субъективно безупречно честного и патриотически настроенного человека, стойкого поборника отечественной науки и защитника ее престижа и прав, энергичного

¹⁷ Архив АН СССР, ф. 68, оп. 1, д. 74, л. 1—7 (рецензия Бартольда на второе издание книги Остроумова «Сарты» не датирована, писана она во всяком случае до 1900 г.).

¹⁸ Хотя мы и не разделяем слишком категорического, как нам кажется, утверждения покойного А. Ю. Якубовского о том, что в этом отношении Бартольд «представляет полную противоположность взглядам и деятельности (курсив всюду наш.— Б. Л.) Н. И. Веселовского» («Из истории изучения монголов...», с. 66).

борца со взяточничеством и бюрократизмом в чиновничьей среде Оренбургского края и т. п. В научных трудах Григорьева мы найдем немало прогрессивных для своего времени взглядов. Так, например, в связи с историей Средней Азии мы можем вспомнить его работы о кочевниках, в которых он осудил примитивные попытки объяснить их вторжения в области с оседлым населением «кодной алчностью к грабежу» и сумел значительно расширить (пусть далеко не исчерпывающе) круг наших представлений о причинах таких вторжений.

В какой-то мере черты общественно-политического облика Григорьева могут быть отнесены и к Веселовскому. Вспомним, например, что субъективная честность Веселовского не раз заставляла его выступать в. казалось бы совсем не свойственной ему роли. Так, к неудовольствию университетского начальства, он открыто принимал «участие в чествовании профессоров, удаленных из университета произволом властей»¹⁹.

Говоря о причинах, по которым известный русский востоковед Н. В. Ханыков покинул Россию и переехал во Францию (что большинство авторов объясняет мотивами идейного характера), Н. И. Веселовский писал: «Ханыков был один из замечательных русских ориенталистов; к сожалению, в России не нашлось места, которое бы соответствовало его способностям и эрудиции»²⁰.

Обратимся теперь к трудам Веселовского по истории Средней Азии. Прежде всего нам бросаются в глаза идеалистические представления Веселовского о сущности и характере исторического процесса, несколько преувеличенное представление об определяющей роли географического фактора на развитие общества и т. п.

Переоценка значения географического фактора в сочетании с типично идеалистическо-романтическими суждениями сквозит, например, и в таких словах Н. И. Веселовского: «Степь имеет способность развивать в своих обитателях удаль, молодечество. Избыток молодчества требует исхода, могучая сила хочет развер-

¹⁹ Бартольд В. В. Николай Иванович Веселовский. Некролог.— Известия Российской Академии наук, сер. VI, т. XII, 1918 (Сочинения, т. IX. М., 1977, с. 647). Бартольд подчеркивал также высокие моральные качества Веселовского, его «исключительную преданность долгу». Веселовский «не допускал для себя никакой снискуры не только в элементарном, денежном, но и в более широком смысле. Для него не существовало права как бы почетного, без обязанности...» (Там же, с. 647).

²⁰ Русский биографический словарь, т. XXI. Спб., 1901, с. 279. См. также: Крачковский И. Ю. Очерки по истории..., с. 89. Пользуясь случаем, заметим к сведению заинтересованных исследователей, что в архиве Веселовского хранится папка с черновыми набросками некролога Н. В. Ханыкова, «списком сочинений Н. В. Ханыкова» и «сведениями в архиве Министерства народного просвещения о Николае Владимировиче Ханыкове» (Архив ЛОИА, ф. 19, д. 149, л. 1—17.). Новейшие авторы высказывают предположение, что Веселовский «рассчитывал, быть может, со временем написать о нем (Ханыкове.—Б. Л.) книгу» (Халфин Н. А. и Рассадина Е. Ф. Н. В. Ханыков — востоковед и дипломат. М., 1977, с. 6).

путься и, прежде ничем не стесняемая, находила себе удовлетворение в... лихих набегах»²¹.

В этом смысле Веселовский, сам того, видимо, не замечая, оказался в известном противоречии с суждениями о кочевниках даже своего учителя В. В. Григорьева, хотя высоко ценил его решительное выступление против неправильных взглядов на кочевников, главным образом, киргизов (казахов), ибо кочевники отличаются «способностями, сметливостью, вызванной лишениями кочевой жизни..., оседлым народам незнакомыми»²². Веселовский отмечал, что в период, «когда падали и возникали соседние с ним (Хивинским ханством.— *Б. Л.*) владения, когда одно государство поглощалось другим и теряло свою самостоятельность, Хива, точно так же подчинявшаяся силе обстоятельств, почти никогда не утрачивала вполне своей самостоятельности и [вновь] завоевала себе независимое положение». Причину этого Веселовский объяснял географическим положением Хивинского ханства. По его мнению, решающим фактором живучести Хивы являлось то, что ее окружали «бескормные, а потому трудно проходимые степи» и это же обстоятельство делало хивинцев «крайне дерзкими». Именно «условия местности,— пишет Веселовский,— сделали Хиву на страх и разорение ее соседям»²³.

Как видим, на первый план у Веселовского и здесь выступает решающее влияние географического фактора при игнорировании общественно-экономической стороны дела.

С идеалистических позиций рассматривал Веселовский и события социальной истории народов Средней Азии. Возьмем, например, отношение Н. И. Веселовского к оценке внутреннего устройства (общественного строя) современного ему Хивинского ханства и факторов «для развития его благосостояния в будущем».

С одной стороны, Веселовский отчетливо видит, что перед ним государственное образование с «жалким положением», при котором «высший класс или живет паразитом на счет побежденных, или привык пользоваться трудом своих рабов»²⁴.

Казалось бы, что эта абсолютно верная с классовой точки зрения оценка, к которой сейчас может присоединиться любой советский исследователь вопроса, должна была подсказать Веселовскому единственно правильные выводы о необходимости радикальных (не будем употреблять в данном случае слова «революционных») социальных преобразований внутри ханства. Но такой

²¹ Н. И. [Веселовский], рец. Султаны Кенисара и Садык. Биографические очерки султана Ахмата Кенисарина. Обработано для печати Е. Т. Смирновым. Ташкент, 1889.— «Исторический вестник», т. XXXVIII, 1889, Октябрь, с. 206.

²² Веселовский Н. И. Василий Васильевич Григорьев.— ЖМНП, 1882. Март, с. 76.

²³ Веселовский Н. И. Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве, с. I—II.

²⁴ Там же, с. 363.

ход и образ мыслей чужд Веселовскому. Идеалистическая трактовка процесса общественного развития и здесь привела его к выводу, что все беды и несчастья Хивинского ханства зависят прежде всего от того, что в Хиве у власти стоит кунградская династия. В свое время эта династия «выставила таких выдававшихся из ряда посредственностей правителей, каковы были Ильтезер и Мухаммед-Рахим», а теперь ведет свою страну к упадку. Больше того. Такое объективно прогрессивное мероприятие русских властей, как официальная отмена и запрещение в Средней Азии рабства, по мнению Веселовского, наносило «последний удар» по экономическому состоянию ханства, уменьшая количество рабочих рук «бедного населения и производительность Хивинского оазиса».

Существенным недостатком в суждениях Веселовского о современной ему Средней Азии являлось то, что отмеченный им упадок хозяйственно-экономической и политической жизни, наблюдавшийся ко времени присоединения ее к России в сравнении с «былым процветанием Средней Азии в блестящее время Тимура и его потомков» хотя и констатировался, но объяснялся крайне односторонне — отсутствием способных правителей. Тут же надо заметить, однако, что представления об абсолютном упадке культурно-хозяйственной жизни Средней Азии после Тимура и тимуридов были свойственны не одному Веселовскому, но в значительной степени В. В. Бартольд, а позднее А. Ю. Якубовскому и другим.

Нотки субъективных суждений о людях и событиях Средней Азии позднейшего времени проскользнули и в комментариях Веселовского к рассказам Мирзы Ахмеда о кокандском военачальнике, впоследствии правителе Кашгарии Якуб-беке. И здесь Веселовский не проявил умения и желания охарактеризовать социально-экономическую и политическую обстановку, на фоне которой развернулись события, связанные с именем и деятельностью Якуб-бека²⁵.

По мнению Веселовского, в утверждении Якуб-бека властителем Кашгарии «все дело заключалось в счастье, которое вознесло его на такую высоту». Точно так же и продолжительность правления Якуб-бека объяснялась Веселовским «чистой случайностью».

Далее, единственным качеством, присущим Якуб-беку на посту «государя древней обширной страны», являлась, по словам Веселовского, хитрость, которая «...ни в каком случае не может заменить того особенного ума, который принято называть государственным... Возвышение лиц подобного рода показывает, до какой степени упала Средняя Азия»²⁶.

Хотел того Веселовский или нет, но утверждения подобного рода, мало отличались от «глубокомысленных» суждений о Сред-

²⁵ Веселовский Н. И. Бадаулет Якуб-бек, аталык Кашгарский. — ЗВРАО, т. XI, 1899, с. 87—103.

²⁶ Там же, с. 87.

ней Азии и «среднеазиатских деятелях нового времени», высказываемых идеологами колониальной политики царской России. Действительно, нехитрая концепция их и сводилась в конечном счете к тому, чтобы, воздавая должное некоторым страницам прошлой истории Средней Азии, «сочувственно» сетовать на ее безрадостное положение, глубокий и безысходный упадок в настоящем. Иначе говоря, Средняя Азия когда-то достигала значительного уровня в своем развитии, выдвигала крупных исторических деятелей, а теперь лишилась всего этого и не в состоянии более двигаться вперед своими силами, без покровительства извне.

Сказанное подтверждается и тем, что Веселовский выражал убеждение, что присоединение к России вернуло бы Хиве ее «прежнее благосостояние», напоминающее «цветущие времена Древнего Хорезма». Правда, Веселовский подчинил этот вопрос суждениям, насколько выгодным в экономическом и стратегическом отношении для России явится такое присоединение и по сути дела высказывался против него.

Такая позиция Веселовского не расходилась, собственно говоря, с позицией умеренных (если так можно сказать) политических кругов России, полагавших, что в решении вопроса о присоединении всей территории Средней Азии к России нужны осмотрительность, осторожность и дальновидность, следует учитывать как внутренние, так и внешнеполитические аспекты дела. Избегая проявления восторгов касательно завоевания Средней Азии царизмом, Веселовский в то же время положительно оценивал «возрождение русской государственности» (как тогда говорили) в крае²⁷.

В упомянутой статье о мангытской династии в Бухаре Н. И. Веселовский не преминул заметить, что «в настоящее время... народ в Бухаре не очень-то благоденствует; он отягощен налогами. По-земельная подать платится в размере третьей части; танапная подать увеличена. Сверх прежних налогов наложены новые подати, которых раньше не было»²⁸.

Но тщетно мы ждали бы от Веселовского сколько-нибудь радикального вывода из этого его замечания. Скорее всего и здесь оно приводилось лишь в косвенное подтверждение мысли о целесообразности перехода Бухары под владычество России.

И тем не менее временами Веселовский высказывал весьма меткие суждения о последствиях завоевания царизмом Средней Азии. Очень поучительна в этом отношении запись Н. И. Веселовского в марте 1885 г., обнаруженная нами в ЦГАЛИ (Москва). Отмечая варварское отношение колониальной туркестанской администрации к сохранению местных памятников древности, клад-

²⁷ Веселовский Н. И. Новые материалы для истории Кокандского ханства.— ЖМНП, ч. CCXLVIII, 1886, Ноябрь, с. 194—195.

²⁸ Веселовский Н. И. Мангытская династия, ныне царствующая в Бухаре.— «Туркестанские ведомости», 18 июня 1878 г., № 28.

биш и т. п., Веселовский писал: «Уж подлинно военное (подчеркнуто Веселовским.— Б. Л.) управление... Мы думаем, что дали покоренным нами азиатам мир, спокойствие, безопасность... Но есть и еще высшее благо, высшее всего этого. Это национальность, национальное чувство... Надо войти в положение покоренных мусульман. Тяжела смерть политическая, еще тяжелее смерть национальная. А при нашем владычестве они именно обречены на обезличение. Можно ли променять национальность за какое-либо благополучие? И надо ли удивляться, что будут вспышки против нашего владычества... Есть национальные интересы, которые прорвутся наружу несмотря на то, сыт и обут народ или голоден-холоден»²⁹. Таким образом, Веселовский не обманывался на счет отношения населения Средней Азии к царскому завоеванию, но не видел при этом правильных путей к установлению дружественных отношений между русским народом и народами Средней Азии.

Говоря о вторжении узбеков в Хорезмский оазис в начале XVI в., Веселовский и тут не показал стремления глубоко и всесторонне разобраться в существе вопроса и ограничился тем, что привел слова Шейбани-хана, что сопротивление населения этой страны было «растоптано копытами коней победоносных узбекских войск»³⁰.

В действительности, как мы знаем, вторжение в начале XVI в. Шейбани-хана нанесло временный урон земледелию и орошению на хивинской территории. Эту сторону дела Веселовский отметил правильно. Но он не учел, однако, ряда других важных факторов, в частности того, что узбеки не представляли собою только кочевников-скотоводов. Среди них были и земледельцы из низовьев Амударьи, да и некоторые узбекские кочевые племена имели орошаемые земли, расселяясь в районе посевов на соответствующий период времени. Шел и обратный процесс: влияние на социальное устройство шейбанидских узбеков феодального земледелия оседлых районов Средней Азии. Упадок земледелия после вторжения войск Шейбани-хана носил преходящий характер. В собственных интересах правящая верхушка пришедших племен была вынуждена заботиться о преодолении хозяйственного упадка и развитии местного земледелия, хотя непрерывные феодальные междоусобицы тормозили этот процесс, как они тормозили его, кстати сказать, и при тимуридах. Основная масса шейбанидских узбеков вошла в среду местного земледельческого населения³¹.

²⁹ ЦГАЛИ, ф. 118, оп. 1, д. 1205, л. 89—90 («Дневник научной поездки в Туркестан 1885 года»).

³⁰ Веселовский Н. И. Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве..., с. 363.

³¹ Из новейших публикаций см.: Абдураимов М. А. О некоторых категориях феодального землевладения и положения крестьян в Бухарском ханстве в XVI—начале XIX в.—«Общественные науки в Узбекистане», 1963, № 7, с. 32—34; Ахмедов Б. А. Государство кочевых узбеков. Отв. ред. И. П. Петрушевский. М., 1965, 195 с.

К тому же, как указал на это в наши дни А. Ю. Якубовский, «нельзя смешивать историю народа с историей его имени... кочевники-узбеки вошли в тюркоязычное население лишь как последнее слагаемое, передав ему свое имя»³². Основу узбекской народности составило тюркское и тюркизированное население Междуречья, сложившееся здесь за несколько столетий до появления в Средней Азии узбеков из Дешт-и-Кипчакских земель в результате длительного и сложного этно-культурного процесса взаимного сближения и частичного слияния оседлого и кочевого населения.

В. В. Бартольд отмечал, что общие суждения Веселовского об исламе и буддизме были лишены чувства исторической перспективы. Усматривая в них «силы, враждебные современной русской и европейской культуре», Веселовский «был склонен преувеличивать и в прошлом отрицательные стороны этих культурных факторов и не вполне оценивал их заслуги»³³.

Достоинство, однако, внимания следующее высказывание Н. И. Веселовского: «Европейцы теперь свысока смотрят на Азию, преимущество их перед азиатами так велико во всех отношениях, что установилось убеждение, будто Европе нечему учиться у Азии. На нее преимущественно смотрят с практической стороны, со стороны торговых выгод.

Но если мы углубимся в изучение прошлого различных государств Азии, отчасти уже не существующих ныне, то увидим, что культурное влияние Востока на Запад и очень сильно и очень продолжительно. Степень этого влияния (а равно и обратного) еще недостаточно изучена, а потому недостаточно выяснена. Между тем крупные штрихи бросаются в глаза при самом поверхностном взгляде»³⁴.

Ограничимся приведенными примерами. В своей совокупности они свидетельствуют, что в трудах по Средней Азии Веселовский проявил себя как буржуазный ученый, придерживавшийся идеалистических воззрений на исторический процесс. Не был свободен он и от пережиточного влияния идеологии дворянского востоковедения. Надо думать, что последним Веселовский был обязан прежде всего своей близости к Императорской археологической комиссии и через нее — к бюрократическим верхам дворянства.

* * *

Подведем итоги. В лице Николая Ивановича Веселовского отечественное востоковедение последней четверти XIX — начала XX в. имело одного из видных своих представителей. Энергичная научная, преподавательская и организаторская деятельность

³² Якубовский А. Ю. К вопросу об этногенезе узбекского народа. Ташкент, 1940, с. 3.

³³ Бартольд В. В. Н. И. Веселовский как исследователь Востока... — ЗВРАО, т. XXV, 1921, с. 248.

³⁴ ЦГАЛН, ф. 118, оп. 1, д. 280, л. 250.

Н. И. Веселовского по праву стяжали ему широкую известность и признание.

А. Ю. Якубовский указал, что Н. И. Веселовский «значительно уступал как востоковед и как историк и своим предшественникам (В. В. Григорьев, П. И. Лерх) и своему младшему современнику, В. В. Бартольд»³⁵.

Соглашаясь, в общем плане, с этой оценкой, мы должны, однако, подчеркнуть другую сторону дела. Верно, что Веселовскому как ученому-востоковеду не суждено было превзойти ни своего предшественника Григорьева, ни своего университетского слушателя и младшего по возрасту собрата по науке Бартольда. Это несомненно. Но столь же несомненно, что, безотносительно к такого рода сравнению, Н. И. Веселовский сделал очень много на пользу отечественного востоковедения и именно в данном плане воспринималась и высоко оценивалась эта деятельность современниками Веселовского, видными востоковедами конца XIX — начала XX в. В лице Н. И. Веселовского мы имели, в частности, ученого, всегда и во всем исходившего из твердого убеждения, что «Россия неразрывно связана с Востоком»³⁶ и поэтому уделявшего историческим судьбам последнего первостепенное внимание.

Значительными следует признать заслуги Н. И. Веселовского, который предстает перед нами как «крупный знаток истории Средней Азии и выдающийся историк русского востоковедения»³⁷.

В первой главе книги мы видели, как широк был круг поручений командированному в Среднюю Азию Н. И. Веселовскому не только Археологической комиссии, но и восточного факультета Петербургского университета и какие большие надежды возлагались ими на молодого ученого. Эти поручения выходили за рамки археологии и призваны были помочь в получении новых и более реальных представлений не только о древнейшем прошлом края, но и данных историко-географического, историко-этнографического и лингвистического характера.

Н. И. Веселовский с исключительной добросовестностью стремился оправдать оказанное ему доверие, проявив при этом качества энергичного, зорко наблюдательного, вдумчивого и эрудированного исследователя. По тем временам ему действительно удалось значительно приоткрыть завесу над далеким прошлым некоторых местностей Средней Азии, высказать ряд научно обоснованных соображений о памятниках и предметах древности, избегнув преждевременных выводов, выходящих за пределы фактического выявленного и изученного материала.

В своей совокупности работы Н. И. Веселовского в Средней Азии явили важную и во многом новую страницу в истории изучения истории края.

³⁵ Якубовский А. Ю. Из истории археологического изучения Самарканда..., с. 290.

³⁶ ЗВОРАО, т. XXII, 1915, с. XXIV.

³⁷ Кононов А. Н. Восточный факультет Ленинградского университета..., с. 13.

С именем Веселовского связан, таким образом, начальный этап научного изучения многочисленных памятников материальной культуры этой обширной территории. «Веселовский — заметил В. В. Бартольд, — неразрывно связал свое имя с изучением памятников древности в Средней Азии»³⁸.

Его рекогносцировочные раскопки на Афраснабе и других местах были успешно продолжены затем В. В. Бартольдом, особенно В. Л. Вяткиным и другими исследователями, а в годы Советской власти получают все больший размах и ведутся на неизмеримо более строгой научной основе.

Указания, что Веселовский первым «удачно провел» раскопки «высокоразвитых уже в глубокой древности, а в середине века культурнейших в мире» городов Средней Азии³⁹, а тем более, что именно он «первым провел раскопки античных городов Средней Азии»⁴⁰, несколько преувеличены. Но остается фактом, что раскопки Веселовского действительно возбудили ряд важных вопросов о прошлом исторически сложившихся городов Средней Азии, в частности, заставили задуматься над возможностью их существования еще в далекой древности, о чем свидетельствовали находки изделий античного круга в руинах Афраснаба.

Говоря о значении изучения истории средневековых городов Средней Азии, Веселовский призывал в первую очередь продолжить начатые им исследования в Самарканде, уделив особое внимание выяснению исторической топографии города с привлечением письменных известий о прошлом Самарканды, чтобы объяснить эти известия путем осмотра местности — подход, который и в наши дни должен быть признан совершенно правильным, хотя и не охватывающим всей проблемы изучения руин этого крупного среднеазиатского города.

В историю науки вошел ряд новых для своего времени и верных выводов и наблюдений Веселовского касательно характера насыпей, известных в Средней Азии под названием «тепе», наличия местного производства стеклянных изделий в древности, связи «глиняных гробов» (оссуариев) с зороастризмом (культ огнепоклонников) и многие другие.

В этом плане с особенной силой осознается справедливость утверждения В. А. Крачковской о том, что «заслуги Н. И. Веселовского перед русской наукой велики. Не выполнив всего сам, он сумел найти верное направление, и на долю современного поколения востоковедов... выпала ответственная задача продолжить усовершенствованными методами и, где возможно, завершить дело, начатое Н. И. Веселовским в Средней Азии»⁴¹.

³⁸ Бартольд В. В. Иран. Ташкент, 1926, с. 120 (Сочинения, т. VII, М., 1971, с. 331).

³⁹ Арциховский А. В. Основы археологии. М., 1955, с. 10.

⁴⁰ Веселовский Николай Иванович. — Большая Советская Энциклопедия, т. 7, М., 1951, с. 544 (Также: БСЭ, т. 4, М., 1971, с. 569).

⁴¹ Крачковская В. А. Эпиграфика Средней Азии. — «Эпиграфика Востока», VII, М.—Л., 1953, с. 53.

Заслуживает внимания историографа содержание неопубликованного письма Н. И. Веселовского на имя Н. П. Остроумова: «Надо, конечно, отдавать себе отчет, что я, Вы и другие делаем не больше чем первые шаги, пытаюсь приоткрыть завесу, скрывающую от глаз потомков длительное историческое прошлое Туркестана, одного из очагов цивилизации в древности».

Те, кто придут вслед за нами, будут, надо думать, счастливей нас. У них будет больше опыта и реальных знаний, больше умения правильно вести раскопки курганов и городищ, станут более известными письменные известия (*неразборчиво*). Но согласитесь, что в интересах науки, да и для того, чтобы наше поколение заслужило добрую память, следует воздерживаться от дилетантизма в науке, от преждевременных громких выводов и чрезмерной смелости. Эти явления в кружке (Туркестанском кружке любителей археологии.— *Б. Л.*) и вне его я действительно «бичевал» (как Вы пишете о том с большим преувеличением) в своих рецензиях, но вовсе не полезную деятельность кружка и его членов, которую я, как и другие, оцениваю весьма высоко⁴².

Существенны также заслуги Веселовского в области эпиграфики (и отчасти этнографии и фольклора) Средней Азии и особенно в осуществлении научной фиксации историко-архитектурных памятников Самарканда и других среднеазиатских городов.

Веселовскому же мы обязаны публикацией отдельных восточных рукописей, содержащих ценные сведения по памятникам материальной культуры Самарканда и по ряду событий преимущественно новой истории Средней Азии (XIX в.). И вообще будет правильно заметить, что после В. В. Григорьева (и отчасти П. И. Лерха) никто не сделал так много для привлечения внимания научной общественности к прошлому Средней Азии, к проблемам изучения ее в историко-культурном отношении, как это было сделано Н. И. Веселовским.

В качестве востоковеда-историка Н. И. Веселовский известен своим обширным очерком историко-географических сведений, о Хивинском ханстве с древнейших времен до XIX столетия.

Весом его вклад в изучение дипломатических связей Средней Азии с Россией, преимущественно в XVII—XVIII вв.; здесь он выступил не только как автор, сообщивший по данному вопросу много новых и интересных данных в сочетании с выводами и наблюдениями, но и ввел в научный обиход ранее неизвестные и весьма ценные документальные материалы.

Веселовский известен также как автор статей по отдельным вопросам истории Средней Азии и сопредельных с нею стран.

Как историк русского востоковедения Н. И. Веселовский наряду с В. В. Григорьевым и В. В. Бартольдом занимает видное место в дореволюционной востоковедческой историографии. «Работы об официальном преподавании восточных языков в России,

⁴² Письмо от 29 ноября 1898 г. (из собрания автора книги; дар проф. Л. В. Ошанина).

об истории Русского археологического общества, биография В. В. Григорьева и монография о К. П. Патканове, профессоре Санкт-Петербургского университета, знаменитом арменисте, сохраняют имя Веселовского в истории русской науки»⁴³.

Многолетняя педагогическая деятельность Веселовского, в первую очередь и особенно на кафедре истории Востока Петербургского университета, где он читал курс истории Востока, в том числе истории Средней Азии, способствовала зарождению и развитию интереса слушателей факультета к работе на поприще востоковедения вообще, туркестановедения в частности.

Один из слушателей лекций ученого — ныне покойный востоковед Иван Иванович Умняков вспоминает: «Лекции Н. И. Веселовского я имел возможность слушать в университете в последние годы его жизни и у меня сохранились самые лучшие о нем воспоминания. Веселовский, конечно, заслужил, чтобы о нем как исследователе Средней Азии, да и не только Средней Азии, была написана специальная монография... Николай Иванович слыл среди студентов добродушным стариком. Студентам неприятностей никогда не чинил и они относились к нему с уважением»⁴⁴.

Его систематически публикуемые рецензии на различные издания востоковедческого характера и особенно рецензии на работы туркестанских авторов — изыскательные, но доброжелательные — пронизаны настойчивым стремлением избавить научно-краеведческую работу в области востоковедения от верхоглядства и кустарничества, помочь избежать пороков дилетантизма и тем самым направить ее на подлинно научный путь. В значительной мере той же цели служила переписка Н. И. Веселовского с местными деятелями, в которой ученый без назойливости и менторского тона выступал в роли наставника и советчика в научных вопросах. Нет сомнения, что эта сторона деятельности Веселовского сыграла положительную роль в организации силами местных исследователей изысканий по истории Средней Азии.

Нельзя, наконец, не оценить по достоинству большой научно-организаторской работы Веселовского по кафедре истории Востока Петербургского университета, отделению этнографии Русского географического общества и другим научным обществам, Восточному отделению Русского археологического общества, Археологической комиссии и т. п. Эта работа существенно содействовала успехам дореволюционного востоковедения конца XIX — начала XX в. И делал Н. И. Веселовский все это энергично, с широким («сильным и богатырским», по словам Б. В. Формановского)

⁴³ [Кононов А. Н.] Веселовский Николай Иванович. — В кн.: Библиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период. Под редакцией и с введением А. Н. Кононова. М., 1974, с. 139 (ср. со словами В. В. Бартольда, что «сведения об официальном преподавании восточных языков в России до сих пор остаются незаменимым пособием для всех, изучающих историю русского востоковедения» (ЗВОРАО, т. XXV, с. 345; Сочинения, т. IX. М., 1977, с. 655).

⁴⁴ Письмо проф. И. И. Умнякова автору данной книги от 2 июля 1963 г.

размахом, ненасыщаемой научной пылкостью и глубокой преданностью интересам отечественного востоковедения.

«Русскому государству,— писал Веселовский,— досталось обладание крупными культурными центрами древнего человечества: Сибирью, Кавказом и Закавказьем, а в последнее время — Западным Туркестаном и Закаспийской областью...»⁴⁵. Веселовский призывал к изучению истории культуры этих обширных территорий.

Незадолго до смерти Веселовский оказал еще одну важную услугу делу развития востоковедческой работы в Средней Азии. В качестве представителя Петербургского университета он был деятельным членом специальной комиссии по организации в Ташкенте первого в Средней Азии высшего учебного заведения (Туркестанского университета), в котором должны были быть широко представлены востоковедческие дисциплины. В эту комиссию, помимо Веселовского, входили В. В. Бартольд, Н. Я. Марр, А. Н. Самойлович, С. Ф. Ольденбург, А. Э. Шмидт и другие. Вслед за этим Н. И. Веселовский возглавил комиссию, разработавшую планы преподавания на историко-филологическом факультете Туркестанского университета⁴⁶.

Тяжело больной, в неустойчивой бытовой обстановке первых революционных месяцев Веселовский до последних дней не переставал жить наукой и во имя науки. Невзирая на сердечную слабость и вопреки советам врачей продолжал он посещать научные заседания. По свидетельству современника, 7 января 1918 г. Веселовский, «уже совсем больной, прибыл в общее собрание Общества (ВОРАО.—Б. Л.) пешком (из-за отсутствия всяких средств сообщения), сделав огромный конец от своей квартиры (Забалканский, 49) до помещения Общества (Литейный, 44)»⁴⁷.

Таким образом, вся жизнь Н. И. Веселовского, от начала на-

⁴⁵ Веселовский Н. И. История Императорского Русского Археологического Общества за первое пятидесятилетие его существования. Спб., 1900, с. 10—11.

⁴⁶ Умняков И. И. В. В. Бартольд (По поводу 30-летия профессорской деятельности).— Бюллетень Ср.-Аз. гос. университета, Ташкент, 1926, № 14, с. 175. С некоторыми коррективами этот план и был учтен при построении учебной работы названного факультета Туркестанского народного университета, открытого 21 апреля 1918 г., в известной мере на базе этого факультета в июле 1918 г. в Ташкенте был образован Туркестанский восточный институт (Лунина Б. В. Из истории первого высшего востоковедного учебного заведения в Средней Азии.— В кн.: Очерки по истории русского востоковедения, VI, М., 1963, с. 325—340).

⁴⁷ ЗВОРАО, т. XXV, 1921, с. 380. В архиве хранится удостоверение, выданное ректором Петроградского университета Э. Гриммом 22 января 1918 г., за № 108, следующего содержания: «Предъявитель сего, служитель при Главной библиотеке Петроградского университета Иосиф Бобок, командирован для перевозки связок с книгами из квартиры профессора сего Университета Н. И. Веселовского (Забалканский пр., 49) в библиотеку Петроградского университета». Неясно, идет ли здесь речь о возврате Веселовским библиотечных книг или, что более вероятно (поскольку говорится о связках книг, потребовавших специальной перевозки, т. е., видимо, о большом количестве книг), о книгах, пожертвованных университетской библиотеке Веселовским незадолго до смерти. Не смогли мы установить точно этот факт и с помощью научной

учной деятельности до последнего дыхания, была отдана востоковедению. То был (слова В. В. Бартольда) «человек культуры и человек долга в лучшем смысле этого слова»⁴⁸.

Н. И. Веселовский «оставил нам,— писал Б. В. Фармаковский,— огромное, ценнейшее научное наследство, которое всё создали его энергия, его умение, его знания. Долг свой перед наукой и обществом Н. И. исполнил до конца... Озираясь на жизненный путь, совершенный Н. И. Веселовским, мы должны сказать, что наука и общество потеряли в нем крупного деятеля, много и искренне послужившего на ниве просвещения народу»⁴⁹.

Замечено, что в прошлом столетии «изучение Востока сделало в России, может быть, более значительные успехи, чем в Западной Европе»⁵⁰, а «к последней четверти XIX столетия достижения отечественного востоковедения получают всеобщее признание: русское востоковедение (в основных областях) заняло ведущее положение в европейской ориенталистике»⁵¹, «русские востоковеды вообще и ученые факультета восточных языков (Петербургского университета.— *Б. Л.*) пришли к Октябрьской революции с выдающимися общепризнанными достижениями»⁵².

Это в целом. Что же касается отдельных этапов истории развития отечественного востоковедения, то их периодизация (тем более подробная) по сути дела остается неразработанной, и общепризнанных положений на сей счет пока не имеется. Один из новейших исследователей вопроса выделяет три следующих основных этапа «в развитии отечественного научного востоковедения... совпадающих в общем с развитием мировой ориенталистики: первый этап (конец XVIII — первая половина XIX в.) — формирование научных основ востоковедения; второй этап (вторая половина XIX в.— 1917 г.) — расширение и систематизация научных востоковедных исследований; третий этап (с 1917 г. до настоящего времени) — советское востоковедение»⁵³.

библиотеки им. М. Горького при Ленинградском государственном университете. Из письма библиотеки от 7 декабря 1977 г. явствует, что «архивные материалы [тех лет] сохранились далеко не полностью; кроме того, в библиотеке не было принято хранить пожертвованные учеными библиотеки в виде отдельных комплексов, и разыскать в фондах книги, принадлежавшие Н. И. Веселовскому, не удалось». Известно также, что «основу (фонда восточных изданий и рукописей)» составили в числе других «наиболее значительных приобретений (путем пожертвования)... коллекции рукописей из Средней Азии проф. Н. И. Веселовского, а также «пожертвования от вдов профессоров В. А. Жуковского и Н. И. Веселовского» (см.: Востоковедение в Петрограде. 1918—1922, Пг., 1923, с. 53—54).

⁴⁸ Известия Российской Академии наук, сер. VI, № 9. Пг., 1918, с. 816.

⁴⁹ ЗВОРАО, т. XXV, 1921, с. 381, 385.

⁵⁰ Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России. Л., 1925, с. 232.

⁵¹ Кононов А. Н. Некоторые вопросы..., с. 1—2.

⁵² Кононов А. Н. Восточный факультет Ленинградского университета (1855—1955).— Вестник ЛГУ, 1957, № 8, с. 14.

⁵³ Брагинский И. С. Развитие отечественного востоковедения.— В кн. автора: Проблемы востоковедения. Актуальные вопросы восточного литературоведения. М., 1974, с. 48—55.

Придерживаясь этой схемы, мы с полным основанием должны причислить Н. И. Веселовского к виднейшим востоковедам второго этапа как много сделавшего, в общей сложности, и для расширения и для систематизации историко-востоковедных изысканий и обогатившего отечественную науку, в частности туркестановедение.

Известна высказанная кем-то и не раз повторенная мысль о том, что человек после смерти не умирает еще лет сто — пока не умрут те, кто его знал, а потом те, кто слышал о нем от тех, кто его знал. Затем приходит забвение или легенда.

Если говорить о Николае Ивановиче Веселовском, надо констатировать, что сейчас, спустя шесть десятилетий после его кончины, уже ушли из жизни все, кто знал его лично и осталось очень мало людей из тех, «кто слышал о нем от тех, кто его знал».

Так забвение его памяти или легенда о нем?

Жизнь и деятельность Н. И. Веселовского лишены того, что могло бы повлечь за собою возникновение сейчас или в будущем творимой о нем легенды.

Что касается забвения, то общезвестно, что ученые и память о них живут прежде всего в их трудах. Напомним слова В. О. Ключевского, что «в жизни ученого и писателя главные биографические факты — книги, важнейшие события — мысли». Но труды его могут устареть в силу исключительно быстрого развития соответствующей отрасли науки и обогащения знаний по ней.

Последнее в определенной мере не могло не сказаться на научном наследии Н. И. Веселовского: далеко шагнуло вперед отечественное востоковедение за это время. Тем более отранно отметить, что забвение не угрожает доброй о нем памяти и прежде всего его научному наследию, в котором многие наблюдения, выводы и фактические материалы продолжают быть полезными для науки.

Выдержать испытание временем — это высшая оценка трудов ученого.

Остается добавить, что Николай Иванович Веселовский ушел из жизни (1918 г.) в дни, когда со сцены сходил старый мир, отступая под натиском сил нового мира, только начавшего свое вступление в жизнь. Великий перелом в истории страны не мог не сказаться, естественно, и на судьбах отечественной науки, в том числе востоковедения и археологии. Начинался процесс неизбежной ломки старого при критическом освоении научного наследия дореволюционного отечественного востоковедения и археологии. Первоначальные этапы этого большого, трудного и сложного процесса были не лишены издержек, ошибок, порой существенных и досадных, но временных, возникавших в ходе новаторских поисков первых послеоктябрьских лет⁵⁴. Но за всем этим стояла

⁵⁴ Напомним, к примеру, что в первые послеоктябрьские годы сам термин «археология» использовался нечасто. Он не исчез со страниц ни научных, ни популярных книг, но содержание его иногда сужалось. Учреждение, возникшее на базе бывшей Археологической комиссии, получило название Академии ис-

огромная забота Советского правительства и Коммунистической партии о судьбах молодого советского востоковедения, о расширении сферы его исследовательских и познавательных интересов, хронологических и территориальных рамок, о приближении к современности и пересмотре методологической основы исследований, об укреплении материальной базы научной работы, росте восточноведческих кадров. В итоге советское востоковедение все увереннее выходило на новый, широкий путь развития, приведший его к такому подъему и таким масштабам, которыми советская наука имеет все основания гордиться.

В становлении советского востоковедения суждено было принять участие ряду выдающихся востоковедов, чья жизнь и деятельность начиналась до Октябрьской революции. Среди них был и ученик Н. И. Веселовского — В. В. Бартольд и те ученые, которые в разное время и по разным поводам общались с Веселовским, были его коллегами по ряду научных организаций (Н. Я. Марр, С. Ф. Ольденбург и др.). Н. И. Веселовского уже не было среди них. Но вне зависимости от этого его деятельная жизнь и в целом весомые заслуги перед востоковедением оставили глубокий след в истории науки.

Было, правда, время, когда на оценке деятельности Веселовского-ученого, сказывались веяния конъюнктурного, упрощенческого характера, суждения, в которых зерна истины возводились в ранг определяющих общих облик Веселовского и его место в науке. Закономерно критический подход к оценке его научного наследия нередко оказывался поверхностным и односторонним.

Но жизнь, возрастающая зрелость марксистско-ленинской историографии неизбежно привели к тому, что имя Веселовского и его труды вновь стали привлекать к себе внимание.

Стремление способствовать постепенному созданию научной биографии Н. И. Веселовского и тому, чтобы его обширное научное наследие не ускользало от внимания новых поколений востоковедов за распыленностью этого наследия по библиографически редким и не всегда известным изданиям и руководило автором предлагаемой читателю книги поскольку деятельность крупных ученых выходит за пределы фактов их личной биографии, являя собою важные страницы истории науки.

тории материальной культуры; термин «археология» казался слишком старозаветным. В период кардинального обновления мира заниматься какой-то архайкой считалось странным, исследовать же материальную культуру — вполне уместным. Раздавались призывы «разрушить археологию так, чтобы от нее не осталось камня на камне». Говорилось, что не может быть никакой марксистской археологии (См., в частности, рецензию П. И. Борисковского на статью Б. В. Лунина «На пути к марксистской археологии», Журн. «Восточный мир», Харьков, 1930, № 4—5, с. 229—255.— Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры, Л., 1932, № 1—2, с. 65—66). Вновь завоевал место в советской науке термин «археология» в середине 30-х годов, когда после решений партии и правительства 1934 г. исторические науки были полностью восстановлены в правах (Формозов А. А. История термина «археология». — «Вопросы истории», 1975, № 8, с. 217—218.).

ПРИЛОЖЕНИЯ

**ИЗВЛЕЧЕНИЯ
ИЗ ОПИСИ ДЕЛ ЛИЧНОГО ФОНДА Н. И. ВЕСЕЛОВСКОГО,
ХРАНЯЩЕГОСЯ В ЦЕНТРАЛЬНОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ АРХИВЕ
ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА СССР (МОСКВА)**

ФОНД 118, ОПИСЬ 1, 1832—1917 г. Н. И. ВЕСЕЛОВСКИЙ¹

116. Отчет о расходовании 3000 руб., отпущенных на археологические исследования в Туркестанском крае, 1885, 6 л.
176. Записная книжка с заметками об археологической поездке в Ташкент, 1884, 5 л.
177. Записная книжка с записями личных расходов и путевых заметок, 1884—1885, 63 л.
178. Записная книжка с заметками о курганах и их раскопках, 1889, 53 л.
189. Записная книжка с заметками о раскопках курганов и личных расходах на поездку в Туркестан, 1907, 21 л.
211. Черновые записи о раскопках Афраснабова городища, б. д., 19 л.
212. Черновые записи о «Художественных терракотовых изделиях (статуэтках и масках) из Афраснабова городища, б. д., 51 л.
240. Записи «О курганах в Средней Азии», б. д., 12 л.
241. Отчетная статья Н. И. Веселовского об экспедиции для снятия планов и зарисовок в Туркестане, 1905, 4 л.
242. Записка «Древние города и крепости Туркестанского края», б. д., 2 л.
243. Рукопись «Описание развалин древних городов по дороге из Казалы в Ташкент», б. д., 28 л.
244. Черновые записи о принятии мер к сохранению самаркандских памятников древности, б. д., 6 л.
245. Отчет о самаркандских раскопках 1883 г. (рукопись переписана набело с черновика Веселовского), б. д., 75 л.
246. Черновые записи об археологическом исследовании Самарканда, б. д., 59 л. Здесь же: «Кладбище в Самарканде под названием Чильдухтуран (сорок девиц)», л. 14—29.
247. Черновые записи «Дагбид», б. д., 16 л.
248. Записка «Самаркандские терракоги», б. д., 7 л.
276. Рукопись об истории завоевания Туркестанского края, 1894, 10 л.
280. Черновые записи, заметки и выдержки о послах и дипломатических отношениях Московского государства с Востоком, б. д., 353 л.
281. Копии и выдержки из сказаний о приеме в России и отпуске среднеазиатских послов, б. д., 8 л.
283. Статейный список посланных в Бухарию, в Балх и Хиву посланников Бориса и Семена Пазухиных для выкупа российских пленных, б. д., 63 л.
289. Черновые записи и заметки о русских пленниках, б. д., 98 л.
290. Копия письма русских пленников в Хиве к оренбургскому губернатору о хане и настроениях в Хиве, 1832, 6 л.

¹ Здесь приводятся дела, наименование и содержание которых полностью и непосредственно относятся к Средней Азии, что, конечно, отнюдь не исключает наличия таких материалов и в других делах (ф. 118). Пометка «б. д.» означает «без даты», цифра перед названием — номер дела.

291. Орывок из записок о русском караване, попавшем в плен по дороге в Бухару и Хиву, б. д., 38 л.
292. Черновые записи о путешествии русских по восточным ханствам, б. д., 63 л.
327. Рукопись «Хивинское ханство», 1903, 14 л.
328. Орывок рукописи с историко-географическими сведениями о Хивинском ханстве, 1903, 40 л.
329. Черновые записи и заметки об истории Хивы, б. д., 19 л.
330. Записи о быте населения Хивинского ханства и письма Г. Попова (1876) о рыболовстве, б. д., 20 л.
331. Черновик отзыва о книге В. П. и М. В. Наливкиных «Очерк быта женщин оседлого населения Ферганы», б. д., 14 л.
332. Черновые записи и черновик рукописи Н. И. Веселовского «Подробности смерти узбекского хана Мухаммеда Шейбани», 1890, 29 л.
333. Разные записи и выписки об истории Кокандского ханства, б. д., 31 л.
334. Разные записи и выписки по истории Кокандского ханства, б. д., 31 л.
335. Черновые записи о Якуб-беке, б. д., 22 л.
336. [Дело] «Кокандского владельца о доказательстве его невинности в оклеветании его перед Багдаханом об отправлении посла и о платеже дани», б. д., 5 л.
339. Копии и выдержки из сказаний о калмыках, каракалпаках и киргизах, б. д., 13 л.
340. Рукопись Н. И. Веселовского «Ковровые изделия Средней Азии из собрания, составленного А. А. Боголюбовым», б. д., 7 л.
343. Черновые рукописи «Об оссуариях», б. д., 4 л.
348. Черновые записи по истории Аральской флотилии, 1913, 160 л.
349. Списки волостей и кишлаков Туркестанского края, б. д., 7 л.
350. К объяснительной записке по поводу проекта Туркестанского университета, б. д., 5 л.
- 354—362. Черновые записи и заметки по темам: Ефталиты, Чжурчженни, Илеки, Сельджуки, Тимуриды, Кидани, Джагатаиды (генеалогическая таблица), Гузы и др.
372. Черновая запись «Самарийя», б. д., 31 л.
380. Записка Н. И. Веселовского по поводу труда Е. Т. Смирнова о Кеннсары и Садыке, б. д., 2 л.
383. Рукопись «Греческие изображения на Туркестанских оссуариях», б. д., 9 л.
403. Черновые записи «Курбан-байрам в Бухаре», б. д., 5 л.
405. Черновые записи «Бозбанд», б. д., 4 л.
429. Записки о походах Александра Великого, б. д., 21 л.
430. «Пояснительная записка к карте походов Александра Великого» Б. Блументаля, 1900, 9 л.
431. Описание похода Александра Македонского в Бактриану и Согдиану, б. д., 16 л.
432. Записки Н. Бравина «Путь Александра Великого в Западный Туркестан», б. д., 15 л.
439. Черновые записи о труде П. Шубинского по истории Бухарского ханства, б. д., 4 л.
440. Черновая рукопись Н. Ильинского «Описание Самарканда», б. д., 5 л.
444. Записка Соковнина «Об отношении туркмен к России вообще и Оренбургскому управлению в особенности», б. д., 10 л.
462. Записки о мечети Биби-Ханым, 1898, 20 л.
463. Черновые записи «Мечеть Гур-Эмир», б. д., 36 л.
498. Рукопись и черновики ее о Самарканде (на французском языке), б. д., 11 л.
502. «Песня о Худояр-хане» в записи Н. Ф. Катанова, б. д., 3 л.
507. Черновые записи о курумах, б. д., 12 л.
522. Записка Н. И. Веселовского о необходимости издать сборник рассказов русских пленных.
523. Записка «Русское дело в Средней Азии», б. д., 1 л.
524. Запись С. М. Дудина о своей работе в экспедиции, б. д., 1 л.

532. Каталог рукописей и книг на восточных языках, приобретенных по распоряжению начальника Зарафшанского округа, 1875, 4 л.
550. Записка «Печати главнейших среднеазиатских владельцев настоящего времени», 1860, 5 л.
562. Тетради с черновыми записями о дворце в Шахрисабзе, 1897, 15 л.
578. Описание местности при поездке в Туркестанский край, б. д., 14 л.
579. Дневник научной поездки в Той-Тюбе, 1885, 10 л.
586. Черновые записи об Г. А. Арндаренко и его книге «Досуги в Туркестане», б. д., 2 л.
616. Черновые записи о книге Е. Т. Смирнова по истории Сыр-Дарьинской области, б. д., 1 л.
623. Рукопись Н. И. Веселовского «К биографии М. Г. Черняева», б. д., 24 л.
767. Из переписки с Туркестанским кружком любителей археологии, 1909, 2 л.
794. Письма к Н. И. Веселовскому В. В. Бартольда, 1913, 24 л. (16 писем).
852. Письма С. М. Дудина, 1895, б. д., 3 письма.
872. Письма А. Д. Калмыкова, 1909, 2 письма.
1186. Фотографии и рисунки орнаментов, надписей и находок древностей, 170 л.
1205. Дневники научной поездки в Туркестан, 1885, 93 л.
1206. Дневники научной поездки в Туркестан, б. д., 85 л.

СПИСОК ТРУДОВ Н. И. ВЕСЕЛОВСКОГО, СОСТАВЛЕННЫЙ В. В. ЛАТЫШЕВЫМ¹

В первой части этого списка дан перечень напечатанных трудов; они распределены по рубрикам, обозначенным буквами А—Д. Во второй части перечислены научные доклады и сообщения в ученых обществах, на археологических съездах и т. п.; доклады распределены по рубрикам А—З, причем в рубрике А сделаны еще более мелкие деления по буквам а—е. В каждом делении работы перечисляются в хронологическом порядке.

Названия периодических изданий и серий даны в списке в сокращениях; здесь дается перечень сокращений, редко встречающихся на страницах Записок Восточного отделения:

- АИЗ — Археологические известия и заметки.
- ВАИ — Вестник археологии и истории.
- ЖС — Живая старина.
- ЗОО — Записки Одесского Общества истории и древностей.
- ЗРВА — Записки Разряда военной археологии и археографии.
- ЗРГОЭ — Записки Русского географического общества по отделу этнографии.
- ИВ — Исторический вестник.
- ИРГО — Известия Русского географического общества.
- ИРК — Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии.
- ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук.
- ИТАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии.
- ОРГО — Отчет Русского географического общества.
- ПРАО — Протоколы общих собраний РАО за 1899—1908 гг. (Пг., 1915).
- ТРАС — Труды археологических съездов.
- ТВ — Туркестанские ведомости.
- ЭС — Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона (изд. I). Во всем словаре удалось найти только две значительные статьи за полною подписью Н. И.; кроме того, ему принадлежит несколько мелких (иногда лишь в несколько строк) статей, подписанных инициалами Н. В.

Названия некоторых современных изданий и сборников, упоминаемых по одному или по два раза, приводятся без значительных сокращений.

¹ См. примечание 51 на стр. 36.

ПЕЧАТНЫЕ ТРУДЫ

А. Отдельно изданные труды

1. Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего. Спб., 1877, II+VII+364 стр. 8°.
2. Василий Васильевич Григорьев по его письмам и трудам. 1816—1881. Спб., 1887, 288+0105 стр. 8°. С приложением портрета и факсимиле.
3. Киргизский рассказ о русских завоеваниях в Туркестанском крае. Текст, перевод и приложения. Спб., 1894 (Подробное изложение рассказа у А. Е. Алекторова — Указатель книг, статей и заметок о киргизах. Казань. 1900, стр. 204 сл.).
4. Речь, читанная в торжественном собрании Императорского русского археологического общества 15 декабря 1896 г. Спб., 1896, 32 стр. 8°.
5. История Императорского русского археологического общества за первое пятидесятилетие его существования, 1846—1896. Приложение — портреты. Спб., 1900, 516 стр. 8°.
6. О местоположении Гюлистана при-Сарзайского. Киев, 1907, 10 стр. 8° (Оттиск из невышедшего в свет сборника статей, посвященных В. Б. Антоновичу).
7. Гератский бронзовый котелок 559 г. г. джры (1163 по Р. Х.) из собрания гр. А. А. Бобринского. — Материалы по археологии России, № 33; отдельное издание с 10 таблицами и 5 рисунками. Спб., 1910, 4°.
8. Лекции по истории Востока. Несколько литографических изданий слушателей (1886—7, 1887—8, 1888—9 и др.).
9. Первобытные древности (История Южной России). Пособие к лекциям, читанным в Санкт-Петербургском археологическом институте. Спб., 1901. 8° (литограф.).
10. Первобытный человек (Доисторическая археология). Лекции. Изд. и рисунки Н. С. Соломко. Спб., 1902.
11. Лекции по истории Востока, просмотренные проф. В. В. Бартольд. Спб., 1910.

Б. Статьи и заметки в современных изданиях и сборниках

12. Манкытская династия, ныне царствующая в Бухаре. — ТВ, 1878, № 28 (Подписано: Н. В.).
13. Русские невольники в среднеазиатских ханствах. — ТВ, 1879, № 34 и 35. Отдельное издание: Ташкент: 1883, 11 стр. 8°.
14. Сведения об официальном преподавании восточных языков в России. Труды 3-го Международного съезда ориенталистов. 1876 г., т. 1. Спб., 1880, стр. 97+256 и 605—606.
15. Куликовская битва (По поводу ее пятисотлетия). — Древняя и Новая Россия, т. 18, 1880, № 9, стр. 5—23 (с планом и рисунком памятника).
16. Посольство в Хиву Ивана Михайловича Федотова и его статейный список пребывания в Хиве 1669—1670. — ТВ, 1882, № 20.
17. Несколько новых соображений по поводу «пересмотра» вопроса о происхождении гуннов. — ЖМНП, 1882, сентябрь, отд. 2, стр. 90—102.
18. Basile Grigorieff et ses oeuvres. Le Muséon. — Revue internationale. 1882, v. 1, № 4, p. 609—617.
19. Путешествие Г. С. Карелина по Каспийскому морю. — ЖМНП, 1884, февраль, отд. 2, стр. 421—431.
20. Первое подданство туркмен России. — ИВ, 1884, май, стр. 301—306.
21. Прием в России и отпуск среднеазиатских послов в XVII и XVIII столетиях. — ЖМНП, 1884, июль, отд. 2, стр. 68—105.
22. Один факт из истории Герата (Нумизматическая заметка). — ИРАО, X (1884), стр. 60—61.
23. Существует ли в Средней Азии подделка древностей. — ЗВО, I (1887), стр. 110—114.
24. Брзбед. — ЗВО, I, стр. 161—168.

25. Посольство к зюнгарскому хун-тайчжи Цеван-Рабтану капитана от артиллерии Ивана Унковского. Путевой журнал его за 1721—1724 гг. Документы, изданные с предисловием и примечаниями.—ЗРГОЭ, X (1887), вып. 2, XLVI + 276 + VI стр. 8^о, с картою.
26. Сообщение о раскопках в городище Афрасиаб близ Самарканда в 1885 г.—ЗРАО, Новая серия, II (1887), стр. XCII—CIV.
27. Поездка в местность Сусингян в октябре 1885 г.—ЗВО, X, 1887, стр. 25—32.
28. Заметка о курганах Туркестанского края.—ЗВО, X, стр. 221—226.
29. Отчеты о раскопках в Кубанской области и Таврической губернии, производившихся ежегодно по 1917 г., помещены в ОАК за 1882—8 и следующие годы до 1915 включительно.
30. Рамазан в Самарканде и курбан-байрам в Бухаре.—ИВ, 1888, июль, стр. 141 (подписано: Н. И. В.).
31. Дагбид.—ЗВО, III (1883), стр. 85—95.
32. Передовые калмыки на пути к Волге.—ЗВО, III, стр. 365—370.
33. Случайные находки на Кавказе в 1885 и 1886 годах.—ЗРАО, Новая серия, III, (1888), стр. 461—464 (с 6 рис., подписано: Н. В.).
34. Сообщение о курганах в Бердянском уезде Таврической губернии.—ЗРАО, Новая серия, III, Протоколы, стр. LXIX—LXXVII.
35. Надгробный памятник Тимура в Самарканде. Тр. VII АС, II (1891), стр. 67—72 (Прочитано на съезде 14 августа 1887; см. Тр. VII АС, III, Протоколы., стр. 76).
36. Иван Данилович Хохлов, русский посланник в Персии и в Бухаре в XVII в.—ЖМНП, 1891, январь, стр. 48—72 (Прочитано в заседании VIII археологического съезда в Москве 22 января 1890, см. Тр. VIII АС, IV, 1897, Протоколы, стр. 183).
37. Скифский всадник. Поясная пряжка.—ИТАК, № 14 (1891), стр. 81—83, с табл.
38. Случайные находки.—ЗРАО, Новая серия (1892), стр. 407—409 (Подписано: Н. В.).
39. Заметка о стеклянном производстве в Средней Азии.—ЗВО, VIII, (1894), стр. 137—8.
40. Орхонские открытия.—ЖМНП, 1894, апрель, отд. 4, стр. 59—72.
41. Золотая Орда.—ЭС, XXIV (1894).
42. Отчет о раскопках, произведенных в 1894 г.—ОАК, 1894, прил., стр. 77—87.
43. Сообщение о каменных бабах в Таврической губернии (Письмо в Московское археологическое общество).—АИЗ, III (1895), стр. 65—66.
44. Перечень раскопанных в 1865 г. курганов в Кубанской области и найденных в них древностей.—ОАК, 1895, прил., стр. 129—137.
45. Памятник Ходжи Ахрара в Самарканде. Восточные заметки. Сборник статей профессоров и преподавателей Восточного факультета Санкт-Петербургского университета. Сиб. 1895, стр. 321—335, с 2 табл. и рисунками.
46. О тигре Сайтафарна.—«Новое Время», 1896, № 7263 и 7313 (Ср. АИЗ, IV, стр. 239).
47. Подробности смерти узбекского хана Мухаммеда Шейбани.—Тр. VIII АС, III, (1897), стр. 290—299 (Прочитано в заседании съезда 22 января 1890 г.; см. Тр. VIII АС, IV, стр. 174).
48. Когда появились складные ножи.—ЗРАО, X (1898), стр. 362.
49. Дольмен на древнем кладбище в верховьях реки Кифара (с 3 рис.).—ЗРАО, X (1898), стр. 368—370.
50. Бадаулет Якуб-Бек, аталык Кашгарский.—ЗВО, XI (1899), стр. 87—103.
51. Записка о снаряжении экспедиции с археологической целью в бассейн Тарима (Подписана Н. И. Веселовским, Д. А. Клеменцом и С. Ф. Ольденбургом).—ЗВО, XIII (1901), стр. IX—XVIII.
52. Из письма Н. И. Ильминского к В. В. Григорьеву от 17 января 1865 г.—ЗВО, XIII, стр. 038—039 (Подписано: Н. В.).
53. Каменные орудия в курганах Северного Кавказа первых веков христианской эры.—Тр. XI АС, I (1901), стр. 813—816 (Прочитано в заседании съезда 17 августа 1899 г.; см. Тр. XI АС, II, Протоколы, стр. 147).
54. Комментарий архимандрита Палладия Кафарова на путешествие Марка

- Поло по Северному Китаю. С предисловием Н. И. В-ского. — ИРГО, XXXVIII (1902), в. 1, стр. 1—46.
55. Шаманизм. — ЭС, LXXVII (1903).
 56. Случайная находка близ Новороссийска (с 3 рис.). — ИАК, в. 11 (1904), стр. 167—168.
 57. Курганы Кубанской области в период римского владычества на Северном Кавказе. — Тр. XII АС, 1 (1905), стр. 341—373 (Прочитано в заседании съезда 23 августа 1902 г.; см. Тр. XII АС, т. III, стр. 351).
 58. Мнимые «каменные бабы» (с 11 рис.). — ВАИ, в. 17 (1906), стр. 1—26. Чешский перевод: Domněle «kamenné Baby», Prel. A. Kašpar. Praha, 1906.
 59. Экспедиция в Туркестан для снятия планов и зарисовки в красках местных мечетей. — ИРК, 1906, № 9, стр. 23—26.
 60. Еще об оссуариях. — ЗВО, XVII (1907), стр. 0176—0180.
 61. Поездка Н. И. Любимова в Чугучак и Кульджу в 1845 г. под видом купца Хорошева. — ЖС, 1908, в. 2, стр. 170—189 и в. 3, стр. 312—331.
 62. Тананс младший. — «Гермес», 1909, № 6, стр. 246—252 (с рис.).
 63. Несколько пояснений касательно ярлыков, данных ханами Золотой Орды русскому духовенству. — ЗРГОЭ, XXXIV (Сборник в честь семидесятилетия Г. Н. Потанина), 1909, стр. 525—536.
 64. Свистящие стрелы (с 2 рис.). — ИАК, в. 30 (1909), стр. 156—160.
 65. Алебастровые и глиняные статуэтки домикенской культуры в курганах Южной России и на Кавказе (с 4 табл. и 11 рис.). — ИАК, в. 35 (1910).
 66. Развенчанный перстень. — ИАК, в. 37 (1910), стр. 87—88.
 67. По поводу ответа В. А. Городцова. — ИАК, в. 37 (1910), стр. 98—102.
 68. Чмырев курган (с рис.). — «Гермес», 1910, № 11—12, стр. 32—38.
 69. Перстень-печать Миран-шаха мирзы, сына Тамерлана. — Кауфманский сборник. М., 1910, стр. 229—234.
 70. Татарское влияние на посольский церемониал в московский период русской истории. Речь. Отчет Санкт-Петербургского университета за 1910 г., отд. X, стр. 1—13.
 71. «Миньят». Сборник статей, посвященных С. Ф. Платонову, Спб., 1911, стр. 17—26.
 72. Погрешности и ошибки при издании документов по сношению русских государей с азиатскими владельцами. — ЖС, 1909, в. 2—3, стр. 237, 268 и 1910, в. 1, стр. 147—159 (дополнение).
 73. Второе дополнение к статье «Погрешности и ошибки» и пр. — ЖС, 1911, стр. 31—34.
 74. По поводу статьи Е. Е. Тевяшова (О назначении боковых отверстий у стрел). — ИАК, в. 40 (1911), стр. 162—164.
 75. Статуи воинов из категории «каменных баб» (с 2 табл.). — ИТАК, № 45 (1911), стр. 27—30.
 76. Записки по вопросу о приемах при производстве раскопок. — Тр. XIV АС, III (1911), Протоколы, стр. 99—104.
 77. Китайские символы в предметах украшения. Сборник статей, под[реценз.] графу А. А. Бобринскому, 1911, стр. 1—12.
 78. Загадочный Гюлистан Золотой орды. — ЗВО, XXI (1912), стр. 53—64.
 79. Пережитки некоторых татарских обычаев у русских. — ЖС, 1912, стр. 27—38.
 80. Неудавшееся посольство в Крым стольника Бориса Андреевича Пазухина в 1679 г. — ЗОО, XXX (1912), стр. 179—216.
 81. К вопросу о технике золотых рельефных украшений в греческом искусстве (с 2 табл.). — ИАК, в. 47 (1913), стр. 96—103.
 82. Из находок в кургане Солоха. I, II (с рис.). — «Новое Время», 1913 г., иллюстрированное приложение к №№ 13508 (19 октября) и 13550 (30 ноября). Перепечатано в ИАК, Прибавление к в. 52, стр. 192—195.
 83. Благословительная халифская грамота 1779 г. — ИТАК, № 50 (1913), стр. 77—80.
 84. О горитах с ремнями. — ИАК, в. 54 (1914), стр. 117—118.
 85. Серебро скифского царя из кургана Солоха (с рис.). — «Старые годы», 1913, кн. 3.

86. Дополнение к статье [А. И. Иванова] «Походы монголов в Россию». — ЗРВА, III (1914), стр. 23—26.
87. Военно-исторический очерк г. Анапы (с рис. и табл.). — ЗРВА, III (1914), стр. 27—98 и отд.
88. По поводу гравюры Р. де Гоогс «Бой под Нарвою 19 ноября 1700 г.» — ЗРВА, III (1914), стр. 99—100.
89. Современное состояние вопроса о «каменных бабах», или «балбабах» (с 14 табл.). — ЗОО, XXXII (1915), стр. 408—444.
90. О турецко-татарском слове *тыш* («зуб») в дипломатических документах. — ЖМНП, 1915, апрель, отд. 2, стр. 329—331.
91. О приобретении для Императорского Эрмитажа нумизматической коллекции И. А. Стемповского (с портретом). — ИТАК, № 52 (1915), стр. 186—195.
92. Заметки по истории Золотой Орды. I. Золотоордынский хан Дюлень и царевич Дюдель. II. Золотоордынский хан Тохта (1291—1313 гг.) и царевич Токтомир. Дополнения и поправки. — ИОРЯС, т. 21 (1916), кн. 1, стр. 1—15 и 348.
93. О религии татар по русским летописям (Опыт комментария летописных известий). — ЖМНП, 1916, июль, отд. 2, стр. 81—101.
94. Мнимо должностной булаваульного тамговщика в империи Чингиз-хана. — ЗВО, XXIV, стр. 201—204.
95. Греческие изображения на туркестанских оссуариях (с 1 табл. и 15 рис.). — ИАК, в. 63 (1917), стр. 59—68.
96. К истории открытия Тмутараканского камня. — ВАИ, в. 22 (1917).
97. Бронзовый панцирный нагрудник с изображением головы медузы (с 1 табл. и 8 рис.). — ИАК, в. 65 (1918), стр. 1—8.
98. Роль стрелы в обрядах и ее символическое значение. — ЗВО, XXV, 1921, стр. 273—292.

В. Рецензии, отзывы и библиографические заметки

99. Образцы народной литературы монгольских племен. Сост. А. Позднеев. Вып. 1, СПб., 1880. Рец.: «Древняя и новая Россия», 1881, № 2, стр. 392—5.
100. Труды третьего международного съезда ориенталистов в Санкт-Петербурге в 1876 г. Т. I и II. СПб. и Лейпциг, 1879—1880. Рец.: ЖМНП, 1882, январь, отд. 2, стр. 197—223 и 1883, январь, стр. 195—216.
101. Рю и Гонзалес де Клавихо. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканде в 1403—1406 гг. Текст с переводом и примечаниями под ред. И. И. Срезневского. СПб., 1881. Рец.: ЖМНП, 1882, ноябрь, отд. 2, стр. 123—137.
102. Монгольская летопись «Эрдэнийн-эрхэ». Текст и перевод с пояснениями А. Позднеева. СПб., 1883. Рец.: ЖМНП, 1884, июнь, отд. 2, стр. 238—262.
103. Новые материалы по истории Кокандского ханства (По поводу сочинения Тарихи Шахрохи и Наливкина). Рец.: ЖМНП, 1886, ноябрь, отд. 2, стр. 175—195.
104. Библиографическая заметка о труде Наливкина. — ЗВО, I (1886), стр. 227.
105. В. Наливкин и М. Наливкина. Очерк быта жизни оседлого туземного населения Ферганы. Казань, 1886. Рец.: ЖМНП, 1887, апрель, отд. 2, стр. 266—285.
106. Краткая библиографическая заметка о том же труде. — ЗВО, 1, стр. 319; ОРГО, 1886, приложение.
107. Образцы народной литературы монгольских племен. Вып. 1, сост. А. Позднеев. СПб., 1880. Рец.: «Древняя и новая Россия», 1881, № 2, стр. 391—395¹.
108. Е. Смирнов. Сыр-Дарьинская область. СПб., 1887. Библиографическая заметка: ЗВО, II, 279 (подписано: Н. В.).

¹ У В. В. Латышева ошибочное повторение (см. № 99).

109. Отзыв о трудах В. Г. Тизенгаузена.—ЗРАО, II, стр. CXIV сл.
110. Н. Остроумов. Пословицы туземного населения Туркестанского края. Библиографическая заметка.—ЗВО, III (1888), стр. 141. (Подписано: Н. В.).
111. Н. О. Гондати. 1) Следы языческих верований у Маньзов. М., 1888. 2) Культ медведя у инородцев северо-западной Сибири. Библиографическая заметка: ЗВО, III, стр. 383—385 (Подписано: Н. В.).
112. В. Д. Смирнов. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII в. Спб., 1887. Рец.: ЖМНП, 1889, январь, отд. 2, стр. 168—203.
113. А. Кенисарин. Султаны Кенисара и Садык. Биографические очерки, обработанные для печати Е. Т. Смирновым. Ташкент, 1889, Рец.: ИВ, 1889, октябрь, стр. 206—208.
114. Г. А. Арендаренко. Досуги в Туркестане. Спб., 1889. Рец.: ЗВО, IV (1889), стр. 408—413.
115. Отзыв о труде А. Н. Харузина «Киргизы Букеевской орды».—ОРГО, 1889, прил., стр. 9—10.
116. К библиографии калмыцких сказок.—ЗВО, V (1890), стр. 112—113.
117. Н. И. Гродеков. Киргизы и Каракиргизы Сыр-Дарьинской области, т. I. Ташкент, 1889. Рец.: ЗВО, V, стр. 122 (Подписано: Н. В.).
118. Влад. Птицын. Этнографические сведения о тибетской медицине в Забайкалье. Спб., 1890. Библиографическая заметка: ЗВО, V, стр. 122 (Подписано: Н. В.).
119. Дополнение к библиографическому указателю статей, касающихся этнографии киргизов и каракиргизов, составленному А. Н. Харузиным.—Этнографическое обозрение, XI (1890), стр. 285—289.
120. Л. Лянглэ. Жизнь Тимура. Перевел с французского Н. Суворов. Ташкент, 1890. Библиографическая заметка: ЗВО, VI (1891), стр. 343—346 (Подписано: Н. В.).
121. Ипп. Кузнецов. Древние могилы Минусинского округа. Томск, 1889. Библиографическая заметка: ЗВО, VI, стр. 346—349 (Подписано: Н. В.).
122. Отзыв о трудах С. К. Патканова.—ОРГО, 1891, прил., стр. 25—26.
123. Дж. Банзаров. Черная вера, или шаманство у монголов и другие статьи под редакцией Г. Н. Потанина. Спб., 1892. Рец.: ИВ, 1892, февраль, стр. 580.
124. П. Шубинский. Очерки Бухары. Спб., 1892. Рец.: ЗВО, VIII (1894), стр. 157—165 (Подписано: Н. В.).
125. V. Schwarz. Alexander der Grossen Feldzüge in Turkestan. München. 1893. Рец.: ЗВО, VIII, стр. 375—376 (Подписано: Н. В.).
126. О переводе П. С. Попова сочинения Мэн-гу-ю-му-цзи.—ЖС, ч. 4 (1894), стр. 284.
127. Отзыв о труде В. Л. Серошевского «Якуты».—ОРГО, 1894, прил., стр. 35.
128. Автобиография Тамерлана. Перевод с тюркского Нила Лыкошина. Ташкент, 1894. Рец.: ЖМНП, 1896, январь, отд. 2, стр. 224—227.
129. Отзыв о сочинении А. А. Сплицына. Приуральский край. Археологические разыскания о древнейших обитателях Вятской губернии. М., 1893.—ЗРАО, VIII (1896), приложения к протоколу, стр. XLIX—LI.
130. Мухаммед Наршахи. История Бухары. Перевел с персидского Н. Лыкошин под редакцией В. В. Бартольда. Ташкент, 1897. Рец.: ЖМНП, 1897, декабрь, отд. 2, стр. 466—468.
131. И. И. Крафт. Из киргизской старины. Оренбург, 1900. Рец.: ЗВО, XII (1900), стр. 0125—0128 (Подписано: Н. В.).
132. Отзыв о сочинении графа А. А. Бобринского «Курганы и случайные раскопки близ местечка Смелы», т. III. Спб., 1901.—ПРАО, с. 113—125. (Прочитан в общем собрании РАО 2 мая 1902 г.).
133. Отзыв о труде графини П. С. Уваровой «Материалы по археологии Кавказа», вып. VIII. М., 1903.—ПРАО, стр. 175—182 (Прочитан в общем собрании РАО 20 февраля 1904 г.).
134. Ежегодник Ферганской области, т. I. 1902 г. Библиографическая заметка: ЗВО, XV (1904), стр. 045—046 (Подписано: Н. В.).
135. Отзыв о трудах С. К. Патканова.—ОРГО, 1905, прил. стр. (25)—(28).

136. Самаркандские мечети. Вып. 1. Мечеть Гур-Эмир. Спб., 1905. Библиографическая заметка: ЗВО, XVII, стр. 0181—0184.
137. П. Орлов. Кубанские казаки. Екатеринодар. 1908. Библиографическая заметка: ЗРВА, I (1911), стр. 015—024 (Подписано: Н. В.).
138. Ф. А. Щербина. История Кубанского казачьего войска, т. I. Екатеринодар, 1910. Библиографическая заметка: ЗРВА, I.
139. В. С. Шамрай. Хронология важнейшим событиям и законоположениям, имеющим отношение к истории Кубанской области и Кубанского казачьего войска. 1911. Библиографическая заметка: ЗРВА, I.
140. А. Д. Ламенов. К материалам для истории 1-го Кавказского полка Кубанского казачьего войска. 1910. Библиографическая заметка: ЗРВА, I.
141. П. Н. Короленко. Переселение казаков на Кубань. 1911. Библиографическая заметка: ЗРВА, I.
142. И. И. Княшко. Станичные и хуторские архивы Кубанского казачьего войска. 1911. Библиографическая заметка: ЗРВА, I.
143. Ковровые изделия Средней Азии из собрания, составленного А. А. Боголюбовым. Вып. I и II. Спб., 1908 и 1900 г. Рец.: ЗВО, XX (1912), стр. 03—07 (Подписано: Н. В.).
144. И. М. Холодковский и Н. Н. Годлевский. Нумизматические памятники Отечественной войны. Описание медалей и жетонов 1812—1912 гг. ЗРВА, II (1912), стр. 03—07 (Подписано: Н. В.).
145. P. Kouznetzov. La lutte des civilisations et les langues dans l'Asie Centrale. Paris, 1912. Рец.: ИВ, 1914, январь, стр. 305.
146. Ф. А. Щербина. История Кубанского казачьего войска, т. 2. 1913. Рец.: ЗРВА, III (1914), стр. 010—012. (Подписано: Н. В.).
147. Отзыв о сочинении В. В. Бартольда «История изучения Востока в Европе и России». Спб., 1911.—ЗВО, XXII (1915), приложение к протоколу, стр. XXII—XXIV.
148. М. Д. Приселоков. Ханские ярлыки русским митрополитам. Пг., 1916. Рец.: ЖМНП, 1917, март, отд. 2, стр. 118—130.
149. Отзыв о сочинении Адрианова «К археологии Западного Алтая». 1917.

Г. Биографии, некрологи, поминки

150. В. В. Григорьев. Некролог (Читан в заседании ВО 26 февраля 1882 г.).—ЖМНП, 1882, март, отд. 4, стр. 65—89; ПРАО, X (884), стр. 287—294.
151. К. А. Скачков. Некролог.—ЖМНП, 1883, июль, отд. 4, стр. 98—103.
152. П. И. Лерх. Некролог В. Г. Тизенгаузена и Н. И. Веселовского.—ЖМНП, 1884, ноябрь, отд. 4, стр. 57—66 (Извлечение в биографическом словаре профессоров и преподавателей Санкт-Петербургского университета за 3-ью четверть века его существования). Спб., 1898.
153. К. П. Патканов (с портретом).—ЗВО, V (1890), стр. 243—263.
153. С. М. Георгиевский. Некролог.—Исторический обзор, т. 7 (1894), стр. 154—156.
- 155—164. Биографические очерки: Бадмаев А. А., Бадмаев П. А., Григорьев В. В., Дорофеев Н. Н., Казембек А. К., Кельзи Ф. И., Кутиров Д. Д., Мельгунов Г. В., Навроцкий М. Т., Демьянов М. О., Токузиро Нисси, Яматов В. Г.—Биографический словарь профессоров и преподавателей Санкт-Петербургского университета за третью четверть века его существования, 1869—1894. Спб., 1898.
165. А. Ф. Бычков. Некролог.—ЗРАО, II (1899), стр. VII—XII. ПРАО, стр. 12—19.
166. Тридцать лет научной деятельности барона В. Р. Розена.—ЖМНП, 1902, декабрь, отд. 4, стр. 157—161 (без подписи).
167. В. В. Вельяминов-Зернов. Некролог.—ЖМНП, 1904, апрель, отд. 4, стр. 197—212.
168. Барон В. Р. Розен. Некролог.—ЖМНП, 1908, апрель, отд. 4, стр. 167—188.
169. Деятельность В. И. Ламанского в Императорском Русском географическом обществе.—ЖС, 1915, в. 1—2, стр. 1—8.

Д. Редакционные труды

170. Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии, т. 17, вып. 1 и 2. Спб., 1890—1891; т. 24, Спб., 1895.
171. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Изданы под редакцией Н. И. Веселовского. т. I, 1890; т. II, 1892; т. III, 1898.—ТВО, ч. XX—XXII.
172. Якуты. Опыт этнографического исследования В. О. Серошевского, т. I. Издание Имп. Русского географического общества. Под редакцией Н. И. Веселовского. Спб. 1896. XII+719 стр. 8°.
173. Абу-Тахир ходжа. Самарийя. Таджикский текст, приготовлен к печати Н. И. В-ским. С предисловием и приложением рисунков. Спб., 1904, XII+81 стр. 8°.
174. Сочинения Чокана Чингисовича Валиханова. Издано под редакцией Н. И. Веселовского.—ЗРГОЭ, т. 29 (1904). Отдельно: Спб., 1904. С 2 портретами.
175. Материалы для истории Российской духовной миссии в Пекине. Издано под редакцией Н. И. Веселовского. Вып. 1, Спб., 1903, XII+72 стр. 8°.
176. Мечети Самарканда. Альбом архитектурных рисунков и чертежей. Вып. I. Мечеть Гур-эмир. Издание Императорской археологической комиссии, Спб. 1905, fol.
177. Записки разряда военной археологии и археографии Императорского Русского Военно-Исторического Общества. Под редакцией действительного члена Н. И. Веселовского, т. I. 1911; т. II, 1912; т. III, 1914, 4°.

Дополнения
к указателю трудов Н. И. Веселовского, составленному
В. В. Латышевым¹

1. Реферат доклада Н. И. Веселовского «О надгробном памятнике Тимура (Тамерлана) в г. Самарканде». — Известия о занятиях VII археологического съезда в Ярославле 6—20 августа 1887 года, Ярославль, 1887, № 10, стр. 5—6.

2. В какой степени подтверждаются археологическими данными летописные известия о смерти узбекского хана Шейбани? — Занятия VIII археологического съезда. М., 1890, с. 162—163;

3. Отчет о реферате Н. И. Веселовского «О сартских плясовых песнях», читанном в заседании Восточного отделения Русского археологического общества. — «Новое время», 1891, № 5660;

4. [О мазаре Кутби-Чаардегум в Самарканде, ныне разрушенном]. — ЗВООАО, X, 1897, с. XIV (Ср.: Самарийа, с. VII—XII, табл. I—II);

5. О последнем разорении города Самарканда. — Известия XI археологического съезда в Киеве 1—20 августа 1899 г. Киев, 1899, с. 117—118 (у Латышева отмечены лишь резюме в АИЗ и протокол в Трудах XI археологического съезда);

6. Мечеть Биби-Ханым. — «Туркестанские ведомости», 31 января 1899 г., № 9 (1725).

7. О самаркандских древностях (письмо в редакцию). — «Туркестанские ведомости», 18 апреля 1899 г., № 30 (1746);

8. Ханыков Николай Владимирович. — Энциклопедический словарь «Брокгауз — Ефрон», т. XXXVII, Спб., 1903, с. 56—57 (также: Н. В. Ханыков. — В кн.: Русский биографический словарь. Том «Фабер — Цявловский». Спб., 1901, с. 279);

9. Об альбоме самаркандских древностей. — Известия XIII археологического съезда в Екатеринославе 15—27 августа 1905 г. Харьков, 1905, с. 77—78;

10. [Предложение об увековечении в чертежах и рисунках мечети Ходжи Ахмеда Ясави в г. Туркестане]. — ИРКИСВА, № 5, 1905, с. 16—17.

11. [Н. И. Веселовский]. Список профессоров и приват-доцентов факультета восточных языков Имп. б. Петербургского, ныне Петроградского университета с 1819 г. [Пг., 1916], 36 с. См. также: С. Глазенап. Раскопки обсерватории Улуг-бека в Самарканде. — ИАК. Прибавление к вып. 31-му. Спб., 1909, с. 33—35. («Новое время», 1 ноября 1909, № 11725, с. рис.); Общие сведения об обсерватории. Раскопки В. Л. Вяткина в 1908 г. Сведения, сообщенные Глазенапу Н. И. Веселовским.

¹ В процессе работы над книгой о Веселовском нами были выявлены отдельные пропуски в составленном В. В. Латышевым указателе, которые мы и восполняем. — Б. Л.

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ¹

А. Русское археологическое общество

а. Общее собрание

- 11 февраля 1886 г. О раскопках в городище Афрасиаб близ Самарканда.
14 мая 1886 г. О древностях Закаспийского края.

б. Отделение русской и славянской археологии

- 9 октября 1904 г. Реферат о каменных бабах (Резюме: ЗРО, VII, 177).

в. Восточное отделение

- 13 декабря 1885 г. Сообщение о суверенном состоянии мусульманского населения Средней Азии и об амулете «базу-бенд».
13 декабря 1885 г. О Ташкентском музее.
7 марта 1886 г. Сообщение о мечети Шах-Зинде в Самарканде.
29 апреля 1886 г. Соображения по вопросу, существуют ли в Средней Азии подделки древностей.
27 мая 1886 г. О среднеазиатских курганах.
6 сентября 1886 г. О фотографическом альбоме буддийских идолов, составленном Н. П. Остроумовым.
6 сентября 1886 г. Слухи о надписях и статуе близ Пишпека.
18 декабря 1886 г. О среднеазиатских амулетах.
23 декабря 1891 г. О плясовых песнях сартов.
16 февраля 1893 г. Замечания по поводу сообщений Н. Ф. Петровского о кашгарских древностях.
14 марта 1896 г. О мазаре Кутби-Чаардегум в Самарканде.
1 апреля 1897 г. Воспоминания современника об Якуб-беке Бадаулете.
27 января 1900 г. О находке глиняных гробов в Самарканде (Подробное резюме доклада: ЗВО, XIII (1901), Протоколы, стр. II).
30 марта 1900 г. Из письма Ильминского к В. В. Григорьеву об одном месте у Рашид-ед-Дина.
25 октября 1901 г. К вопросу о впадении Аму-Дарьи в Каспийское море (Подробное резюме доклада: ЗВО, XIII (1901), Протоколы, стр. XVII).
21 марта 1902 г. Отрывок из поэмы Манас: «Смерть Кукотай хана и его поминки» в переводе Ч. Ч. Валиханова (Подробное резюме и текст перевода: ЗВО, XV, стр. VIII—XV).
19 сентября 1902 г. О книге «Ежегодник Ферганской области», т. I. (1902).
1 мая 1903 г. О надгробии Тимура (Резюме: ЗВО, XVI, стр. XI сл.).
22 января 1904 г. О первоначальном месте погребения Тамерлана (Резюме: ЗВО, XVI, стр. XX).

¹ Печатается по извлечениям из списка, составленного В. В. Латышевым.

24. февраля 1905 г. К известиям об обычаях у среднеазиатцев отделения у покойников мяса от костей. Рассказ торговца Афросимова (Резюме: ЗВО, XVII, стр. III, сл.).

29 сентября 1905 г. О первом выпуске альбома Самаркандских мечетей.

23 февраля 1906 г. О бронзовом кувшине, найденном в сел. Дмитриевском Пишпекского уезда (Резюме: ЗВО, XVII, стр. XXIX).

24 января 1908 г. Новые и неизданные восточные монеты.

24 сентября 1909 г. Об альбоме А. А. Боголюбова (Ковровое производство в Средней Азии).

25 февраля 1910 г. Об изображении тронов на металлических мусульманских средневековых сосудах (Резюме: ЗВО, XXI, стр. V).

29 сентября 1916 г. Греческие изображения на Туркестанских оссуариях.

28 сентября 1917 г. Роль стрелы в обрядах и ее значение.

Б. Русское географическое общество

20 апреля 1882 г. Предложение касательно собирания сведений о древних городах Туркестанского края путем привлечения к этому делу местных служащих и проект программы для руководства собирателям (ИРГО, т. 18, отд. 1, стр. 72).

14 октября 1886 г. О поездке к верховьям Зеравшана (Резюме: ИРГО, т. 22, стр. 487).

25 сентября 1887. О сборнике киргизских рассказов М. А. Миропнева (Резюме: ИРГО, т. 23, стр. 71).

29 ноября 1890 г. 1) Отзыв о рукописи С. К. Патканова «Тип остяцкого богатыря» и 2) О бухарской серебряной монете (Резюме: ИРГО, т. 26, стр. 117).

3 мая 1891. Отзыв о рукописи И. Нарбута «Каракунзские Дунгане» (ИРГО, т. 27, стр. 535).

Г. Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии

31 января 1904 г. О ближайших задачах исследования Средней Азии (напечатано в Протоколах Комитета).

1906 г. Экспедиция в Туркестан.

3 октября 1908 г. Сообщение о произведенных под его руководством работах по исследованию самаркандских архитектурных памятников и о раскопках В. Л. Вяткина, произведенных по поручению Комитета в окрестностях того же города и обнаруживших остатки обсерватории Улут-бека (Протоколы 1908 г., № 3, стр. 43).

Д. Разряд Военной археологии и археографии Русского военно-исторического общества

13 октября 1912 г. Аральская флотилия по официальным данным и по отзывам современников (Резюме: ЗРВА, т. 3, стр. 7).

Е. Московское археологическое общество

О названии «Арбат». Прочитано М. В. Никольским в заседании Восточной комиссии Общества 20 января 1890 г. (Резюме: в трудах Восточной комиссии, т. 2, вып. 1 (1896); Протоколы, стр. 66—67).

Ж. Археологические съезды

VI в Одессе, в августе 1884 г.

Об этнографическом значении некоторых географических имен. О времени принятия киргизами ислама. Заглавия приведены в Тр. VI АС, т. 1 (1886).

VI в Ярославле, в августе 1887 г.

Надгробный памятник Тимура в Самарканде.

VIII в Москве, в январе 1890 г.

Подробности смерти узбекского хана Мухаммеда Шейбани.

XI в Киеве, в августе 1899 г.

О последнем разорении города Самарканда (Прочитано 10 августа).
(Резюме: в АИЗ, т. 7 (1900), стр. 287 и в Тр. XI АС, т. 2 (1902), Протоколы, стр.110).

XIII в Екатеринославле, в августе 1905 г.

Альбом Самаркандских древностей (Прочитано 20 августа. Резюме: в Тр. XIII АС, т. 2 (1908), стр. 229).

Публичная лекция

О шаманстве. Прочитана в 1892 г. в здании Санкт-Петербургского университета в пользу пострадавших от неурожая (См. Отчет Санкт-Петербургского университета за 1892 г., стр. 56; Историческое обозрение, т. 6 (1893), стр. 218.).

Приложение 4

Опись
восточным и другим монетам,
привезенным Н. И. Веселовским
из Туркестанского края¹

Названия монет	Золотых	Серебряных	Медных
Бактрийские и индобактрий- ские	4	125	59
Персидский дарик	1	—	—
Так называемые Туранские	—	3	32
Сасанитские	—	5	1
Бухар-Худаты	—	23	18
Аббасидские	—	—	26
Тахиридские	—	—	48
Саманидские	—	26	295
Илекские	—	11	183
Хорезмшахские	2	1	8
Бувайхидские	—	6	—
Газневийские	2	4	—
Сельджукские	1	—	4
Подражание фатимидскому динару	1	—	—
Чингизидские	—	—	32
Джучидские	1	19	11
Джагатайские	—	88	24
Тимуридские	1	33	30
Шейбанидские	2	45	57
Бухарские	2	8	10
Кокандские	—	2	7
Балхские	—	—	10
Кашгарские	—	1	3
Китайские	—	—	5
Дехлийские	—	—	1
Ост-Индской компании	—	—	1
Неприуроченные	—	—	6
Византийские	3	—	—
Русские копейки поддель- ные	—	9	—

¹ Всюду сохранена транскрипция описи; цифры означают количество монет.

В деле № 20 содержится опись предметов древности, доставленных Н. И. Веселовским из Той-Тюбе, из Чорлоктепе, из Ферганской области (Аштау, Чодак, Чуст, Ахсы, Касан, Узген), из раскопок Афрасиаба (с 8 апреля по 14 августа), купленных в Бухаре, Фергане и Сыр-Дарьинской области, в Самарканде, Ахсы.

Опись включает также коллекции древних вещей, купленных в Самарканде: а) коллекция Юнусова, б) коллекция Хаджи-Заргера, в) коллекция Мирзы Бухарина, г) «покупки у Хафиза» и «покупки у бедняков (байкушей) из Афрасиаба и окрестных местностей».

Заключают опись «подарки», полученные Н. И. Веселовским, во время его пребывания в Туркестане, в том числе от Акрама Аскарлова (медный чираг, найденный в Шанриз), от А. И. Вилькинса, Н. В. Чарыкова, П. И. Хомутова, Королькова, Войцеховича, Иванова, Г. А. Арендаренко («медный идол из Афрасиаба») и др.¹

В этой описи фигурируют следующие приобретения, «паспортизированные» по месту находки или покупки: 4 медные монеты и обломки от них из Ахсы: серебряная монета бухар-худатов из Афрасиаба; 16 серебряных монет из Бухары (5 шейбанидских, 2 бухар-худатов, 2 джучидские, 2 илекские); монеты из Кермине; 25 серебряных тимуридских монет, купленных в Самарканде (1 хорезмшахская и 1 джучидская); 37 серебряных джагатайских монет, купленных в Самарканде; 40 серебряных редких монет (из них 17 шейбанидских, 2 бувайхидские, 2 бухар-худатов, 2 тимуридские, 1 сасанидская, 1 Имам-Кулихана, 3 илекские), купленных в Самарканде; 2 серебряные монеты илеков, купленные в Самарканде; 12 серебряных джагатайских мелких монет и 1 газневидская, купленные в Самарканде; 3 золотые монеты (1 подражание фатимидскому динару, 1 сельджукская и 1 газневидская), купленные в Самарканде; 6 серебряных монет (2 тимуридские и 2 джучидские), купленных в Самарканде; 5 медных монет (1 туранская и 4 саманидские), купленных в Самарканде; 20 серебряных монет (8 шейбанидских, 4 бувайхидские, 1 бухар-худатов, 1 Имам-Кули-хана, 3 илекские), купленных в Каттакургане; 9 серебряных монет (1 тимуридская и 3 джучидские), купленных в Ахсы; 1 илекская и 24 саманидские монеты, купленные в Ташкенте; 18 серебряных шейбанидских монет (2 Имам-Кули-хана), купленных в Ташкенте; клад мелких монет из Ташкента; 31 серебряная шейбанидская монета, купленная в Ташкенте; 12 медных монет илекханов, купленных в Намангане; 23 шейбанидские монеты, купленные в Ташкенте; 1 золотая византийская монета из Ахсы².

В архиве содержатся фотоснимки и зарисовки предметов древности (бронза, терракота и др.) из коллекции Литинского к труду Н. И. Веселовского об Афрасиабе³.

¹ Архив ЛОИА, ф. 1, оп. 1, д. 20, 1883 г., л. 140—152 (943 номера).

² Архив ЛОИА, ф. 1, оп. 1, д. 20, л. 140—152; также л. 155—164 (машинно-писный экземпляр).

³ Там же, л. 90—111 («По счету Демчинского, апрель — май 1894 г.». Из дела видно, что ИАК заказывала в типографии клише терракотовых изделий из коллекции Литинского, и они были изготовлены (имеются оттиски клише «12 таблиц древних терракот»).

ЛИТЕРАТУРА О Н. И. ВЕСЕЛОВСКОМ

Иконников В. Разбор книги Н. И. Веселовского о Хиве. — Университетские известия. Киев, 1877, № 11.

Иловайский Д. И. Поборники норманизма и туранизма [По поводу работ В. Г. Васильевского, В. О. Ключевского, Е. А. Белова]. «Русская старина», 1882, № 12, с. 585—619.

Иловайский Д. И. Дополнительная полемика по вопросам варяго-русскому и болгаро-гуннскому. М., 1886, 140 с.

Веселовский Николай Иванович. — Энциклопедический словарь «Брокгауз — Ефрон», т. VI. Спб., 1892, с. 100—101.

Н. И. Веселовский. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Санкт-Петербургского университета за истекшую треть четверть века его существования. 1869—1894, т. I. Спб., 1896, с. 151—152 (автобиография).

Труды почетных членов Н. И. Веселовского и Е. Д. Фелицына. — Известия Общества любителей изучения Кубанской области, вып. I. Екатеринодар, 1899.

Венгеров С. А. Источники словаря русских писателей, т. I. Спб., 1900, с. 563 (Н. И. Веселовский).

Н. И. Веселовский [Биобиблиографические материалы]. — В ст.: Б. М. Городецкий. Биобиблиографические материалы о Северном Кавказе. I. Литературные деятели Северного Кавказа. — В кн.: Северо-Кавказский альманах на 1908—1909 гг. Екатеринодар, 1908, с. 254—255.

Материалы для истории факультета восточных языков, т. IV. Обзор деятельности факультета [в] 1855—1905 гг., составленный проф. В. В. Бартольд. Спб., 1909, 206 с.

Бартольд В. В. Обзор деятельности факультета восточных языков. Спб., 1909 (Сочинения. т. IX. М., 1977, с. 28, 143, 146, 171, 177, 178, 181, 190, 201, 206, 444, 449; см. также многочисленные отдельные данные о Веселовском и его трудах и ссылки на них по указателям имен к I—IX томам собрания сочинений В. В. Бартольда).

Ефимов Н. И. [О книге:] Н. И. Веселовский. Татарское влияние на посольский церемоннал в Московский период русской истории. Спб., 1911. — «Исторический вестник», 1912, № 3, с. 1076—1078.

Юбилей проф. Н. И. Веселовского. — Журнал Русского военно-исторического общества, Спб., 1913, кн. 3, с. 117.

Юбилей проф. Н. И. Веселовского. — «Исторический вестник», 1913, № 3, с. 1088—1089.

Веселовский Николай Иванович. — В кн.: Императорское московское археологическое общество в первое пятидесятилетие его существования (1864—1914 гг.), т. II. Биографический словарь членов Общества. М., 1915, с. 66—67; Дополнения, с. 39—40.

Н. И. Веселовский — В кн.: Список профессоров и приват-доцентов фа-

культета восточных языков Императорского б. Петербургского, ныне Петроградского университета с 1819 г. Пг., 1916, 36 с.

Бартольд В. В. Николай Иванович Веселовский. Некролог. (1848—1918).—Известия Российской Академии наук, сер. VI, т. 12, № 9, 1918, с. 809—816 (также: Азиатский сборник, 1921).

П. Ш. Н. И. Веселовский. Некролог. Ученые записки историко-филологического факультета [Владивостокского университета], т. 1, отд. 2, Вып. 2. Владивосток, 1919, с. 21—22.

Бартольд В. В. Н. И. Веселовский как исследователь Востока и историк русской науки.—ЗВООАО, т. XXV, 1921, с. 337—355.

Печенкин Н. Памяти Н. И. Веселовского.—Там же, стр. 356—358.
Фармаковский Б. В. Н. И. Веселовский-археолог.—Там же, стр. 359—386.

Востоковедение в Петрограде. 1918—1922. Памятка Коллегии востоковедов при Азиатском музее Российской Академии наук. Пр., 1923 (Н. И. Веселовский; стр. 28—29).

Платонов С. Ф. Из воспоминаний. Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии, т. II. Симферополь, 1927, с. 132—137.

Бузескул В. П. Всеобщая история и ее представители в России, ч. II. Л., 1931, с. 170—171.

Якубовский А. Ю. Из истории археологического изучения Самарканда.—Труды отдела Востока Государственного Эрмитажа, т. II. Л., 1940, с. 289—299.

Шведова О. И. Историки СССР. Указатель печатных списков их работ. М., 1941, с. 36 (Н. И. Веселовский).

Крачковский И. Ю. Очерки по истории русской арабистики. М.—Л., 1950, с. 64, 73—75, 89, 121, 136, 137.

Веселовский Николай Иванович.—БСЭ, т. 7. М., 1951, с. 544.

Крачковская В. А. Эпиграфика Средней Азии (Пионеры эпиграфики. Туркестанский кружок любителей археологии).—«Эпиграфика Востока», VII. М.—Л., 1953, с. 49—53.

Шахматов В. и Киреев Ф. Из неопубликованных писем русских востоковедов. Письма Н. И. Веселовского.—Вестник Академии наук Казахской ССР, 1954, № 10 (115), с. 102—105.

Лунин Б. В. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Туркестанский кружок любителей археологии. 1895—1917. Ташкент, 1958, с. 29—31.

Кононов А. Н. Некоторые вопросы изучения истории отечественного востоковедения. М., 1960, с. 6, 19 (XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР).

Материалы по истории Ленинградского университета. 1819—1917. Обзор архивных документов. Составили А. Х. Горфункель, Л. А. Никулина, С. Н. Семенов. Л., 1961.

Формозов А. А. Очерки по истории русской археологии. М., 1961, с. 7, 86.

Акрамов Н. М. Выдающийся русский востоковед В. В. Бартольд. Научно-биографический очерк. Душанбе, 1963, с. 31—32.

Веселовский Николай Иванович.—Советская историческая энциклопедия, т. 3. М., 1963, столб. 393.

История исторической науки в СССР. Дооктябрьский период. Библиография. М., 1965, с. 245 и др. (№ 910, 987, 4079—4086, 4657, 8466, 10988).

Лунин Б. В. История и древности Туркестана в Трудах Всероссийских археологических съездов.—ИМКУ. Вып. 6. Ташкент, 1965, с. 201—220.

Лунин Б. В. Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении. Ташкент, 1965, с. 189—190.

Формозов А. А. Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965, с. 4—6.

Масанов Э. А. Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР. Алма-Ата, с. 222—223.

Данциг Б. М. Изучение Ближнего Востока в России (XIX—начало XX в.). М., 1968, стр. 112—113 и др.

Лунин Б. В. Самарканд в отечественной и мировой науке.— В кн.: История Самарканда, т. I. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Ташкент, 1969, с. 377—379, 386—388.

Шнишкин В. А. К истории археологического изучения Самарканда и его окрестностей.— В кн.: Афрасиаб, вып. 1. Ташкент, 1969, с. 23—40.

Веселовский Николай Иванович.— БСЭ, т. 4. М., 1971, с. 569.

Обзор русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию. Составитель О. В. Маслова, ч. IV, 1881—1886. Ташкент, 1971, с. 83—87 (Поездки Н. И. Веселовского по Средней Азии).

Кононов А. Н. История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период. Л., 1972, с. 4—6, 8, 9 и др.

Ромодин В. А. Изучение истории Ближнего и Среднего Востока.— В кн.: Азиатский музей.— Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. М., 1972, с. 445.

Данциг Б. М. Ближний Восток в русской науке и литературе (дооктябрьский период). М., 1973, с. 251—252.

[Кононов А. Н.] Веселовский Николай Иванович.— В кн.: Библиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период. М., 1974, с. 139.

Николай Иванович Веселовский.— В кн.: Историография общественных наук в Узбекистане. Библиографические очерки. Составитель Б. В. Лунин. Ташкент, 1974, с. 126—137.

[Лунин Б. В.] Прошлое и настоящее Хорезма в науке.— В кн.: История Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1976, с. 14—16.

Скачков П. Е. Очерки истории русского китаеведения. М., 1977, стр. 9, 52, 84, 185 и др. (по именному указателю)

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Архив ЛОИА	— Архив Ленинградского отделения Института археологии АН СССР (Ленинград).
ВДИ	— «Вестник древней истории», журнал (Москва).
ГИАЛО	— Государственный исторический архив Ленинградской области (Ленинград).
ГАИМК	— Государственная Академия истории материальной культуры (Ленинград).
ЖМНП	— «Журнал Министерства народного просвещения» (Петербург).
ЗВОРАО	— «Записки Восточного отделения Русского археологического общества» (Петербург).
ЗРАО	— «Записки Русского археологического общества» (Москва).
ИАК	— «Известия Императорской археологической комиссии» (Петербург).
ИРГО	— «Известия Русского географического общества» (Петербург).
ИРКИСВА	— «Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии» (Петербург).
ЛГИА	— Ленинградский государственный исторический архив.
ОАК	— Отчеты Археологической комиссии (Петербург).
РАО	— Русское археологическое общество.
ЦГАЛИ	— Центральный государственный архив литературы и искусства (Москва).
ЦГАУзССР	— Центральный государственный архив Узбекской ССР (Ташкент).

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абд-ал-Мумин Саттари 103
 Абдулгафаров Саттархан 128
 Абдураимов М. А. 145
 Абу-и-Газн 90, 118
 Абу Санд Махзум 74, 103, 104
 Абу Санд-ходжа 103
 Абу Тахир-ходжа 71, 102, 103, 167
 Агаджанов С. Г. 72
 Адрианов 166
 Айдарова Х. 37
 Айни Садриддин 103
 Айтемирев Василий 99
 Акимбетов Ш. 109
 Акрамов Н. М. 175
 Аксаков К. 135
 Александр Великий (Александр Македонский) 51, 53, 62, 117, 158, 165.
 Алексеев В. М. 30
 Алексей Михайлович, царь 94
 Алекторов А. Е. 161
 Алим-кул 105, 106
 Андреев М. С. 3
 Андрианов А. В. 36
 Аничков И. В. 105
 Антонович В. Б. 161
 Ануш-хан 94
 Апполон 56
 Арендаренко Г. А. 48, 70, 109, 127, 128, 159, 165
 Аристов Н. А. 127
 Артык Батыр 95
 Арциховский А. В. 66, 148
 Аскаров Акрам 48, 104, 107, 130, 131, 134, 173
 Асфендиар-хан 95
 Атаганиев Гариф 93
 Афросимов 170
 Ахмед Касани сейид (Махдуми-А'зам) 73, 74
 Ахмедов Б. А. 7, 103, 145
 Ахмет Кенисара 123
 Бабур 118, 120
 Бадмаев А. А. 166
 Бадмаев П. А. 166
 Базиянц А. П. 111
 Байпаков К. М. 5
 Бальзак Оноре де 121
 Банзаров Дж. 165
 Барон В. В. 129
 Бартольд В. В. 3, 5, 6, 8, 11, 14, 15, 16, 17, 19, 25, 27, 28, 29, 30, 31, 33, 34, 36, 37, 39, 46, 49, 50, 52, 55, 58, 59, 60, 62, 65, 66, 67, 68, 70, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 90, 91, 92, 95, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 110, 111, 115, 116, 119, 125, 126, 129, 133, 134, 137, 138, 140, 141, 143, 146, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 153, 154, 159, 161, 165, 174, 175
 Басир Нур-эд-Дин 83
 Баскаков Н. А. 111
 Баттута ибн 54
 Белинский В. Г. 12, 135, 136
 Березин И. Н. 20
 Бернштам А. Н. 88
 Бертельс Е. Э. 3
 Бичурин (Иакинф) 50, 88
 Благоев Дмитрий 135
 Блументаль Б. 158
 Бобок Носиф 151
 Бобринской А. А. 78, 79, 80, 85, 161, 163, 165
 Богахан 158
 Боголюбов А. А. 107, 126, 158, 166, 170
 Борзенков 21,
 Борисковский П. Н. 154
 Борисов А. Я. 73
 Боровков А. К. 125
 Боткин М. П. 79, 80
 Бравин Н. 158
 Брагинский И. С. 133, 152
 Браун Ф. А. 80
 Брежнев Л. И. 4
 Бузескул В. П. 175
 Булич С. К. 111
 Бутаевич-Петрашевский М. В. 135

- Бутлеров А. М. 135
 Бушев П. П. 115
 Бычков А. Ф. 166
 Бюлер Ф. А. 100
 Валиханов Чокан 38, 112, 114, 167, 169
 Валк С. Н. 6, 32
 Васильев В. П. 30, 79
 Васильев П. С. 116
 Введенский А. Н. 39
 Вельяминов-Зернов В. В. 20, 110, 120, 166
 Венгеров С. А. 39, 174
 Веретенников 85
 Верещагин В. В. 21
 Веселовский Александр П. 38
 Веселовский Алексей Н. 38
 Веселовский И. С. 25
 Веселовская В. В. 25
 Вилькинс А. Н. 48, 173
 Витте С. Ю. 78, 79, 80
 Войцехович 173
 Володарский М. И. 115
 Воробьев Н. 139
 Вышнегорский А. П. 124, 125
 Вышнеградский И. А. 78
 Вяткин В. Л. 62, 63, 67, 71, 81, 85, 103, 104, 168, 170
 Гартвельд В. П. 85
 Георгиевский С. М. 166
 Герцберг 117
 Герцен А. И. 135
 Гинзбург И. Я. 39
 Гиргас В. Ф. 87
 Глазенап С. 168
 Годлевский Н. Н. 166
 Голенищев К. 29
 Гондати Н. О. 165
 Гончаров Н. А. 12
 Гоогс де Р. 164
 Гордлевский В. А. 3, 7, 108, 128
 Горемыкин И. Л. 138
 Городецкий Б. М. 174
 Городцов В. А. 163
 Горохов А. И. 84
 Горфункель А. Х. 16, 175
 Грамшицкий С. М. 28, 55
 Грановский Т. Н. 135
 Грач А. Д. 101
 Гребенкин А. Д. 21
 Грибовской Софроний 111
 Григорьев В. В. 5, 6, 15, 17, 18, 20, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 33, 35, 71, 86, 87, 92, 106, 109, 110, 111, 112, 117, 120, 129, 132, 133, 134, 136, 140, 141, 142, 147, 149, 150, 161, 162, 166, 169
 Гримм Э. 151
 Гродеков Н. И. 125, 165
 Гуковский Г. А. 136
 Гуржиенко А. М. 84
 Гутковский К. К. 114
 Гутшмидт 117
 Даниял-бий 93
 Данияр 51
 Данинг Б. М. 7, 26, 175, 176
 Делянов И. Д. 138
 Демезон П. И. 42
 Демчикский 173
 Демьянов М. О. 166
 Джан Ходжа 105
 Дженкинсон Антони 93
 Джурабек 55
 Добролюбов Н. А. 135
 Долбежев В. И. 127
 Дорофеев П. И. 166
 Дройзен 117
 Дружинин Н. М. 7, 39
 Дубровин П. Ф. 78, 79
 Дудин С. М. 79, 82, 84, 129, 159
 Дурново П. Н. 138
 Дюдель-царевич 164
 Дюдень-хан 164
 Евтюхова Л. А. 102
 Егоров Д. Н. 43
 Ефимов Н. И. 174
 Жебелев С. А. 9, 34
 Желтяков А. Д. 7
 Жуковский В. А. 16, 34, 59, 75, 79, 80, 83, 103, 152
 Заикин 138
 Залеман К. Г. 79, 80, 109
 Засодимский П. В. 135
 Захау Э. 89
 Зацепин Д. К. 129
 Зияев Х. З. 7, 96
 Ибн ал-Асир 88
 Ибн-Хаукаль 54
 Ибрагимов И. И. 114
 Иванов 173
 Иванов А. И. 164
 Иванов П. П. 91
 Ивановский А. О. 50
 Иконников В. С. 174
 Изловайский Д. И. 174
 Ильбарс-хан 95
 Ильинский Н. 158
 Ильминский Н. И. 162, 169
 Ильтесер-хан 143
 Имамкули-хан 75, 94, 173
 Иностранцев К. А. 55
 Истахри 51, 53, 54, 106
 Казембек А. К. 6, 110, 166
 Каллаур В. А. 125
 Калачев 94
 Калинин А. Ф. 136
 Калининский Кастусь 135
 Калмыков А. Д. 129, 159
 Каль Е. Ф. 43, 109
 Карелин Г. С. 125, 161
 Карпов Г. Ф. 99, 100
 Касымбеков К. Ф. 38

- Катанов Н. Ф. 3. 105, 158
 Кауфман К. П. 27
 Кафаров Палладий 162
 Кельзи Ф. И. 166
 Кенисари Султан 158, 165
 Киреев Ф. 129, 175
 Киселев П. Д. 7
 Княшко И. И. 166
 Клавихо Рюи Гонзалес де 50, 124, 164
 Клеменц Д. А. 162
 Ключевский В. О. 153
 Кляшторный С. Г. 76
 Коковцов П. К. 17, 59
 Колпаковский Г. А. 114
 Кондратьев 25
 Кононов А. Н. 6, 7, 8, 22, 25, 26, 35, 110, 111, 115, 147, 150, 152, 175, 176
 Короленко П. Н. 166
 Корольков 173
 Коссович К. 29
 Костомаров Н. И. 135
 Крафт И. И. 126, 165
 Крачковская В. А. 7, 34, 74, 75, 76, 82, 148, 175
 Крачковский И. Ю. 3, 7, 17, 39, 109, 110, 115, 136, 141, 175
 Крестовский В. В. 21, 40, 41, 45
 Крупнов Е. И. 10, 127
 Кузнецов Ипполит 165
 Кузнецов П. Е. 127
 Кузьмин И. П. 37
 Куко-тай-хан 114, 169
 Кумеков Б. Е. 5
 Кун А. Л. 25, 76
 Кутейба ибн 89
 Кутиров Д. Д. 166
 Кушакевич А. А. 21
 Кюль-тегин 77
 Лазаревский И. И. 80, 81
 Ламанский В. И. 166
 Ламенов А. Д. 166
 Латышев В. В. 36, 37, 160, 164, 167, 169
 Лашков Ф. Ф. 99
 Ленин В. И. 4, 11, 92, 127, 135, 136
 Лерх П. И. 20, 21, 27, 34, 42, 44, 59, 69, 86, 87, 88, 92, 111, 126, 147, 149, 166
 Лессар П. М. 116
 Ливен 28
 Литинский 56, 173
 Лопатин Герман 135
 Лукин Б. В. 5, 6, 20, 25, 26, 28, 55, 67, 74, 76, 77, 91, 103, 108, 110, 114, 125, 127, 128, 129, 130, 131, 151, 154, 175, 176
 Лыкошин Н. С. 21, 118, 119, 125, 165
 Любимов Н. И. 163
 Люстерник Е. Я. 83
 Лянглз Л. 119, 165
 Мавродин В. В. 136
 Мадали-хан 118
 Маев Н. А. 48
 Майков Л. Н. 39
 Макаров 138
 Мандель С. З. 136
 Маркевич А. И. 99
 Марко Поло 163
 Марков А. К. 77
 Маркс Карл 136
 Марр Н. Я. 17, 35, 37, 39, 151, 154
 Мартин 78
 Масанов Э. А. 175
 Маслова О. В. 176
 Массон М. Е. 51, 85, 86
 Мауринг Э. И. 31
 Медников Н. А. 75, 115
 Меллоранский П. М. 113
 Мельгунов Г. В. 166
 Менделеев Д. И. 135
 Мержневский С. 80
 Мешкерис В. А. 58
 Миддендорф А. Ф. 49
 Миклухо-Маклай Н. И. 135
 Милютин Д. А. и Н. А. 112
 Минаев И. П. 3, 41
 Миненко А. 81
 Минорский В. Ф. 67
 Мираншах Мирза 48, 163
 Мирза Абдулла Бухари 129, 130, 134, 173
 Мирза Абд ар-Рахман 109
 Мирза Ахмед, кушбеги 101, 106, 143
 Мирза Барат 103
 Мирза Шемс Бухари 90
 Мировиц М. А. 170
 Мир-Хайдар 93
 Мирхонд 88
 Михаил Федорович, царь 94
 Михаэлис Е. П. 135
 Монгайт А. Л. 10, 13
 Мукминова Р. Г. 7, 75
 Мулла-Карп 103
 Муравьев Н. Н. 86, 87
 Муса-бай 105
 Мухаммед-Рахим, хан 143
 Мухаммед Юсуф мунши 90
 Набиджан Хатиф 118
 Навроцкий М. Т. 166
 Надир-шах 76, 98
 Наливкин В. П. 120, 121, 122, 125, 158, 164
 Нализкина М. В. 121, 122, 158, 164
 Нарбут И. 170
 Нарбута Оваз Бахадур 95
 Наршахи Мухаммад 126, 165
 Наср, эмир 74
 Насрулла 93
 Низам-ад-Дин-ходжа 83
 Никольский М. В. 170
 Никулина Л. А. 16, 175
 Новиков Н. И. 99

- Олаэддин 53
 Ольденбург С. Ф. 17, 30, 34, 43, 116,
 151, 154, 162
 Омар 93
 Оранский И. М. 101, 106
 Орбели И. А. 35, 108
 Орлов П. 166
 Осман 76
 Остроумов Н. П. 17, 37, 55, 66, 68, 69,
 103, 118, 122, 125, 128, 129, 137, 138,
 149, 165, 169.
 Ошанин Л. В. 72, 149
 Павлов Н. П. 135
 Пазухин Б. А. 95, 97, 157, 163
 Пазухин С. А. 157
 Пантусов Н. Н. 25, 28, 110
 Патканов К. П. 35, 87, 150, 166
 Патканов С. К. 165, 170
 Периханян А. Г. 109
 Пети де ла Круа 119
 Петр Великий 98
 Петров П. Я. 26, 136
 Петровский Н. Ф. 55, 114, 169
 Петровцева В. В. 25
 Петрушевский И. П. 7, 14, 15, 145
 Печенкин Н. 6, 35, 37, 175
 Писарев Д. И. 135
 Платонов С. Ф. 163, 175
 Плева В. К. 138
 Плетнева С. А. 101
 Плоских В. М. 105, 127
 Позднеев А. 164
 Покрышкин П. П. 37, 79, 80, 81, 82
 Полелук А. 80
 Померанцев 80
 Помяловский Н. Г. 135
 Попов А. С. 135
 Попов Г. 158
 Попов П. С. 168
 Пославский И. Т. 83
 Потанин Н. Г. 39, 113, 114, 163, 165
 Потапов А. А. 72
 Приселков М. Д. 166
 Птицын 165
 Пугачев Емельян 98
 Пугаченкова Г. А. 56
 Пушкин А. С. 135
 П. Ш. 175
 Пылин А. Н. 135
 Рабиа-Султан 76
 Раджаб-хан 71
 Радищев А. Н. 135
 Радлов В. В. 20, 34, 79, 80, 130
 Рамазанов Т. М. 6
 Рассадина Е. Ф. 110, 141
 Рассохин И. К. 111
 Рашид-ад-Дин 169
 Ремпель Л. И. 56
 Рерих Н. К. 39
 Рихтгофен Ф. 31
 Розен В. Р. 6, 16, 17, 22, 26, 29, 34, 35,
 42, 75, 79, 87, 111, 116, 129, 133, 137,
 140, 166
 Розенбах 139
 Романов К. К. 37, 84
 Ромодин В. А. 15, 17, 176
 Ростиславов М. Н. 21, 28, 122, 123
 Ростовцев М. И. 34
 Савельев П. С. 20, 24, 109, 110
 Садык, султан 123, 158, 165
 Сайтафарн 162
 Сайид-Эмир-Хуссейн 93
 Самойлович А. Н. 116, 151
 Семанов С. Н. 16
 Семенов А. А. 3, 74, 75, 103
 Семенов С. Н. 175
 Семенов-Тянь-Шанский П. П. 135
 Сенковский О. И. 20, 25
 Серошевский В. Л. 39, 115, 165, 167
 Сефевн Исмаил 70
 Сеченов И. М. 135
 Скачков К. А. 111, 166
 Скачков П. Е. 111, 176
 Сладкевич Н. Г. 136
 Смирнов В. Д. 127, 128, 165
 Смирнов Е. Т. 123, 124, 129, 158, 159,
 164, 165
 Смержевский Феодосий 111
 Снесарев А. Е. 3
 Соковини 158
 Соколовский М. К. 39
 Соломко Н. С.
 Софрон 120
 Спицын А. А. 80, 65
 Спришевский В. И. 72
 Срезневский И. И. 164
 Стасюлевич М. М. 115
 Стемпковский И. А. 164
 Стори Ч. А. 119
 Суворов Н. 119, 165
 Сулейман 74
 Султан Саид хан 105
 Суслов 80
 Сухомлинов М. И. 111
 Тевяшов Е. Е. 163
 Тереножкин А. И. 50
 Тизенгаузен В. Г. 6, 36, 77, 111, 128,
 164, 166
 Тимирязев К. А. 135
 Тимур (Тамерлан) 48, 50, 70, 72, 73, 74,
 75, 76, 78, 81, 82, 83, 118, 119, 120,
 143, 162, 163, 164, 165, 167, 169, 171
 Тимур-Кутлук 130
 Тихомиров М. Н. 98
 Ткачев П. Н. 135
 Токтомир 164
 Токузиро Нисси 166
 Толстов С. П. 90
 Толстой Н. И. 130, 138
 Тохтамыш 130

- Тревер К. В. 57
 Троицкий 120
 Троцкий В. Н. 93
 Трутовской В. К. 39
 Туманович Н. Н. 5, 31, 37, 106
 Тургенев И. С. 135
 Уваров А. С. 14
 Уварова П. С. 36, 69, 127, 165
 Уйфальви 109
 Улугбек 76, 86
 Ульянов А. И. 135
 Умняков И. И. 5, 7, 27, 31, 67, 115, 150, 151
 Унковский И. 100, 162
 Успенский Г. И. 135
 Утин Н. И. 135
 Фармаковский Б. В. 6, 10, 11, 12, 13, 34, 36, 37, 58, 66, 101, 152, 175
 Федотов (Федотьев) И. М. 94, 161
 Фелицын Е. Д. 174
 Формозов А. А. 7, 9, 14, 154, 175
 Френ Х. Д. 6, 20, 24, 120
 Фуше 55
 Халибай, Мулла 104, 105
 Халфин Н. А. 110, 115, 141
 Хамдамов П. У. 127
 Хан-ходжа 105
 Ханыков Н. В. 3, 20, 42, 75, 76, 110, 120, 141, 167
 Харузин А. Н. 127, 165
 Хафиз 173
 Хвольсон Д. А. 87
 Хилков 94, 95
 Ходжа Ахрар 75, 76, 162
 Ходжа Казий, тюра 105
 Ходжи-Заргер 173
 Холодковский И. М. 166
 Хомутов П. И. 48, 173
 Хорошев 163
 Хохлов И. Д. 70, 94, 98, 162.
 Худояр-хан 105, 106, 158
 Цагарели А. 29
 Цеван-Раптан 162
 Цейль 86
 Чернышевский Н. Г. 135
 Черняев М. Г. 139, 159
 Черняев С. И. 25
 Чарыков Н. В. 173
 Чехович О. Д. 75
 Чингиз-хан 54, 164
 Чистяков 80
 Шамрай В. С. 166
 Шах-Будаг 76
 Шахматов А. А. 129, 175
 Шах-Мурад 93
 Шварц Ф. 117, 165
 Шведова О. И. 175
 Шебунин А. Ф. 76
 Шейбани Мухаммед 39, 70, 145, 158, 162, 171
 Шереф-ад-Дин Йезди 119
 Шилов Л. А. 136
 Шишкин В. А. 6, 7, 46, 49, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 176
 Шмидт А. Э. 17, 151
 Шубинский П. 117, 158, 165
 Щербина Ф. А. 166
 Щербина-Крамаренко Н. И. 80
 Щусев А. В. 80, 81, 82
 Эванс Артур Джон 13,
 Эдиг 112
 Энгельс Фридрих 136
 Эмир Музаффар 93, 107
 Юлдашев М. Ю. 96, 97
 Юнус, мулла 123
 Юнусов 173
 Ядринцев Н. М. 114
 Якоби И. В. 98, 99
 Якуб-бек 101, 106, 121, 143, 158, 162, 169
 Якубовский А. Ю. 5, 6, 10, 26, 32, 33, 53, 60, 61, 66, 67, 68, 82, 130, 135, 140, 143, 146, 147, 175
 Ялангуш-бий 73
 Яматов В. Г. 166
 Ясеви Ахмед 76, 84, 85, 168

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.	3
Глава I. В. В. Григорьев, Н. И. Веселовский, В. В. Бартольд как исследователи историко-культурного прошлого Средней Азии. Некоторые вопросы востоковедной историографии.	5
Глава II. Жизнь и научная деятельность Н. И. Веселовского.	24
Биографическая канва	24
Археологические исследования в Средней Азии	40
Освещение истории Средней Азии на всероссийских археологических съездах.	69
Работы по эпиграфике и нумизматике Средней Азии.	73
Изучение историко-архитектурных памятников Средней Азии.	77
«Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве» и другие историко-востоковедческие работы.	86
Публикация письменных источников по истории Средней Азии.	102
Н. И. Веселовский — этнограф, историограф, редактор, рецензент.	106
Глава III. Научно-общественный облик Н. И. Веселовского и его место в истории отечественного востоковедения	132
Приложения	155
Приложение I. Извлечение из описи дел личного фонда Н. И. Веселовского, хранящегося в Центральном Государственном архиве литературы и искусства СССР (Москва).	157
Приложение 2. Список трудов Н. И. Веселовского, составленный В. В. Латышевым	160
Дополнения	168
Приложение 3. Список докладов и сообщений Н. И. Веселовского	169
Приложение 4. Опись восточным и другим монетам, привезенным Н. И. Веселовским из Туркестанского края	172
Приложение 5. Литература о Н. И. Веселовском.	175
Условные сокращения	176
Именной указатель	177

**Борис
Владимирович
Лунин**

**СРЕДНЯЯ АЗИЯ
В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ
ОТЕЧЕСТВЕННОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ**

Исторнографический очерк

*Утверждено Ученым советом Института истории АН УзССР
и Отделением истории, языкознания и литературоведения АН УзССР*

Редактор *Д. А. Машарипова*
Художник *В. С. Тий*
Технический редактор *О. Остроухова*
Корректор *Т. В. Кормушина*

ИБ № 709

Сдано в набор 10/IV-79 г. Подписано к печати 23/V-79 г. P07755. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 11,5. Уч. изд. л. 13,4. Тираж 1000. Заказ 86. Цена 2 р. 40 к.

Типография издательства «Фан» УзССР, Ташкент, проспект М. Горького, 79.
Адрес издательства 700047. Ташкент, ул. Гоголя, 70